

Галина Сергеевна ЧЕРТКОВА

ГРАКХ БАБЕФ

ВО ВРЕМЯ ТЕРМИДОРИАНСКОЙ РЕАКЦИИ

Ответственный редактор В. М. ДАЛИН

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории Академии наук СССР
М.: «Наука». 1980

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Глава 1. В первые недели после 9 термидора

Глава 2. Начало изменений в политических взглядах Бабефа

Глава 3. Бабеф в тюремном заключении. Завершение идейной эволюции

Заключение

Использованные источники и литература

Веб-публикация: [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2009. Ссылки на тематические работы даны нами.

Бабеф. Письмо жене 25 июля 1789 г. Из «Письма депутата Пикардии» 14 июля 1790 г.

Бабеф. Манифест плебеев

Г.Черткова. От Бабефа к Буонаротти: движение во имя равенства или заговор равных?

Ф.Буонаротти. Заговор во имя Равенства (с приложением документов)

Г.Черткова. Барнав, Бабеф: два взгляда на французскую революцию

Я.Старосельский. Бабеф и якобинская диктатура

Д.Туган-Барановский. Наполеон и Республиканцы

К.Добролюбский. Термидор

К.Добролюбский. Классовая борьба в парижских секциях в первые месяцы после 9 термидора

К.Добролюбский. Термидорианская реакция (общественная жизнь по свидетельствам очевидцев)

П.Щеголев. Заговор Бабефа

П.Щеголев. После Термидора

М.Доманже. Бабеф и заговор Равных

А.Матьез. Термидорианская реакция (чч.1, 2)

Х.Момджян. Биография и общественно-политические и философские взгляды Сильвена Марешаля

С.Киясов. Сильвен Марешаль

С.Моносов. Очерки по истории Якобинского клуба

А.Собуль. Робеспьер и народное движение

Г.Кунов. Политические кофейни: парижские силуэты времен Великой французской революции

А.Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции

В.Волгин. Сборник работ «Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в.»: Великая французская революция и социализм (Франсуа Буассель, «Социальный кружок», аббат Фоше, Ланж из Лиона, Прудом, Рабо Сент-Этьен, Госселен, М.Робеспьер, Сен-Жюст, Жан-Поль Марат, Пьер-Гаспар Шометт, «бешеные» - Жак Ру, Теофиль Леклерк, Жан Варле; Бабеф) Идейное наследие бабувизма

В.Волгин. Французский утопический коммунизм XVIII-XIX вв.

Г.Черткова. Об антиномии свободы и равенства и проблеме выбора

ПОСТТЕРМИДОРИАНСКИЙ КОНВЕНТ: ликвидация революционного порядка управления

И.Эренбург. Заговор Равных

Мы добавили также к монографии публикацию **Г.С.Чертковой «ПИСЬМО Г.БАБЕФА К ТИБОДО ИЗ АРРАССКОЙ ТЮРЬМЫ» (Французский ежегодник, 1970).**

ВВЕДЕНИЕ

Г.Бабеф, французский революционер-коммунист, впервые выходит на политическую арену в эпоху термидора. Именно в это время в его взглядах намечился решительный поворот от веры в «чистую демократию» к мысли о необходимости временной диктатуры, от представлений о «мирной революции» — к идее вооруженного заговора, от яростного антиробеспьеризма — к знаменитой формуле «робеспьеризм — это демократия». Рассмотрению причин и хода этого коренного изменения политических взглядов Бабефа в значительной мере и посвящена данная работа, также объясняющая, почему и как непосредственно после завершения термидорианского периода Бабеф впервые перешел к открытой коммунистической пропаганде.

Изучение жизни и деятельности Гракха Бабефа сравнительно недавно заняло заметное место в историографии Великой французской революции. Если исследование истории революции насчитывает почти столько же лет, сколько прошло со времени революции, то история Бабефа и бабувизма всерьез привлекла внимание ученых лишь в конце XIX в., когда крупные успехи социалистического движения на мировой, и прежде всего на европейской, арене вызвали особенно пристальный интерес и к истории социалистической мысли. С тех пор и вплоть до наших дней Заговор во имя равенства, биографии его основных участников неоднократно становились предметом специальных научных трудов как в нашей стране, так и за рубежом.

Вполне естественно при этом, что внимание историков привлекало в первую очередь само движение «равных». Идею же становление их главы и вдохновителя, ранний период его деятельности, хотя и вызывали несомненный интерес, были все же исследованы заметно слабее. Эта лакуна была в значительной мере заполнена монографией известного советского историка В.М.Далина¹. Вводя в научный оборот множество неизвестных ранее документов из личного архива Бабефа, он создал чрезвычайно полную биографию Бабефа со времен его юности до момента крушения якобинской диктатуры. Однако период между 9 термидора и окончательным становлением Заговора во имя равенства также представляет огромный интерес для исследователя.

Особое место и в истории бабувизма, и в биографии Бабефа занимает III год Республики, целиком приходящийся на период термидорианской реакции. Именно в этом году произошел тот поворот в политическом взглядах Бабефа, который привел его от веры в «чистую демократию», «прямое народоправство» к мысли о необходимости временной диктатуры, от представлений о массовом полуспонтанном народном действии, о «мирной революции» — к идее вооруженного заговора, насильственного переворота, от ярого антиробеспьеризма — к знаменитой (правда, высказанной несколько позднее) формуле «робеспьеризм — это демократия». Не случайно К.Маркс и Ф.Энгельс, рассматривая вопрос о том, как в ходе Великой французской революции из идей формальной демократии постепенно возникало представление о демократии подлинной, ссылаются прежде всего на Бабефа².

Цель данной работы — показать, как именно происходил этот поворот во взглядах Бабефа, проследить процесс их становления. Сама такая постановка вопроса свидетельствует о том, что на страницах работы не следует искать исчерпывающий портрет Бабефа, всеобъемлющее описание его деятельности в избранный нами период. Более того, автор иногда сознательно ограничивается сравнительно беглым рассмотрением тех эпизодов из жизни Бабефа, которые оказались достаточно освещенными в литературе, уделяя значительно большее внимание моментам, которые представляются принципиально важными либо недостаточно исследованными.

В своей капитальной монографии В.М.Далин чрезвычайно подробно рассмотрел практически всю существующую литературу о Бабефе. Превосходный знаток трудов К.Маркса и Ф.Энгельса, он показал также, какое внимание уделяли Бабефу и бабувизму основоположники марксизма как в своих работах, предназначавшихся для печати, так и в черновиках и конспектах³. В 1972 г. В.М.Далин дополнил свой историографический очерк специальной статьей, посвященной новейшей литературе о Бабефе⁴. Выполненный им исключительно полный обзор работ по истории бабувизма делает излишним специальное историографическое введение к данной книге.

Говоря об источниках по теме данной работы, отметим, что мы пользовались как опубликованными, так и архивными материалами. Среди печатных источников важнейшим является газета Бабефа, первоначально называвшаяся «Газета свободы печати», а с 23-го номера

переименованная в «Трибун народа». Она состояла почти исключительно из материалов, написанных самим Бабефом, и с 1-го по 27-й номер выходила почти ежедневно, что позволяет проследить идейную эволюцию Бабефа буквально день за днем. Позднее, после разрыва Бабефа с его издателем Гюффруа, газета стала выходить со значительными перерывами. Однако сравнительная редкость ее номеров частично возмещалась их гораздо большим объемом и чрезвычайно интересным содержанием. Вторую группу печатных источников составляют брошюры и памфлеты Бабефа, опубликованные в конце 1794 — начале 1795 г. Они неравноценны по объему и значению, но все без исключения представляют серьезный интерес. В первую очередь это относится к знаменитому памфлету Бабефа «О системе уничтожения населения...», подлинный смысл которого ускользнул от многих историков.

Что касается неопубликованных источников, то в Москве, в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится большой личный архив Бабефа, приобретенный Д.Б.Рязановым еще в 20-е годы⁵. Большая часть этого архива, освещающая жизнь и деятельность Бабефа накануне революции и в ее первые годы, исчерпывающе разработана в монографии В.М.Далина. Но те материалы, которые освещают его деятельность после переворота 9 термидора, использованы еще очень мало. Между тем они существенно дополняют то, что нам известно о Бабефе по печатным источникам, а зачастую вносят и серьезные коррективы в эти представления.

Добавим, что значительная часть архивного фонда Бабефа и почти все его печатные издания стали в последнее время доступны советскому читателю благодаря предпринятому Институтом всеобщей истории АН СССР совместно с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, пока еще не завершенному, четырехтомному изданию «Сочинений» Гракха Бабефа на русском языке.

Таким образом, для истории того периода, когда Бабеф находился на свободе, мы располагаем сочетанием важнейших печатных источников с богатой архивной документацией. Несколько иное положение с материалами, освещающими такой важный для идейного формирования Бабефа этап, как время его тюремного заключения. Естественно, что здесь печатные источники почти отсутствуют (за девять месяцев своего пребывания в тюрьмах он опубликовал лишь два небольших текста). Но этот недостаток во многом возмещается наличием первоклассного архивного материала — переписки Бабефа с Шарлем Жерменом. Подробнее об этих письмах и о самом Шарле Жермене будет рассказано в третьей главе настоящей работы. А здесь упомянем только, что в сочетании с материалами из архива Бабефа, с обнаруженными В.М.Далиным чрезвычайно ценными документами из архива М.-А.Жюльена⁶, а также с фрагментарными публикациями некоторых документов, предпринятыми В.Адвиелем, Л.Жакобом, А.Оларом, Э.Шаравэ и совсем недавно Р.Леграном (о них также пойдет речь в третьей главе), этот источник дает возможность достаточно подробно проследить историю формирования идей зрелого бабувизма.

Прежде чем перейти к рассказу о сложных перипетиях биографии Бабефа во время термидорианской реакции, необходимо сказать несколько слов о его жизни и идейном развитии до 9 термидора⁷.

Франсуа-Ноэль Бабеф, которому суждено было войти в историю под избранным им самим именем Гракха, родился в 1760 г. в городе Сен-Кантене, в цветущей северо-западной французской провинции Пикардия. Отец его, поздно обзаведшийся семьей, к моменту рождения своего первенца не обладал уже никакой собственностью и был мелким служащим у генеральных откупщиков. Жалованье он получал более чем скромное, и семья, в которой родилось 13 детей (в живых осталось, правда, только четверо), жила в большой бедности. Первым и единственным учителем способного мальчика был отец — человек, весьма мало подходящий к такой роли как по ограниченности своих познаний, так и в силу особенностей своего характера. Позднее Бабеф без всякой теплоты вспоминал о грубых приемах, с помощью которых его отец вколачивал в сына начатки грамоты и четкий почерк. Однако именно эти первые уроки, при всем их несовершенстве, заложили тот крайне скромный, но необходимый фундамент, на котором Бабеф впоследствии совершенно самостоятельно, благодаря свойственной ему жажде знаний, воле, упорству и редкостному трудолюбию возвел здание своей вполне основательной образованности.

В бедных семьях детство длится недолго. Как старшему сыну, Бабефу очень рано пришлось зарабатывать на хлеб. Совсем еще мальчиком он, невзирая на хрупкое от природы сложение, попал на строительство Пикардийского канала. Даже спустя много лет Бабеф с ужасом вспоминал о «непомерной тяжести» этого труда. В поисках менее тяжелого способа заработать себе на жизнь он, к тому времени, по собственным его словам, уже четыре-пять лет не державший пера в руках, решил восстановить свой прежний красивый и четкий почерк. Можно себе представить, каких неимоверных усилий и упорства требовали от него подобные упражнения после многочасового изнурительного физического труда. Но энергия и железная воля юноши преодолели все препятствия, и через некоторое время ему удалось получить место писца и ученика у нотариуса-февдиста.

С тех пор и до самой смерти Бабефу никогда не приходилось заниматься физическим трудом. Весьма многие на его месте, сумев благодаря своим талантам или счастливому случаю освободиться от мучительной необходимости добывать пропитание непосильным трудом, старались бы вычеркнуть из памяти, собственной и чужой, этот «унизительный» период своей жизни и были готовы заплатить любую цену за то, чтобы удержаться «наверху». Не таков был Бабеф. Тяжелый труд на строительстве Пикардийского канала на всю жизнь оставил след в его душе, отзываясь в нем глубоким сочувствием к людям, надрывающимся ради жалкого куска хлеба, горячим стремлением улучшить их участь.

Период февдистского ученичества Бабефа миновал необычайно быстро. В 21 год — очень рано, особенно для юноши без связей, денег и

образования, — он уже начал самостоятельно работать как февдист. В том же году произошло еще одно важное событие в жизни Бабефа — он женился на Мари-Анн-Виктуар Лангле, служанке в замке Дамери, принадлежавшем семье Бракмонов. Брак оказался удачным: малограмотная, но добрая, умная и глубоко порядочная девушка стала надежной спутницей многотрудной жизни Бабефа и прекрасной матерью его детям. Бракмоны, видимо, ценили свою трудолюбивую служанку и на первых порах оказывали молодой семье покровительство⁹.

Вскоре после женитьбы Бабеф обосновался в небольшом городке Руа, где прожил до 1792 г. Его деятельность февдиста на первых порах была вполне успешной: благодаря своей энергии и способностям он сумел завоевать некоторую известность и добиться независимого положения и скромного достатка. Любопытно отметить, что даже в той насквозь пронизанной рутиной сфере деятельности, куда судьба забросила Бабефа, он сумел проявить одну из характернейших черт своей личности — свойственный ему творческий дух. В самом деле, чем бы Бабеф ни занимался, он никогда не довольствовался тем, чтобы просто в совершенстве овладеть применявшимися ранее методами; он всегда стремился посмотреть, нельзя ли что-то изменить, улучшить, усовершенствовать. Так и здесь: за недолгие годы своей февдистской деятельности Бабеф сначала разработал новую систему составления сеньериальных описей, издав по этому поводу специальный трактат, а затем написал (и позднее опубликовал) «Постоянный кадастр» — попытку унифицировать дело составления описей уже в масштабах всей Франции и даже реформировать систему налогового обложения вообще.

Казалось бы, такой человек должен был процветать и уж во всяком случае обеспечить своей растущей семье безбедное существование. Но неодолимым препятствием на пути к преуспеянию стали те его качества, которые чрезвычайно плохо, особенно в те предреволюционные времена, сочетались с навязанной ему по прихоти судьбы ролью служащего сеньориальной администрации, — острый, пылкий, в высшей степени самобытный ум и пылкое сердце, чутко откликавшееся на всякую несправедливость. Эти стороны его натуры в полной мере отразились в интересном источнике, рисующем нам историю духовного становления Бабефа незадолго до революции, — его переписке с секретарем аррасской Академии Дюбуа де Фоссе. Этот яркий и интересный человек, принявший близко к сердцу одну из основных задач Академии — распространение просвещения в его родной провинции, пропаганду там научных знаний и поощрение местных талантов, разработал остроумную систему переписки, позволявшую ему поддерживать регулярную почтовую связь с большим числом корреспондентов одновременно. Одним из таких его корреспондентов «с мест» и стал Бабеф.

Переписка, длившаяся более полутора лет (с лета 1786 по весну 1788 г.), свидетельствует о том, что провинциальный февдист постоянно размышлял над вопросами, далеко выходящими за рамки его профессиональных интересов. Она показывает его тоску по собеседнику, который разделял бы его интеллектуальные запросы, его страстную, поистине ненасытную жажду знаний, его острый интерес к проблемам общественной жизни, а также незаурядную остроту и оригинальность суждений. Эта переписка, несомненно, была большой школой для Бабефа, и о ней можно было бы еще многое сказать, но нам особенно важно выделить два момента: во-первых, явную ненависть Бабефа ко всем видам угнетения, будь то экономическое, социальное, расовое или семейное, и его горячее стремление помочь жертвам этого угнетения; во-вторых, его тяготение к радикальным и нестандартным решениям встающих перед ним общественных вопросов. С этим тесно связаны и неоднократно проявляемый в ходе переписки интерес к проблемам равенства, полного равенства, как подчеркивает Бабеф, и весьма критическое отношение к существующему порядку вещей, в частности к отношениям собственности. Интересно отметить следующее. Хотя Бабеф несколько сдерживает себя в письмах к Дюбуа де Фоссе¹¹, в них по крайней мере дважды проявляются следы если и не сложившихся коммунистических воззрений, то во всяком случае коммунистических симпатий и тенденций.

Прежде всего это проект создания «коллективных ферм», т.е. сдачи крупных ферм в наем не одному фермеру, а сообществу из 20—50 крестьянских семейств, которые будут вести хозяйство на этой земле совместно. Такое решение волновавшего в то время всю Францию вопроса о судьбе крупных ферм не только позволит, по мнению Бабефа, прокормить значительное число бедствующих семейств, но окажется крайне выгодным, так как коллективный труд и коллективное ведение хозяйства будут более эффективны, чем мелкое или крупное единоличное хозяйство¹².

Второй случай, примечательный, помимо всего прочего, тем, что здесь Бабеф вступает в полемику с Дюбуа де Фоссе, с которым он в своих письмах обычно весьма почтителен,— это его одобрительный отзыв о коммунистических принципах общественного устройства, содержащихся в трактате Колинсона «Предвестник изменения всего мира»¹³.

Следы интереса Бабефа именно к такому решению вопроса встречаются и в других местах переписки¹⁴.

Подобные взгляды нелегко было согласовать с деятельностью, которой посвятил себя Бабеф. Достаточно вспомнить, что чаще всего именно февдист был главным действующим лицом в осуществлявшемся в последние десятилетия перед революцией процессе так называемой «сеньериальной реакции», т.е. расширения прав, привилегий и даже земельных владений сеньеров за счет отдельных крестьян и целых крестьянских общин. Австралийский исследователь Р.Б.Роуз, отдавая невольную дань современной моде, характеризует внутренний мир Бабефа накануне революции как «шизофренический»¹⁵. Думается, в

данном случае нет оснований прибегать к категориям психопатологии. Однако несомненно, что Бабеф должен был находиться в состоянии глубокого внутреннего разлада. Он был цельной натурой и не умел откладывать в сторону свои убеждения, когда речь заходила о карьере. Трагический конфликт между тем, во что он верил, и тем, что вынужден был делать; тайное неуважение и неприязнь, переходящие иногда в открытую ненависть, к людям, чьим интересам он должен был служить или кого, по логике вещей, должен был бы считать своими коллегами и единомышленниками; и в то же время симпатия и сочувствие к тем, против кого объективно была направлена его деятельность (а быть может, иногда и попытки помочь им вопреки интересам своих нанимателей), — все это закономерно привело столь удачно начатую карьеру февдиста к полному краху. Начались ссоры с влиятельными сеньерами и их служащими. Последним и роковым стал конфликт с маркизом Сокуром, сначала давшим Бабефу выгодный долгосрочный заказ на приведение в порядок дел, связанных с обширными владениями маркиза, а затем (в 1788 г.) в одностороннем порядке разорвавшим этот контракт. Так как Сокур возместил при этом лишь часть предварительных расходов Бабефа, разрыв контракта означал для Бабефа полное разорение. С этого момента и до самой смерти он сам и его семья жили в глубокой бедности, временами граничившей с подлинной нищетой.

Финансовую катастрофу совершили великие события, вскоре потрясшие всю Францию: начавшаяся революция сделала ненужной ту профессию, на овладение которой Бабеф потратил столько лет. Другой профессии у него не было, скромные накопления поглотила история с Сокуром, а семья была немаленькой. Но это печальное положение не помешало Бабефу (оказавшемуся в славные июльские дни 1789 г. в Париже), в полном соответствии со своими глубочайшими убеждениями, с энтузиазмом приветствовать революцию, и в частности отмену сеньериальных прав, которые он давно считал плодом узурпации и неприкрытого насилия. 25 июля 1789 г. он писал из Парижа жене: «...я побаиваюсь, что описи и многое другое, от чего хорошо было бы избавиться, хотя это мне дорого обойдется, полетят к черту. Все, что я слышу, наводит меня на такую мысль. Говорят во всеуслышание, что не хотят больше ни дворян, ни сеньерий, ни замков, ни сановников церкви и т.д. Это совершенно правильно, и я охотно высказываюсь за все эти перемены. Я даже вполне расположен сам помочь той, которая опрокинет мою кастрюлю: эгоисты скажут, что я сошел с ума, пусть говорят»¹⁶.

Столь бескорыстная преданность общественному благу поможет нам понять, почему необходимость вести ежедневную борьбу за существование отнюдь не поглотила всех сил Бабефа. Исследования последних лет, и особенно монография В.М.Далина, убедительно показали, до какой степени неправы были те историки, и даже некоторые современники Бабефа, которые считали, что он пришел в революцию только в 1794 г., т.е. после выхода на широкую парижскую арену. Париж сыграл огромную роль в революции, но все же она происходила не только в Париже. И в этой-то менее броской, но отнюдь не менее важной революционной деятельности на местах Бабеф с самого начала принял

чрезвычайно активное участие.

Общеизвестно, что в целом ряде случаев именно народное движение в провинциях форсировало события в Париже, вызывало к жизни более радикальные декреты, чем это входило в первоначальные намерения законодателей. Одним из таких движений было движение за отмену косвенных налогов (в первую очередь ненавистной габели — налога на соль), и именно его в своем родном краю в значительной мере возглавил сын бывшего служащего откупов. Роль Бабефа была настолько заметной, что местный муниципалитет склонен был считать его главным виновником волнений. В результате 19 мая 1790 г. при драматических обстоятельствах Бабеф был в первый, но далеко не в последний раз в своей недолгой жизни арестован и отправлен в Париж, в тюрьму Консьержери.

С первых же дней заключения Бабеф начал активно бороться за свое освобождение. Ему удалось заинтересовать своим делом Марата, выступление которого в защиту Бабефа в первых числах июля 1790 г., по всей вероятности, сыграло немалую роль в его выходе на свободу (последовавшем через несколько дней после этого). Однако и здесь Бабеф не ограничился заботой о собственной участи и продолжал живо интересоваться общественными делами, в том числе судьбой других борцов против косвенных налогов. В этой связи он даже предпринял попытку, находясь в тюрьме, издавать свою газету (разумеется, в таких условиях она не увенчалась успехом)¹⁷.

Бабеф вернулся в Руа, где был встречен, как герой. Он вновь попытался издавать собственную газету, на этот раз придав ей локальный, пикардийский, характер. Идея была удачной и вызвала интерес, но предприятие вскоре угасло, видимо, главным образом из-за недостатка средств. О популярности Бабефа в его городе свидетельствует избрание его в конце 1790 г. в члены Генерального совета Руа. Однако враждебный ему консервативный муниципалитет добился аннулирования этого избрания.

Все это время Бабеф не переставал активно участвовать в продолжавшемся движении против косвенных налогов, а когда в марте 1791 г. они были наконец окончательно отменены (самый одиозный из них, габель, отменили за год до того), он сыграл видную роль в происшедших в Руа волнениях по поводу общинных земель. Последовал второй арест (6 апреля 1791 г.), на этот раз очень недолгий: в обстановке всеобщего возмущения свидетели не посмели давать показания против Бабефа, и 12 апреля он был освобожден.

Арест не охладил пыл Бабефа. Еще с самых первых дней революции он неоднократно оказывал поддержку отдельным крестьянам или целым коммуна, выступавшим против своих сеньеров (всегда стремясь при этом придать их требованиям не узколокальный, а общенациональный характер). Самый яркий из подобных эпизодов пришелся как раз на период после его второго ареста: летом 1791 г. Бабеф выступила защиту крестьян, ворвавшихся в замок Давенкур, который принадлежал энергично осуществлявшему «сеньериальную реакцию» семейству Ламир, и заставивших графиню Ламир подписать отречение от тех

уступок со стороны крестьян, какие она навязала им незадолго до революции. Бабеф не успокоился, пока все арестованные по этому делу не были освобождены. «Давенкурская история» получила значительную огласку и еще более упрочила укрепившуюся уже за Бабефом репутацию «пикардийского Марата».

Эту свою деятельность он продолжал и в дальнейшем. Однако его постоянные выступления в защиту унетенных и преследуемых, его неизменная поддержка самых радикальных требований снискали ему не только многочисленных друзей, но и весьма влиятельных врагов, главным образом среди бывших сеньеров и их окружения, особенно же среди представителей местной администрации всех рангов (с некоторыми из них Бабеф враждовал еще до революции, во время его конфликта с маркизом Сокуром).

Когда вскоре после событий 10 августа Бабеф был избран в Генеральный совет департамента Сомма (17 сентября 1792 г.), а затем в директорию дистрикта Мондидье (19 ноября 1792 г.), он натолкнулся на яростную враждебность своих коллег, приложивших поначалу все усилия, чтобы не допустить его в свою среду (во втором случае они пытались даже, как в 1790 г., аннулировать результаты выборов), а затем искавших любого предлога, чтобы во всем ему препятствовать, а если возможно, то и вовсе от него избавиться.

К несчастью, Бабеф вскоре сам неосторожно дал им в руки оружие против себя. Став жертвой ловкого пройдохи, сумевшего сыграть на его стремлении незамедлительно прийти на помощь «пострадавшему труженику», Бабеф самочинно внес изменение в один из актов о продаже национальных имуществ. Хотя менее чем через час, поняв свою оплошность, Бабеф ликвидировал сделанное им исправление, его враги из муниципальной администрации обеими руками ухватились за представившуюся им возможность. Изобразив должностной проступок как преступление, совершенное к тому же в корыстных целях (обстоятельства дела показывают, что клеветнический характер этого обвинения был ясен и самим обвинителям), эти люди не только изгнали Бабефа с его поста, но и возбудили против него судебное преследование.

Очень скоро Бабеф понял, что в своем родном департаменте он не добьется ни объективности, ни справедливости. В феврале 1793 г. он вынужден был уехать (фактически бежать) в Париж. Там он собирался хлопотать по поводу своего дела, но, узнав в начале апреля, что обвинение против лиц, считавшихся его соучастниками, снято, успокоился, ошибочно (хотя и вполне логично) предположив, что оно снято и против него. На самом деле тень «дела о подлоге» будет тянуться за Бабефом до конца его дней.

Оказавшись в Париже в отчаянном положении, Бабеф судорожно искал заработка. После ряда неудач счастье улыбнулось ему: в мае 1793 г. он стал сотрудником парижской продовольственной администрации. На этом посту он принял активное участие в борьбе сначала за проведение в жизнь максимума на хлеб, а затем за принятие всеобщего максимума. После отставки его шефа Гарена, предоставившего ему большую само-

стоятельность, Бабеф добивается перевода в Центральную продовольственную администрацию. Но через несколько дней после этого, 14 ноября 1793 г., неожиданно для себя он был арестован. Оказалось, что его уголовное дело не было закрыто, и в августе 1793 г. он был заочно приговорен ни более ни менее, как к 20 годам каторжной тюрьмы. Теперь администрация его департамента требовала приведения приговора в исполнение.

К счастью для Бабефа, у власти во Франции стояли в это время уже якобинцы. Бабеф сумел доказать, что стал жертвой политического преследования. Благодаря энергичным действиям самого Бабефа и его друзей дело было после ряда перипетий передано в кассационный трибунал, который, кассировав его, поручил провести новое следствие суду департамента Эна с центром в Лане, куда Бабеф и был переведен. Начав новое следствие, суд постановил освободить Бабефа на поруки и под залог.

Пока все это тянулось, прошло немало времени. Постановление о временном освобождении Бабефа было вынесено только 30 мессидора II года (18 июля 1794 г.). Болезнь сына задержала Бабефа на несколько дней в Лане, и Париж, куда он вернулся, уже не был Парижем якобинцев.

Таковы в самых общих чертах события жизни Бабефа до 9 термидора II года. Естественно, что вся эта его кипучая деятельность оставила довольно обширную документацию — петиции, письма, проекты, записки, материалы, связанные с дважды предпринимавшимися попытками издавать свою газету, и даже нечто вроде философской тетради. Эти многочисленные документы позволяют с достаточной ясностью представить себе не только событийную сторону жизни Бабефа, но и его внутренний, духовный мир. Здесь нет возможности подробно проследить этапы его идейного развития, поэтому ограничимся лишь обобщенным изложением его взглядов, как они сложились к моменту термидорианского переворота.

Прежде всего следует сказать, что эти взгляды ни в коей мере не представляют собой твердо установленной и ясно очерченной системы. Бурные события, страстно заинтересованным современником и активным участником которых стал Бабеф, в огромной степени влияли на его идеи, во многом находившиеся в процессе развития и становления. Поэтому совершенно прав В.М.Далин, неоднократно отмечающий, что те историки, которые находят в петициях или деловых письмах Бабефа «отклонения» от высказанных им прежде более «правильных» взглядов, подходят к мыслителю-практику с меркой, применимой лишь к кабинетному ученому-теоретику. Нельзя игнорировать разницу между принципиальными установками и конкретными требованиями человека, поглощенного политической борьбой. Это не значит, что конкретные требования, выдвигавшиеся или поддерживавшиеся Бабефом в ходе той напряженной борьбы, которую он вел на протяжении первых четырех лет революции, противоречили его принципиальным установкам. Но они могли, так сказать, «недотягивать» до этих установок. Ибо основной критерий, каким руководствовался Бабеф, остался неизменным с дореволюционных времен — это интересы людей, которых он обычно

называет «самым многочисленным» и «самым полезным», но в то же время и «самым несчастным» классом общества, т.е. бедных тружеников. И все, что идет им на пользу, будь то принципиально важный декрет или незначительное постановление, удовлетворяющее их сиюминутный интерес, находит пылкую поддержку Бабефа.

Это стремление и в малом и в большом защитить интересы угнетенных и обездоленных, естественно, приводит Бабефа к тому, что стало альфой и омегой всей его жизни, — к страстной борьбе за равенство. Обратной стороной и логическим продолжением такой борьбы является борьба со всяческим неравенством: социальным (война со всякого рода привилегиями, занимающая огромное место в деятельности Бабефа в начале революции), политическим (примером могут служить его выступления против попыток лишить неимущих права голоса), но особенно и в первую очередь неравенством экономическим. Убеждение, что политическое равенство — химера, если оно не базируется на равенстве экономическом, «равенстве состояний», очень отчетливо звучит у Бабефа в эти годы. Подобное убеждение прямо приводит к представлению о том, что ключ к решению всех общественных проблем — в решении вопроса о собственности. В.М.Далин в своей работе убедительно показал, что именно к такому представлению Бабеф и пришел. Каким же образом, по мнению Бабефа, следовало этот вопрос решать?

Ряд материалов, как из архива самого Бабефа, так и из других источников (см., к примеру, опубликованную во «Французском ежегоднике 1960» небольшую статью Ж.Лефевра), показывают, что многие в его родной Пикардии смотрели на него как на сторонника «аграрного закона». Подобный взгляд возник не на пустом месте.

Хотя в публичных своих выступлениях Бабеф благоразумно воздерживался от такого рода проповедей, все же существует документ, не предназначавшийся для широкой публики, в котором он высказался по интересующему нас вопросу с большой степенью откровенности. Это — черновик письма от 10 сентября 1791 г. (возможно, оставшегося неотправленным) к избранному депутатом Законодательного собрания Ж.М.Купе. Бабеф прямо заявляет здесь, что, по его мнению, целью революции является установление аграрного закона, что именно к этому неизбежно ведут главные ее мероприятия, что целый ряд лиц это понимают, но что сейчас было бы неблагоприятно выступить с открытой пропагандой аграрного закона в силу существующих против него чудовищных предрассудков и всеобщего предубеждения. Оно, несомненно, со временем рассеется, а пока лучше проводить подготовительную работу, не объявляя о ее конечной цели.

Таким образом, письмо к Купе недвусмысленно свидетельствует: конечной целью революции Бабеф считал коренное преобразование социально-экономических основ общества, полное переустройство отношений собственности. Всю свою конкретную общественно-политическую деятельность он рассматривал лишь как необходимый подготовительный этап на пути к этой цели. Но был ли этой целью действительно аграрный закон, в том смысле, который обычно

вкладывают в этот термин, т.е. то, что впоследствии получило в России название «черный передел»? Обращает на себя внимание тот факт, что и до революции, и в последние годы своей деятельности Бабеф выступал если не как принципиальный противник, то по крайней мере как весьма трезвый критик *такого* аграрного закона: по мнению Бабефа, он ничего не решит, ибо едва ли не на следующий день после его осуществления неравенство возродится. Вполне правильное объяснение этому загадочному «отступлению» Бабефа от своих взглядов дает, как нам представляется, В.М.Далин. Анализируя социально-экономические воззрения Бабефа того времени и сопоставляя их со взглядами убежденных сторонников аграрного закона, он показал, что в понятие «аграрный закон» Бабеф вкладывает нечто значительно большее¹⁸. Совершенно справедливо и указание В.М.Далина на то, какую роль играет в данном случае расплывчатость терминов. В самом деле, понятия «коммунистическое общество» тогда не существовало. Бабеф впоследствии чаще всего пользовался выражением «общество совершенного равенства». Но в глазах его современников (а отчасти и самого Бабефа) это общество совершенного равенства не представлялось чем-то принципиально отличным от аграрного закона. Скорее оно казалось им дополнением и усовершенствованием аграрного закона. Не случайно позднее, в переписке Бабефа и Жермена, о которой речь пойдет ниже, оба корреспондента, говоря о бабефском, уже безусловно коммунистическом, плане построения будущего общества, употребляют наряду с другими терминами такие, как «аграрная система», «аграризм».

Особое внимание привлекают также те фразы из письма к Купе, в которых говорится о необходимости вести осмотрительную политику и не открывать сразу конечной цели революции. Быть может, отсутствие у Бабефа в те годы явно коммунистических требований в какой-то мере объясняется и этим. Но только в какой-то мере. Мы далеки от того, чтобы приписывать ему уже в те годы четко сложившуюся коммунистическую систему, которую он скрывал из тактических соображений. Наличие у него коммунистических устремлений (возникших еще до революции) несомненно, но пока революция шла вперед, коммунистическое преобразование общества, будучи смутным идеалом, не стояло для Бабефа «в порядке дня». Однако само это поступательное движение революции, властно увлекавшее за собой Бабефа, втягивая его в конкретную политическую борьбу и таким образом как бы отвлекая от теоретических рассуждений, способствовало одновременно процессу становления и кристаллизации его взглядов, оказывало на них огромное влияние.

Революция прежде всего стала для Бабефа, как и для многих других, огромной школой радикализма — политического, теоретического и даже чисто практического. Примеров можно привести множество. Сошлемся на один из них. В своем «Постоянном кадастре», подготовленном приблизительно за год до революции и отредактированном весной 1789 г., Бабеф ставил вопрос о выкупе сеньериальных повинностей. Был ли он в то время принципиальным сторонником именно такого способа

уничтожения этих повинностей, сказать трудно. То, что мы знаем о Бабефе, позволяет в этом усомниться. Но сама постановка этого вопроса безусловно звучала в то время достаточно радикально, и любой другой путь ликвидации крестьянских повинностей сеньерам должен был казаться ему совершенно нереальным. Но вот происходит революция, почти непосредственно за ней отменяются личные повинности и устанавливается принцип выкупа повинностей «реальных», и очень скоро Бабеф начинает требовать уже полной и безвозмездной отмены всех повинностей. Это требование навлекает на него ненависть и преследования со стороны власти имущих, однако в конечном счете после ряда промежуточных постановлений оно оказалось осуществленным и санкционированным в государственном законодательстве.

Такого рода опыт должен был производить огромное впечатление. Именно самое радикальное требование, многим казавшееся при его выдвижении ни с чем не сообразным и зачастую вызывавшее осуждение, оказывалось в итоге самым правильным; невозможное становилось не только возможным, но и общепризнанным. Подготовленный к этому всем ходом своего идейного развития, Бабеф чрезвычайно прочно усваивал подобные уроки.

Говоря об опыте, вынесенном им из революции, никак нельзя обойти вниманием и его работу в парижской продовольственной администрации как раз во время проведения хлебного максимума¹⁹. Непосредственное и активное участие Бабефа в попытках осуществить государственное регулирование экономики не могло не оказать на него глубокого влияния и нашло отражение в его позднейших концепциях.

Наконец, последнее, что хотелось бы отметить в этой связи, — это вполне логично вытекающий из всех принципов и убеждений Бабефа, его глубокий демократизм. Бабеф внимательнейшим образом следил за всеми политическими событиями, происходившими во Франции, и очень остро на них реагировал. Он резко осуждал избирательный ценз и выступал за максимальную демократизацию избирательной системы; он высказывался за республиканский образ правления уже тогда, когда такие высказывания еще могли быть поставлены ему в вину; он неизменно требовал расширения численности народных организаций и их прав; он был убежденным сторонником ответственности избранников народа перед своими доверителями и народного контроля за деятельностью лиц, облеченных полномочиями, на всех ступенях сверху донизу. Иными словами, он выступал за максимальную демократизацию всех форм общественной и политической жизни во Франции и за максимальное участие самых широких народных масс в деле мероприятий (без диктатуры). Одобряя в целом все основные мероприятия якобинской диктатуры, так же как «прямого народоправства»,

Таковы, в наиболее общих чертах, те взгляды, с которыми Бабеф пришел к событиям 9 термидора II года Республики.

1 См.: Далин В.М. Грахх Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785—1794). М., 1963. Фр. пер.: Daline V. Gracchus Babeuf a la veille et pendant la Grande Revolution francaise (1785—1794). Moscou, 1977.

2 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.1, с.526—527; т.2, с.588—589; т.20, с.636-637.

3 Далин В.М. Указ.соч., с.10—11.

4 Далин В.М. Новейшая зарубежная литература о Бабефе. — Вопр.ист. 1972, № 3.

5 Подробнее об этом см. вводную статью О.К.Сенекиной к первому тому Сочинений Г.Бабефа (М., 1975).

6 См.: ЦПА ИМЛ, ф.317, д.767 и др.

7 Следует сразу же подчеркнуть, что краткое изложение основных событий и фактов этого раннего периода биографии Бабефа, выходящего за хронологические рамки нашей темы, не носит специально исследовательского характера и базируется не только на изучении источников, но и в значительной мере на литературе, в первую очередь на упоминавшейся монографии В.М.Далина.

8 Жак Фукар, изучавший местные архивы в департаменте Сомма и Приславший во «Французский ежегодник» сообщение о результатах своих исследований, высказывает предположение, что учителем маленького Бабефа мог также быть знакомый его отца, некто Беден, который, являясь церковным певчим, одновременно «учил письму». Хотя такую возможность нельзя исключить, она противоречит позднейшим утверждениям самого Бабефа, будто его отец «вбил себе в голову, что должен быть единственным учителем своих детей». См.: Бабеф Г. Соч., т.I, с.203.

9 См.: Pelletier A. Babeuf- feudiste.— Annales historiques de la revolution francaise, 1965, N 179.ный кадастр» — попытку унифицировать дела составления описей уже в масштабах всей Франции и даже реформировать систему налогового обложения вообще.

10 Не считая письма Дюбуа де Фоссе к Бабефу в декабре 1785 г., носившего чисто служебный характер.

11 Чтобы в этом убедиться, достаточно сопоставить обширный черновой вариант письма от -июня 1786 г. с окончательным текстом, отосланным Дюбуа.

12 См.: Бабеф Г. Соч., т.1, с.61—71. В.М.Далин совершенно справедливо подчеркивает, что эта идея Бабефа имеет особое значение в свете высказывающихся часто утверждений, будто его коммунизм носит сугубо распределительный характер. См.: Далин В.М. Грахх Бабеф..., с.100.

13 См.: Бабеф Г. Соч., т.1, с.175—178 Подробнее см.: Иоаннисян А.Р. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966, с.103—105. [Полный текст в нашей библиотеке: http://enlightment2005.narod.ru/arc/comm_ioan-1.pdf](http://enlightment2005.narod.ru/arc/comm_ioan-1.pdf)

14 См.: Далин В.М. Грахх Бабеф..., с.109—110.

15 Rose R.B. Babeuf in Picardy: The Making of a Revolutionary. — Tasmanian Historical Research Association. Papers and Proceedings, vol.22, June 1975, N 2, p.108.

16 Бабеф Г. Соч, т.1, с.233.

17 См.. Долин В.М. Грахх Бабеф..., с.255—256.

18 См.: Далин В.М. Грахх Бабеф..., с.419—437. Особое внимание привлекают также те фразы из письма к Купе, в которых говорится о необходимости вести

осмотрительную политику и не открывать сразу конечной цели революции. Быть может, отсутствие у Бабефа в те годы явно коммунистических требований в какой-то мере объясняется и этим. Но только в какой-то мере. Мы далеки от того, чтобы приписывать ему уже в те годы четко сложившуюся коммунистическую систему, которую он скрывал из тактических соображений. Наличие у него коммунистических устремлений (возникших еще до революции) несомненно, но пока революция шла вперед, коммунистическое преобразование общества, будучи смутным идеалом, не стояло для Бабефа «в порядке дня». Однако само это поступательное движение революции, властно увлекавшее за собой Бабефа, втягивая его в конкретную политическую борьбу и таким образом как бы отвлекая от теоретических рассуждений, способствовало одновременно процессу становления и кристаллизации его взглядов, оказывало на них огромное влияние.

19 См.: Далин В.М. Грахх Бабеф..., с.549—550.

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ ПОСЛЕ 9 ТЕРМИДОРА

Бабеф очутился в Париже, судя по всему, непосредственно вслед за переворотом 9 термидора. Мы не будем здесь рассматривать ни сложную политическую обстановку, создавшуюся в столице (и за ее пределами) в результате этого переворота, ни все перипетии исключительно запутанной, взаимопереплетающейся борьбы многочисленных «партий» и группировок — борьбы, в которой внешне мелкие события влекли за собой иногда серьезные последствия. Ограничимся лишь самой краткой и по необходимости упрощенной характеристикой основных сил пришедшего к власти термидорианского блока. Он складывался, как известно, из «правых» и «левых» термидорианцев, рука об руку выступавших против Робеспьера в дни термидора, но начавших между собой ожесточенную борьбу едва ли не сразу же после переворота. Правые термидорианцы представляли собой пестрый личный и идейный конгломерат, объединенный стремлением воспрепятствовать дальнейшему углублению революции, ликвидировать ряд важных политических и социальных завоеваний якобинской диктатуры. Левые термидорианцы — тоже не вполне однородная группа, хотя значительно более малочисленная. В одном из номеров своей газеты Бабеф метко назвал их сторонниками «диктатуры без диктатора»¹ (еще точнее, вероятно, было бы назвать их сторонниками диктаторских мероприятий без диктатуры). **Одобряя в целом все основные мероприятия якобинской диктатуры, так же как и направление ее политики, левые термидорианцы резко выступали против усиления личной власти Робеспьера и против ряда связанных с этим действий и законодательных актов якобинского правительства в последний период его деятельности. При этом они трагически не замечали, что мероприятия якобинской диктатуры, решительно осуждаемые ими, являлись лишь оборотной стороной тех ее действий, которые они безусловно одобряли, и были логически с ними связаны. Стремясь к ликвидации не только личной власти Робеспьера, но и вообще возможности возникновения такой власти, левые термидорианцы сначала приняли участие в перевороте 9 термидора, а затем выступили за ряд мер, объективно приводивших к ослаблению**

революционного правительства. Тем самым они, помимо своей воли, разрушали основы той системы, к сохранению которой субъективно стремились. Эта противоречивость их позиции (наряду, конечно, с рядом других факторов) предопределяла то, что они в конечном счете были обречены на поражение. Однако сразу после 9 термидора это поражение не только не казалось неизбежным, но, напротив, их позиции выглядели очень сильными, и им даже удалось нанести правым термидорианцам несколько чувствительных ударов. Поэтому борьба внутри термидорианского блока была чрезвычайно острой и напряженной.

Такова политическая ситуация, в которой Бабеф, всего через месяц с небольшим после своего появления в Париже (17 фрюктидора III года — 3 сентября 1794 г.), начал издавать свою газету, сразу же обратившую на себя внимание.

О коротком периоде жизни Бабефа между его освобождением из тюрьмы и выходом в свет 1-го номера его газеты почти ничего не известно. По словам самого Бабефа, он получил должность в одном из ведомств, скорее всего, снова в продовольственной администрации. Это место давало ему хотя и скромное, но вполне надежное положение. Однако когда ему предоставилась возможность осуществить свою давнюю мечту — издание собственной газеты, он без колебаний отказался от верного куска хлеба ради активного участия в политической борьбе своего времени. Видимо, к этому же времени относится его сближение с Электоральным клубом (о котором речь пойдет ниже).

Зато последующие шесть недель в определенном смысле наиболее богато документированный период жизни Бабефа. Почти ежедневно выходит его газета, где он откликается на важнейшие политические события и излагает свои воззрения. Разумеется, такой источник документирует скорее идейное развитие, чем факты биографии Бабефа. Но, не говоря уже о том, что для нас это гораздо важнее, можно с полной уверенностью утверждать, что вся «личная жизнь» Бабефа почти целиком сводилась тогда к лихорадочной деятельности, связанной с изданием газеты. Вот как он сам позднее описывал это время: «...я забываю все ради родины, я почти что забываю о собственном пропитании, забываю о своей жене и детях, жертвую своей должностью и отдаю исключительно делу защиты прав народа. Моя супруга и мой девятилетний сын, оба такие же республиканцы, столь же самоотверженные, как их отец и супруг, помогают мне всем, чем могут. Они приносят те же жертвы... Никакого хозяйства у меня больше не ведется: пока выходила наша газета, мы питались хлебом, виноградом и орехами»². Но не случайно приведенный отрывок Бабефа заканчивается словами: «Все эти жертвы были приятны, они были радостны для нас»³. В самом деле, невзирая на аскетический образ жизни и изнуряющую, лихорадочную деятельность⁴, эти шесть недель, быть может, один из самых счастливых периодов в недолгой жизни Бабефа: он наконец-то обрел себя.

Бабеф принадлежал к людям, которые «думают с пером в руках». Свидетельства современников, подкрепленные некоторыми материалами

из его архива, рисуют его человеком, который пишет легче и лучше, чем говорит. Революционная публицистика оказалась поприщем, соответствовавшим и его стремлениям, и его склонностям, и его политическому темпераменту. Не удивительно, что, сумев на этот раз по-настоящему наладить выпуск своей газеты, Бабеф быстро обеспечил ей успех.

В публикации Олара приводится список подписчиков на газету Бабефа — 642 человека⁵. Матьез, используя сравнительные данные, показывает, что по тем временам эта цифра была вполне внушительной. А ведь на первых порах, пока газета пользовалась поддержкой властей, она, по многочисленным свидетельствам, не только распространялась по подписке, но и широко продавалась на улицах; таким образом, она должна была выходить немалым для того времени тиражом.

Популярности газеты способствовали и сознательные усилия Бабефа в этом направлении. Это диктовалось отнюдь не коммерческими соображениями. Бабеф постоянно подчеркивал, что не намерен угождать невзыскательным вкусам и издает свою газету только для «мыслителей», людей, всерьез озабоченных судьбами родины и революции; те же, кто привык искать на страницах газеты пикантные истории и «свеженькие новости», пусть лучше обратятся к другим печатным органам. Таким образом, Бабефу отнюдь не была нужна популярность во что бы то ни стало. Но, верный своим демократическим принципам, он постарался привлечь как можно более широкие круги читающей публики к своеобразному сотрудничеству в своей газете. Для этого он с самых первых номеров объявил, что превращает ее в «почтовый ящик для истин» и приглашает всех «добрых граждан» присылать свои «сообщения, письма и документы». Вскоре он уже может поздравить себя с успехом. К нему поступает так много читательских писем и материалов, сообщает он в 8-м номере своей газеты, что при желании он мог бы составлять номера целиком из них, ограничиваясь лишь редактированием. Он подчеркивал, что подлинно народный характер его газеты сближает ее со столь популярным изданием, как маратовский «Друг народа».

Но, несмотря на отшлифованный за годы революции его талант публициста, и эту газету, скорее всего, постигла бы участь первых двух, если бы Бабеф не сумел обеспечить ей прочную материальную базу, найдя состоятельного издателя. Им стал депутат Конвента, друг Фрерона, правый термидорианец Гюффруа, предоставивший в распоряжение Бабефа и свою типографию.

Говоря об известном деятеле право-термидорианского лагеря как об издателе и совладельце газеты, мы тут же сталкиваемся с первой серьезной проблемой, встающей перед всеми, кто исследует данный этап жизни и деятельности Бабефа.

Общеизвестно, что целый ряд историков считают, будто в первые месяцы после 9 термидора Бабеф пережил увлечение идеями правых термидорианцев, хотя и быстро от них отказался. Корень этого заблуждения, как совершенно справедливо отметил Тенессон в превосходной статье «III год в формировании бабувизма»⁷, лежит в

представлении о данном периоде только как об эпохе борьбы между робеспьеристами и антиробеспьеристами. При таком подходе даже представители разгромленных Робеспьером крайне левых группировок парадоксальным образом попадают в число правых термидорианцев. Но антиробеспьеризм еще не есть термидорианство (если понимать под этим словом определенную систему идей). Даже краткое рассмотрение деятельности Бабефа после 9 термидора не только полностью подтверждает это положение, но и позволяет выявить несколько новых, чрезвычайно интересных аспектов проблемы.

Вполне естественно, что в первые недели после переворота 9 термидора общественное мнение прежде всего волновали проблемы, связанные с оценкой происшедших событий. Политическая борьба развернулась главным образом вокруг отношения к Робеспьеру и якобинской диктатуре, к системе террора, а в более общем плане — вокруг проблем демократии, диктатуры и насилия вообще. Такого рода дискуссии всегда выдвигают на первый план вопрос о свободе печати как гаранте общества от злоупотреблений государственной властью. Очень оживленно дебатировалась эта проблема и в первые месяцы после 9 термидора. Несколько упрощая обстановку, можно сказать, что более или менее явные сторонники якобинской диктатуры (мы намеренно говорим о сторонниках прежней организации власти, а не только о сторонниках свергнутого Робеспьера) выступали против неограниченной свободы печати, в то время как противники якобинской диктатуры, и в первую очередь правые термидорианцы, ратовали за свободу печати без всяких ограничений. Узнать, к какому лагерю причислял себя в это время Бабеф, очень легко — достаточно обратиться к названию, которое он дал своей газете, - «Journal de la liberte de la presse», в буквальном переводе - «Газета свободы печати».

Это не случайность, как не случайна и поддержка его со стороны Гюффруа. По основным вопросам, волновавшим в то время общественное мнение (таким, как отношение к Робеспьеру и якобинской диктатуре, оценка 9 термидора, проблема свободы печати и др.), позиция Бабефа в эти дни кажется неотличимой от позиции правых термидорианцев. Прежде всего его газета имеет ярко выраженную антиякобинскую направленность. Из номера в номер повторяются резкие нападки на Робеспьера, на якобинскую диктатуру, на доживающий последние месяцы Якобинский клуб. Якобинская диктатура в глазах Бабефа — это «железное ярмо», строй, установивший личную власть Робеспьера, сделавший его желания законом для страны⁸. Логическим следствием такой системы был террор. Всякий, кто осмеливался противоречить Робеспьеру, погибал. «Ему внушалось подозрение все: богатство, талант, честность»⁹. Сами санкулоты не были избавлены от его подозрительности. «Он искал свои жертвы даже в самых бедных и темных слоях общества», — подчеркивает Бабеф. Место «уважаемого всеми суда» заняла «шайка палачей». Как это могло случиться? Причиной, по мнению Бабефа, является ликвидация политических свобод, в первую очередь свободы печати. Именно поэтому с такой яростью борется Бабеф с требованием уцелевших якобинцев ограничить

свободу печати. Они мотивировали это требование тем, что неограниченной свободой печати непременно воспользуются враги Республики для своей преступной пропаганды. «...Тот, у кого нет намерения писать против Республики, не нуждается в неограниченной свободе печати», — заявлял якобинец Одуен¹¹. Бабеф считает эти доводы не выдерживающими никакой критики. Гневно оспаривая аргументы своих противников, он постоянно намекает, что за их выступлениями против полной свободы печати стоит, помимо всего прочего, страх, что их темные дела выйдут на свет. Осуществление этого их требования, ограничение свободы печати, неизбежно, считает он, приведет к величайшему злу - восстановлению диктатуры и террора.

Любое проякобинское выступление вызывает яростные нападки Бабефа. Он резко полемизирует с робеспьеристом Одуеном¹². Он атакует знаменитую дижонскую петицию¹³. Он присоединяется к высказанному Андре Дюмоном мнению, что все петиции якобинского толка, поступающие в Конвент из других городов, на самом деле составлены в парижском Якобинском клубе и не отражают настроения умов в провинции. По этому поводу он резко критикует саму систему якобинских обществ, с центральным обществом в Париже и аффилированными обществами в провинции¹⁴. Он постоянно указывает на «опасный характер» деятельности «societe-merg», связывает с этой деятельностью целый ряд событий, значение которых он преувеличивает вполне в духе правотермидорианской пропаганды¹⁵, и доходит до того, что по сути дела призывает Конвент разогнать это общество¹⁶. Такого рода примеры можно было бы умножать до бесконечности. Вполне естественно, что правотермидорианские журналисты считают этого «Атиллу робеспьеристов» своим.

В этот период, как известно, в Конвенте и вне его уже идет ожесточенная, иногда скрытая, иногда, напротив, очень ярко выраженная борьба между правыми и левыми термидорианцами (последние были представлены в первую очередь так называемой «Вершиной»). И в этом вопросе Бабеф вторит правым термидорианцам. Логически продолжая свою антиякобинскую линию¹⁷, он постоянно нападает и на «Вершину» в целом, и в особенности на ее признанных лидеров.

Переворот 9 термидора Бабеф в это время горячо одобряет. Во 2-м номере своей газеты он пишет даже, что именно этим днем надо датировать настоящую революцию во Франции, потому что хотя ее и начали пять лет назад, но потом позволили свершиться контрреволюции — уничтожению свободы мнений. Однако чтобы этот день действительно стал подлинной революцией, надо дополнить сделанное рядом мероприятий, и в первую очередь уничтожить оставшуюся от якобинцев организацию государственной власти, известную под названием «революционное правительство». Отрицательное отношение Бабефа к диктатуре, к революционному правительству несомненно с самого начала, однако обаяние слов «революционное правительство» еще так велико, а малейшая попытка усомниться в закономерности его существования еще так недавно казалась святотатственной и каралась смертью, что на первых порах Бабеф высказывает свое недовольство

лишь косвенно, с оговорками. Так, например, в 4-м номере своей газеты он пишет: «...предположить, что революционное правительство может помешать исползованию одного из этих прав (имеются в виду естественные права человека, к которым Бабеф относит и право выражать свои мнения. — Г.Ч.), значит предположить, что революционное правительство является тираническим, и тем самым призвать всех к его уничтожению». Однако пока Бабеф нигде прямо не говорит, что именно таким он и считает революционное правительство. Но вот этот вопрос затронут в Конвенте¹⁸ — и Бабеф с облегчением высказывает все, что он думает по этому поводу. Теперь отечество спасено! — восклицает он. Наконец-то поколеблено то «политическое суеверие», которое не позволяло поставить под сомнение правомочность существования революционного правительства — этой кровавой тирании, вызывающей ужас во всех сердцах¹⁹. И далее Бабеф из номера в номер повторяет требование уничтожить «правительство Робеспьера», «тиранию», «диктатуру правительственных комитетов», «децемвират», понимая под всеми этими наименованиями революционное правительство.

Напомним, все эти вопросы были (или казались) наиболее важными, животрепещущими для современников. Не удивительно поэтому, что Бабеф в это время искренне считает правых термидорианцев, проповедующих, как ему кажется, те же принципы, своими союзниками. Похвалы деятелям термидора можно найти почти в каждом номере его газеты. Особенно выделяет он Тальена и Фрерона. Он называет их своими соратниками²⁰. Он восхваляет их за то, что они выступают в защиту свободы печати. Он включает их в число тех журналистов-мыслителей, которые выполняют свой долг революционных публицистов²¹. Он горячо возмущается не только покушением на Тальена, но и тем, что это событие не вызвало такого общественного резонанса, как в свое время покушение на Колло д'Эрбуа²². Уже одного этого, казалось бы, достаточно, чтобы определить «партийную принадлежность» Бабефа в тот период.

И все же если внимательнее присмотреться к тому, что пишет Бабеф в эти первые недели после термидора даже о тех проблемах, в подходе к которым у него как будто бы было полное единство с правыми термидорианцами, то нетрудно обнаружить не бросающиеся сразу в глаза, но весьма существенные расхождения.

Резко критикуя Робеспьера и его последователей за диктатуру и террор, Бабеф в то же время сильно расхотился в оценке их роли в истории революции с правыми термидорианцами, изображавшими всю их деятельность сплошь в черных тонах. Уже в 1-м номере своей газеты Бабеф писал: «...в Робеспьере... следует различать двух людей, т.е. Робеспьера — искреннего патриота и друга принципов до начала 1793 г., и Робеспьера — честолюбца, тирана и величайшего негодяя после этого времени... Робеспьера — апостола свободы и Робеспьера — самого подлого из тиранов»²³. И тут же Бабеф напоминает, что великолепной Декларацией прав в конституции 1793 года Франция обязана Робеспьеру.

Следует учесть, что эти слова Бабефа появились в номере от 17

фрюктидора, когда упоенные победой термидорианцы с особым восторгом поносили казненного диктатора, изображая его величайшим злодеем мировой истории. В этой обстановке призыв к объективной оценке вождя якобинцев, к признанию его заслуг перед революцией резко выделял газету Бабефа из общего хора термидорианской прессы. В точно таком же духе отзывается Бабеф и о Якобинском клубе (до определенного периода это было общество, украшенное всеми республиканскими добродетелями, но потом честолюбие ввело в соблазн его членов, и оно стало средоточием политических пороков)²⁴; так же характеризует он и систему афiliationи (пока *societe-mere* было подлинно патриотическим обществом, все было прекрасно; но прогнал Якобинский клуб — стала негодной и сама система)²⁵. Упоминания о «прошлых заслугах» якобинцев можно встретить и во многих других номерах.

Столь же непросто оказывается и отношение Бабефа к дню 9 термидора. Выше уже говорилось, что, горячо одобряя это событие, он считал необходимым для превращения его в подлинную революцию дополнить сделанное в этот день рядом мероприятий. К их числу, помимо упомянутых уже мер антидиктаторского характера, он относил требования вернуть народу право избирать должностных лиц" и отменить постановление, запрещающее секциям собираться чаще, чем раз в декаду²⁷. Отношение правых термидорианцев к этим требованиям, расширяющим права народа, самоочевидно. Они, разумеется, так и не были осуществлены. И Бабеф очень скоро приходит к следующему выводу: «День 9 термидора спас Францию только от того, чтобы иметь узаконенного господина, — на деле он у нее был уже более года; но этот день не стал подлинной революцией. Вы могли, вернее, вы должны были с тех пор дать ему необходимое дополнение; но где законы, изданные вами для того, чтобы возратить народу его узурпированные права?»²⁸.

Таким же неоднозначным оказывается и отношение Бабефа к «героям» термидора, к тем, в чьих руках сосредоточилась власть после переворота. Конечно, в эти первые дни он хвалит всех, кто выступает за свободу печати и против «кровавой тирании Робеспьера». Но все же его отношение к термидорианскому Конвенту (упивающемуся своим только что обретенным полномочием и со всех сторон слышащему льстивые хвалы) двойственно с самого начала. Конечно, Бабеф горячо надеется, что Конвент «дополнит день 9 термидора» необходимыми мероприятиями. Конечно, на первых порах он старается как-то смягчить критику тех сторон его деятельности, которые ему не нравятся. И тем не менее с такой критикой он выступает уже в самых первых номерах своей газеты. Так, он достаточно резко обрушивается на депутатов Конвента, встретивших в штйки петицию Электорального клуба, содержавшую требование вернуть народу право избирать должностных лиц²⁹. Бабеф подчеркивает, что Конвент ни при каких условиях не может лишить народ его естественных прав³⁰. Он дает решительную отповедь Карно, заявившему в Конвенте, что французский народ не созрел для свободы печати³¹. Наконец, он осмелился на то, на что не решился ни один из публицистов того времени — депутатов Конвента, беспрерывно восхваляющих друг друга за уничтожение «тирана» и его кровавого

законодательства, он спрашивает: а где были депутаты, когда издавались эти законы? разве они не принимали участия в их разработке? разве не голосовали за их принятие? Только неустанной работой на благо народа смогут они заставить забыть недостойную роль, сыгранную ими в те дни³².

«Где же Конвент?.. что делает эта масса сенаторов, которой приписывают просвещенность и честные намерения, бывшие столь долго бесплодными, как говорят, только потому, что находились под порабощением все угнетением? Чего они ждут, чтобы высказаться? Действительно, они совершили 9 термидора. Не хотят ли они лишиться это событие, низвергнувшее тирана и его ближайших сообщников, даже видимость добродетели?»³³

Как видим, Бабеф не слишком церемонится с верховным органом власти. И здесь нельзя не упомянуть и о глубинных расхождениях между ним и правыми термидорианцами по, казалось бы, объединявшему их вопросу о свободе печати. Почему Бабеф столь безусловно за нее? Он считает ее краеугольным камнем всех остальных свобод. Революционный журналист выполняет огромной важности миссию: с одной стороны, он просветитель народа, приучающий его политически мыслить, заранее указывающий ему те ловушки, в которые хотят заманить его ловкие «манипуляторы общественным мнением», а с другой — «цензор» правительства, суровый критик его мероприятий, предающий широкой гласности все его ошибки. Эта деятельность, для которой ему необходима полная и ничем не стесненная свобода публично высказывать свое мнение, — лучшая гарантия общества от нарушения всех других свобод, от злоупотреблений государственной властью³⁴. Никогда якобинцы не смогли бы превратить свою власть в «железное ярмо», если бы не удушили свободу печати. Те, кто хотят ее ограничить, хотят восстановления диктатуры и террора.

Чисто теоретически правотермидорианские журналисты со всем этим, пожалуй бы, и согласились. Но, во-первых, опыт показал, что в само понятие «народ» они вкладывали совершенно иной смысл, чем Бабеф³⁵. Главное же, Бабеф всерьез принял на себя роль «цензора правительства», «изобличителя правительства перед народом» и в отличие от своих правотермидорианских коллег осуществлял эти теории на практике. Он критиковал правительство даже тогда, когда еще верил в его благие намерения. Он продолжал и далее эту свою деятельность, причем во все более резкой форме, за что и поплатился преследованиями со стороны тех, кого в то время считал своими единомышленниками.

Итак, несомненно, что по достаточно широкому кругу вопросов позиция Бабефа заметно отличается от позиции правых термидорианцев. У него своя программа.

Когда мы пытаемся установить, какова же была программа Бабефа в тот период, первое, что бросается в глаза, — это исключительный, почти всепоглощающий его интерес к вопросам организации политической власти, к проблемам демократии и диктатуры. Главное стремление Бабефа — установление наиболее полной демократии. Многочисленные его

высказывания — требование, чтобы все общественные должности занимали только люди, избранные народом; чтобы народным собраниям вернули их права; чтобы Конвент был поставлен под неустанный контроль народа, и т.п. — не оставляют никакого сомнения в том, что такую наиболее полную демократию Бабеф по-прежнему видел в максимальном приближении к прямому народоправству (хотя это требование он нигде прямо не формулирует). Любая форма диктатуры ему ненавистна. Чем вызвана эта ненависть? Чем вызвано, в частности, яростное неприятие якобинской политической практики?

Конечно, в значительной мере и общетеоретическими соображениями. Нетрудно заметить, что в идеях, развиваемых в это время Бабефом, в принципе нет ничего для него нового: он был сторонником демократической организации общества задолго до установления революционного правительства³⁶. (Не случайно он такой пламенный поклонник конституции 1793 года). Стихийный демократизм Бабефа, его глубочайшая вера в народ и уважение к нему естественно делали его носителем того широко распространенного еще и в XIX в. заблуждения, что достаточно дать народу возможность высказать свою волю и он обязательно изберет лучшее из правительств.

И все-таки было бы ошибкой видеть в этом единственную и главную причину. Бабеф менее всего доктринер. Одна из сильнейших его сторон — способность извлекать уроки из жизненного опыта, в частности из практики революции. Мы еще увидим, что при этом он не отступал перед необходимостью пересмотра прежних взглядов. Никакие теоретические воззрения не заставили бы Бабефа осудить мероприятия, пусть расходящиеся с его теориями, но приводившие к результатам, которые он одобрял.

Кроме того, если бы неприятие Бабефом якобинской диктатуры объяснялось лишь его постоянной убежденностью в первостепенной важности демократической организации управления, естественно было бы предположить, что именно в период безраздельного господства якобинцев этот вопрос станет для него особенно животрепещущим (вспомним, что вокруг него в то время шла серьезная борьба). Однако мы можем с уверенностью сказать, что как раз в эпоху якобинской диктатуры проблемы политического устройства общества не находились в центре внимания Бабефа: нетрудно привести сколько угодно достаточно смелых его высказываний по вопросам социальной и продовольственной политики и практически нет ничего, что говорило бы о недовольстве организацией политической власти якобинцами или хотя бы о горячем и пристальном интересе к этому вопросу³⁷.

Что же выдвинуло эту проблему на первый план для Бабефа? Что заставило его встать на столь яростно антидиктаторские позиции?

Чтобы это понять, надо представить себе некоторые особенности общественной атмосферы сразу после 9 термидора, а также умонастроение самого Бабефа в этот период. Он провел 8 тюрьме (причем вне Парижа) последние шесть месяцев якобинской диктатуры. Это, конечно, не выключило его из жизни, но оторвало от конкретной политической борьбы и мешало уловить многие ее оттенки³⁶. (Заметим,

что именно в заключении Бабеф узнал о казни как дантонистов, так и эбертистов.) Прямо из тюрьмы попадает он в Париж буквально на следующий день после казни Робеспьера и окунается в атмосферу шумного ликования термидорианцев. Все те, кто слова не смел сказать при жизни Робеспьера, теперь с облегчением клянут и его самого, и его систему. И в первую очередь нападки сосредоточиваются на наиболее яркой и наиболее уязвимой стороне свергнутого режима — на терроре. Газеты заполнены описаниями случаев произвола, массовых казней, упрощенного судопроизводства, жертвой которого становились и правый и виноватый, и т.п.

И надо сказать, что, хотя краски обычно злонамеренно сгущались, сами факты зачастую соответствовали действительности. А это не могло не произвести впечатление. Собранные вместе и оторванные от конкретных политических событий, описания эти производили впечатление чудовищного, а главное — бессмысленного, Кровавого разгула, единственная цель которого — обеспечить полноту власти одному человеку или небольшой группе лиц. Всякого честного человека невольно брала оторопь от такой картины. Неужели революция была сделана ради этого? Неужели ради этого народ принес столько жертв? И следовал естественный вывод: главная, первоочередная задача — сделать так, чтобы такое не могло повториться. Путь к этому — как можно более демократическое управление обществом, дополняемое и одновременно обеспечиваемое неограниченной свободой печати.

Это своеобразное нравственное потрясение от террора вполне объясняет и страстный интерес Бабефа к вопросам политического устройства общества, и тот факт, что общие симпатии к демократической форме правления перерастают у него в это время в представление о демократии как панацее от всех зол.

И все-таки есть в этой позиции Бабефа некоторая странность. Всегда выделявшийся своим особым интересом к положению беднейших слоев общества, он в первые недели после термидора практически ничего не говорит о социальных вопросах. Кажется, что все его интересы целиком поглощает политика. (Именно так, как известно, и толковал его позицию Щеголев³⁹.)

Чтобы в этом разобраться, надо вспомнить, что социальный смысл 9 термидора был на первых порах неясен даже многим его участникам (в первую очередь большинству левых термидорианцев). Только через несколько месяцев, окончательно укрепившись у власти, смогли и посмели новые хозяева страны до конца показать, к чему они стремились. На первых же порах они вели борьбу и со своими поверженными противниками — робеспьеристами, и с левыми термидорианцами только по чисто политическим вопросам, не высказывая своего отношения к социальным мероприятиям свергнутого режима. В этом, думается, ключ к объяснению той несколько необычной для Бабефа позиции, которую занимал он в эти дни: социальный вопрос отошел для него на второй план не только потому, что проблемы организации государственной власти приобрели в этот период в его глазах (как и в глазах всего общества) громадное значение, но и потому, что социальные завоевания якобинцев он, как и

многие другие, считал незыблемыми. Ему и в голову не приходило, что события 9 термидора поставили эти завоевания под вопрос. Но как только начались первые нападки на якобинские социальные законы, Бабеф решительно выступил против этого. Когда же нельзя было больше сомневаться в социальном смысле нового режима, он, как мы увидим, становится его непримиримым и решительным врагом.

Таким образом, мы подошли к коренному отличию позиции Бабефа в этот период от позиции правых термидорианцев. Если для них политика ограничения «важнейшей из естественных свобод» — свободы собственности преступна, то Бабеф, не считая социальную политику якобинцев ни идеальной, ни, самое главное, достаточной, все же одобрял все основные социальные мероприятия якобинской диктатуры, о чем у нас есть немало свидетельств⁴⁰. В значительной степени отсюда проистекает его механистическая схема двух Робеспьеров — тирана и мудрого законодателя. Отсюда же его представление о задачах 9 термидора: этот переворот должен очистить лучшие стороны республиканского режима от диктаторских злоупотреблений и всякой возможности их возникновения и создать справедливое общество, с максимумом и вантозскими декретами, но без диктатуры, с возможно большим приближением к народоправству. Такое общество, по мнению Бабефа, неизбежно будет развиваться в направлении к высшей цели всякого общества — «всеобщему счастью», понимаемому им как равенство на деле, общество без богатых и бедных.

Есть ли основания утверждать, что подобная программа хоть в какой-то мере похожа на программу правых термидорианцев? Ответ на этот вопрос самоочевиден.

Все вышеизложенное достаточно ясно показывает, что у Бабефа и правых термидорианцев не совпадали ни основные принципы, ни отправные точки суждений, ни идеалы и цели, к которым они стремились. Чем же объясняются их взаимные заблуждения относительно друг друга?⁴¹ Назовем несколько основных, по нашему мнению, причин. В первую очередь это бесконечная сложность данного периода. Коль скоро смысл событий, происшедших 9 термидора, на первых порах был неясен даже многим из его участников, он никак не мог быть сразу уяснен только что вышедшим из тюрьмы Бабефом. К этому надо добавить, что после переворота на первый план выдвинулись те вопросы, по которым между Бабефом и правыми термидорианцами существовало кажущееся единство, и только очень пристальный и спокойный взгляд (что невозможно для современника событий, с головой погруженного в политическую борьбу) мог выявить мнимый характер этого единства, принципиально важный характер расхождений, казавшихся на первых порах второстепенными. Наконец, такого рода путанице чрезвычайно способствовал тот факт, что все журналисты того времени широко пользовались пышной риторикой и злоупотребляли чересчур общими и широкими понятиями, такими, как «народ», «общее благо» и т.п. Необходимо было время, чтобы понять, что в эти термины мнимые единомышленники вкладывали совершенно разный смысл (такое понимание затруднялось и тем, что правые термидорианцы сплошь и

рядом сознательно прибегали к социальной демагогии).

В том, что такого рода взаимные заблуждения не могли продолжаться сколь-нибудь длительный срок, мы вскоре сможем убедиться.

Но вернемся к программе, с которой выступает в это время Бабеф. Его стремление сочетать всеобщий максимум с политической демократией было, конечно, совершенно утопично. Но нам важно сейчас не это. Мы хотим подчеркнуть, что для данного периода эта его программа была совершенно оригинальной и не только резко отделяла его от мнимых единомышленников, правых термидорианцев, но в значительной степени отличалась и от программы, выдвигавшейся в то время крайне левыми, плебейскими кругами. Ввиду принципиальной важности этого вопроса на нем следует специально остановиться.

* * *

Если бы мы даже ничего не знали о биографии Бабефа в данный период, ответ на вопрос, кто были его подлинные единомышленники, нетрудно найти на страницах его газеты. С первых же номеров огромным вниманием и постоянной поддержкой ее редактора стало пользоваться одно из интереснейших народных обществ того времени — Электоральный клуб. Это общество стало собираться вскоре после 9 термидора в Зале выборщиков (Salle des Electeurs) и получило название по месту своих заседаний. Название это фигурирует в истории парижских народных обществ не впервые: в том же самом зале Епископства уже собирался некогда клуб, носивший название Электорального, исчезнувший, как и многие другие народные общества, после событий жерминаля II года⁴². К сожалению, мы не располагаем документами, которые помогли бы хоть частично ответить на вопрос, в какой связи находились старое и новое общества, являлся ли второй Электоральный клуб прямым продолжением старого, или это действительно новое общество с иным составом? Сведения, которые сообщает об этом газета Бабефа (единственная, всерьез освещавшая деятельность Электорального клуба), противоречивы и не позволяют сделать определенных выводов. В 3-м номере, защищая Электоральный клуб от обвинения, что он, как и прежде, возмущает народ в духе Эбера, Бабеф дает понять, что нынешний Электоральный клуб не связан с прежним⁴³. А в 7-м номере, стремясь подчеркнуть «благонадежность» этого общества в глазах нового правительства, он говорит о тех преследованиях, которые оно испытало при Робеспьере, и о том, что только 9 термидора дало ему возможность вновь организовать. Не исключено, что у Бабефа были основания и для того и для другого утверждения. Видимо, истина, как это иногда бывает, находится посередине, и Электоральное общество состояло частично из старых, а частично из новых членов⁴⁴. Несомненно лишь то, что тон в нем задавали эбертисты и «бешеные», бывшие «активисты» секций.

Политической программой Электорального клуба (как явствует из его петиций) были восстановление прав секций, борьба за право народа выбирать должно-устных лиц, за свободу печати, за введение конституции 1793 года. Бросается в глаза, что эта программа совпадала с

основными политическими требованиями Бабефа. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Бабеф очень скоро становится участником заседаний этого клуба. Однако любопытно отметить следующее. Историки, занимающиеся данным периодом, со всей определенностью заявляют — и это находит косвенное подтверждение в рукописных материалах Бабефа⁴⁵, — что Бабеф начал принимать участие в работе Электорального клуба раньше, чем вышел в свет 1-й номер его газеты. Естественно возникает вопрос, каким образом сумел Бабеф, только что вышедший из оторвавшего его от политической жизни тюремного заключения и, с другой стороны, еще не приобретший той широкой известности, которую дало ему издание газеты, так быстро сориентироваться и установить связи с электоральцами? К сожалению, и в данном случае у нас нет бесспорных документальных данных и нам приходится ограничиваться более или менее правдоподобными предположениями.

Прежде всего следует вспомнить, что Бабеф бывал в Париже и прежде. Его чрезвычайно активная, хотя и проходившая не на самом первом плане, парижская деятельность в 1793 г., поставившая его, в силу ряда обстоятельств⁴⁶, в довольно сложные отношения с некоторыми деятелями санкюлотского движения, одновременно не могла не способствовать установлению каких-то связей в этих кругах. Возникновению таких связей способствовало и последовавшее затем тюремное заключение, ибо сам Бабеф отмечает, что познакомился в тюрьме с некоторыми будущими членами Электорального общества⁴⁷. Наконец, по данным К.П.Добролюбского, Бабеф по возвращении в Париж после 9 термидора поселился на территории секции Музея, председателем которой был Легрэ, активный деятель, а позднее и председатель Электорального клуба⁴⁸. Естественное для такого человека, как Бабеф, желание принять участие в общественной жизни своей секции должно было неизбежно свести его с Легрэ, а через него — с Электоральным клубом.

Таким образом, Бабеф стал посещать заседания Электорального клуба вскоре после его образования. Деятельность этого общества встречает у него полное одобрение. Поэтому его огорчает, что она не находит освещения на страницах ни одной из газет. Приступая к изданию собственной газеты, он предлагает Электоральному клубу свои услуги в качестве информатора о заседаниях этого общества⁴⁹. Деятельность клуба действительно находит живейшее отражение на страницах его газеты. Эта газета — единственный печатный орган, полностью опубликовавший две петиции Электорального клуба и регулярно помещавший отчеты о его заседаниях. Бабеф постоянно выступал в защиту этого общества, а в такой защите оно нуждалось почти с первых дней своего существования, ибо, несмотря на крайний антиробеспьеризм его членов и совпадавшую с временными интересами правых термидорианцев борьбу за свободу печати, оно сразу же стало выдвигать требование вернуть народу право избирать должностных лиц, что сделало его мишенью для нападок как правых, так и левых термидорианцев.

Уже в одном из самых первых номеров «Газеты свободы печати» читаем: «На заседании 20 термидора⁵⁰ народное общество, заседающее в электоральном зале, представило Национальному конвенту петицию, требуя: 1) самых полных гарантий для прессы и для тех граждан, которые посвящают себя благородной задаче разоблачать злоупотребления и предателей; 2) чтобы никогда не был нанесен ни малейший ущерб неотъемлемому праву народа назначать своих должностных лиц...»⁵¹

Второе из этих требований пришлось явно не по вкусу большинству депутатов: они объявили членов Электорального клуба «заговорщиками», а петицию отослали в Комитет общественной безопасности «для изучения ее мотивов»⁵². Поведение депутатов Конвента вызывает глубокое негодование Бабефа. Он обвиняет их в том, что они пользуются недозволенными методами полемики (унаследованными от Робеспьера, подчеркивает он), и выступает в защиту действий и принципов Электорального клуба. «...Это общество отнюдь не является центром заговоров, оно, может быть, последний оплот мужественной свободы...» В нем «голосуют только за священные и неотъемлемые принципы», всегда помнят, «что следует непрерывно сопоставлять действия правительства с основной целью всех общественных учреждений»⁵³ (напомним, что такой целью, как это неоднократно утверждалось в его газете, Бабеф считал «всеобщее счастье»).

В 7-м номере, в статье, озаглавленной «Взгляд на народное общество, заседающее в Электоральном зале», Бабеф снова выступает в защиту Электорального клуба, относительно которого общественное мнение введено в заблуждение. С тревогой пишет он о том, что Комитет общественной безопасности издал *lettre de cachet* против оратора, читавшего в Конвенте петицию Электорального клуба, и против ее редактора Бодсона⁵⁴, причем последний был скандальным образом арестован во время исполнения им служебных обязанностей судьи первого округа.

В следующем номере Бабеф публикует пространное письмо Ведере (судя по всему, члена Электорального клуба⁵⁵), доказывающего, что свобода печати не совместима с «революционным правительством». В конце письма Ведере предлагает Бабефу добиться, «чтобы наряду с петициями народных обществ Экса и Дижона, целиком напечатанными в «Мониторе», была также полностью опубликована петиция парижского Электорального клуба, о которой беспристрастный редактор только осторожно упомянул, чтобы не ввести в заблуждение общественное мнение, позволяя ему сравнивать различные точки зрения; так лошади, вращающей мельничные жернова, завязывают один глаз, чтобы она могла видеть только своего вожатого»⁵⁶. Сочувствие Бабефа, опубликовавшего это длинное письмо целиком, к изложенным Ведере идеям, в частности к последнему его предложению⁵⁷, не подлежит ни малейшему сомнению.

В 10-м номере он снова с возмущением пишет о незаконном аресте Бодсона, редактора петиции Электорального клуба. «Надо, — продолжает он, — чтобы все знали этот документ, который уже был опубликован в Париже в виде афиши; надо, чтобы народ заметил не-

ортодоксальность, которой она отмечена, и чтобы он судил о ней со знанием дела; надо, чтобы он выразил ее редактору, все еще томящемуся в оковах, неодобрение, которого заслуживает опасный догматик, или признательность, которой мы обязаны тем, кто страдает за свободу; надо также высказаться относительно всех тех, кто одобрил эту петицию».

1 вандемьера Бабеф выполнил это свое намерение и опубликовал петицию Электорального клуба⁵⁸. Может вызвать некоторое недоумение, что он сделал это более чем через две недели после того, как петиция была представлена в Конвент. Но возможно, как это ни покажется странным, Бабеф не располагал точным текстом этой петиции (афиша с ее текстом могла быстро исчезнуть). На эту мысль наводит тот факт, что арестованный Бодсон посылает Бабефу из тюрьмы текст петиции⁵⁹ — по-видимому, той самой, за редактирование которой и был арестован. Он сопроводил отправку этой петиции письмом, в котором отвергал выдвинутые против него в Конвенте 30 фрюктидора (заочно, уже после ареста) обвинения, и просил Бабефа внести в это письмо необходимые исправления и опубликовать.

Бабеф не считал возможным опубликовать это письмо⁶⁰. Однако в 13-м номере своей газеты Бабеф не только убеждает членов Конвента не оскорбляться этим поступком и даже высоко его оценить, так как в основе его лежит «гордый республиканизм», желание подчеркнуть, что они пришли в Конвент, чтобы защитить права народа, а не ради почестей.

Письмо действительно не очень удачно составлено. Кроме того, Бабеф, возможно, не хотел еще более обострять отношения между Конвентом и Электоральным клубом. Желание смягчить существующее между ними напряжение ясно проявляется, например, в 3-м номере, где Бабеф, правда очень мягко, порицает членов делегации Электорального клуба за то, что они, невзирая на неласковый прием, не остались в качестве гостей на заседании Конвента, хотя и получили приглашение. С другой стороны, он публикует составленную Бодсоном петицию, но и снова выступает в его защиту, а также подчеркивает достойное поведение членов Электорального клуба в Конвенте 30 фрюктидора⁶¹. Кроме того, он с удовлетворением отмечает поддержку Электорального клуба другими народными обществами и секциями Парижа: после того как декретом Конвента у электоральцев было отнято их помещение (под предлогом благотворительности — его должны были передать под госпиталь, — а на самом деле все из-за той же петиции), несколько обществ предложили членам клуба собираться у них. Правда, замечает Бабеф, пока в этом нет нужды: декрет еще не приведен в исполнение.

10 вандемьера Бабеф с глубоким огорчением пишет о пассивности народа, о том, что он утратил тот революционный пыл, а следовательно, и силу, которыми обладал в 1789—1790 гг.⁶² Но уже на следующий день Бабеф снова полон энтузиазма — и это опять связано с деятельностью Электорального клуба. Члены этого общества показали мне, восклицает он, что я ошибался, обвиняя народ в вялости и безразличии: они решительно высказались в Конвенте за народный суверенитет. И он спешит полностью опубликовать этот «акт республиканской энергии» —

новый Адрес Электорального клуба.

Адрес этот действительно заслуживает подробного рассмотрения. Он начинается с заявления, которое должно было привлечь пристальное внимание Бабефа. Во вступлении говорится, что Адрес единодушно принят не только членами общества, но и гражданами, имеющими обыкновение посещать трибуны клуба и выразившими в данном случае пожелание участвовать в обсуждении. Таким образом, содержащиеся в нем предложения отражают не только чаяния членов клуба, но и пожелания всей массы народа (*totalite du peuple*), которую может вместить зал заседаний⁶³. Чтобы не возвращаться больше к этому вопросу, отметим сразу, что в подобном духе выдержано и заключение петиции: общество постановило, чтобы этот Адрес был напечатан и разослан в секции Парижа через специальных комиссаров, которые должны будут предложить секциям поддержать это обращение к Конвенту⁶⁴. При этом одна половина комиссаров должна была быть избрана из членов клуба, а другая — из числа «граждан с трибун». Как будет показано ниже, этот любопытнейший факт породит вскоре одну из очень интересных идей Бабефа.

За вступительными словами следует сообщение, что общество много и долго обсуждало способы оживления торговли. Оно пришло к выводу, что хотя чрезвычайные обстоятельства оправдывают чрезвычайные меры, такие меры приводят к злоупотреблениям и быстро превращаются в свою противоположность. Поэтому общество просит восстановить самую полную свободу торговли, а также отменить реквизиции предметов потребления на нужды армии, за исключением, может быть, только самых крайних случаев. Особое внимание следует обратить и на то, чтобы никоим образом не производился экспорт съестных припасов с территории Республики.

Сделайте все это до зимы, умоляют члены клуба. «Вы видите, насколько уголь, масло, дрова, мыло и все съестные припасы стали редки с тех пор, как производятся реквизиции. Что же будет с нами зимой, если вы не поспешите нам помочь?»⁶⁵

Общество просит также восстановить право секций заседать дважды в декаду, «чего едва хватает для обсуждения текущих дел». Вновь повторяется требование вернуть Парижу муниципалитет, членов которого имеет право избирать только народ. Наконец, петиционеры просят депутатов поставить права человека «в порядок дня»: народ хочет пользоваться ими сейчас, а не в туманном будущем. Так как члены клуба не сомневаются, что Конвент разделяет эти чувства, они завершают петицию клятвой его поддерживать и воспрепятствовать установлению тирании в любой форме.

Клятва не помогла, как не помогло и отвечающее устремлениям правых термидорианцев требование свободы торговли. Адрес, по словам Бабефа, вызвал «ярость деспотизма». 7 вандемьера утром, пишет он, делегация Электорального клуба просила Конвент отменить декрет о лишении клуба помещения. Ответ должен был быть дан через три дня. Вечером 7-го клуб принял приведенный выше Адрес, а уже в 8 часов утра следующего дня в его помещение явился «некто, называющий себя

архитектором» в сопровождении двухсот рабочих, и, невзирая на протесты, эти «двести Геростратов» учинили разгром помещения, который Бабеф и живописует яркими красками⁶⁶. Он резко упрекает Конвент за то, что тот позволяет правительственным комитетам действовать, как им заблагорассудится, и терпит самоуправство «Амаров, Бурдонов и Бейлей», — иными словами, основная масса Конвента обвиняется скорее в непростительной слабости, чем в преступных намерениях, а главная вина за разгром Электорального клуба возлагается на «Вершину» и ненавистное революционное правительство.

Но новые борцы за свободу найдут и новый зал для игры в мяч, восклицает Бабеф. Пока же подождем результатов петиции, которая будет представлена в Конвент сегодня⁶⁷.

Результаты не заставили себя ждать — петиция, как и предыдущая, была отправлена в Комитет общественной безопасности. Клуб остался без зала заседаний и был вынужден воспользоваться гостеприимством секции Музея. Это было началом конца его недолгой деятельности. Тем не менее ему еще было суждено сыграть некоторую роль в истории народных обществ термидорианского периода.

Мы уже отмечали чрезвычайную близость принципиальной программы Бабефа и Электорального клуба. Даже те идеи, которые в этот период сближали его, по видимости, с правыми термидорианцами, — ненависть к диктатуре, антиякобинизм, борьба за свободу печати и т.п. — были широко распространены и среди представителей крайне левых, плебейских течений⁶⁸ (определявших и лицо Электорального клуба). Естественно, что неизбежный и уже назревавший разрыв с мнимыми единомышленниками, правыми термидорианцами, должен был привести Бабефа к еще более тесному союзу с единомышленниками подлинными. Но прежде чем перейти к рассмотрению того периода в жизни Бабефа, когда Электоральный клуб занял центральное место в его планах, мы хотим остановиться на одном чрезвычайно важном, имеющем принципиальное значение вопросе.

Как известно, за все годы революции, вплоть до возникновения Заговора во имя равенства, Бабеф организационно не примыкал ни к одной из существовавших тогда группировок. Он шел в революции своим путем — самостоятельно думал, самостоятельно извлекал уроки из огромного опыта революционных событий, самостоятельно формировал свою программу. Во время якобинской диктатуры он не присоединился ни к робеспьеристам, ни к «крайне левой» (будь то «бешеные» или эбертисты). Эта независимость Бабефа проявилась и сейчас. При несомненной и чрезвычайно большой близости его позиции к позиции Электорального клуба они все же полностью не совпадали. Изучение газеты Бабефа показывает, что было по крайней мере два принципиально важных вопроса, по которым его взгляды заметно расходились со взглядами членов Электорального клуба.

Прежде всего это упомянутое выше двойственное отношение Бабефа к Робеспьеру, высокая оценка первого этапа его деятельности. Уцелевшие члены антиробеспьеристской «крайне левой» отличались яростным неприятием всей деятельности Робеспьера и его сторонников и

в этом вопросе гораздо ближе к правым термидорианцам, чем Бабеф. Примеров можно было бы привести немало, но мы ограничимся одним, самым ярким. Как известно, знаменитое письмо Бабефа Бодсону в вантозе IV года, содержащее апологию Робеспьера и робеспьеризма, было вызвано тем, что даже более чем через полтора года после описываемых событий, многому научившись на горьком опыте термидорианской реакции и значительно изменив свои взгляды, Бодсон не мог преодолеть свою неприязнь к Робеспьеру и считал любую похвалу его деятельности не только неполитичной, но и принципиально неверной. В этом отношении Бабеф придерживался иной, более разумной и справедливой точки зрения даже в самый антиробеспьеристский период своей биографии.

Второй и исключительно важной проблемой был вопрос о максимуме.

Максимум оказался эффективной мерой, обеспечившей в условиях военного времени самые насущные потребности населения и армии в предметах первой необходимости. Но он не мог оправдать надежды, возлагавшиеся на него санкюлотами, — создать изобилие материальных благ по доступным ценам. К этому надо добавить, что после 9 термидора строгое соблюдение максимума, и до того очень нелегкое, становилось все более затруднительным. Разочарованные санкюлоты поверили на некоторое время, что именно максимум, нарушивший привычные формы торговли, является единственной причиной острой нехватки предметов первой необходимости. Отражением этих настроений и явился процитированный выше адрес Электорального клуба (поддержанный рядом парижских секций). В нем как раз очень ярко проявился особый, «санкюлотский» характер нападков на максимум слева. Это не столько теоретическое обоснование священного права частной собственности и вытекающего из него права ничем не стесненной свободы торговли, сколько крик, исторгнутый нуждой: дайте нам скорее предметы первой необходимости, иначе мы не переживем зиму! Если для этого нужна свобода торговли, установите свободу торговли!

Жизнь вскоре показала парижским санкюлотам их заблуждение, заставив вспоминать о достаточно суровом времени действия якобинского социального законодательства, как о «золотом веке». Но Бабеф, сильно бедствовавший, обремененный многочисленной семьей и, вероятно, страдавший от всякого рода нехваток ничуть не меньше, чем большинство членов Электорального клуба, в этом уроке не нуждался. Его позиция в том вопросе с самого начала коренным образом отличалась от позиции электоральцев. Предпосылая Адресу восторженное введение и завершая данный номер своей газеты выражениями самого горячего сочувствия клубу, пострадавшему за принципы, он тем не менее счел необходимым сразу и категорически отмежеваться от этой части петиции. Непосредственно за ее текстом он помещает следующие слова: «Мы полностью одобряем только ту часть этого адреса, которая относится к требованию всех прав народного суверенитета. Вопрос о торговле заслуживает более углубленного рассмотрения; можно многое сказать относительно стяжательства, и долго еще будут у нас нужны

законы против корыстолюбия. Быть может, общественное благо зависит только от того, чтобы обеспечить их выполнение: этот вопрос мы рассмотрим отдельно»⁶⁹.

Таким образом, при всей близости идей, излагаемых Газетой свободы печати» (и впоследствии «Трибуном народа»), к принципам Электорального клуба они все же полностью не совпадают. У Бабефа своя, самостоятельная позиция⁷⁰, и нам представляется чрезвычайно важным это подчеркнуть, ибо именно этот факт (разумеется, наряду с некоторыми другими обстоятельствами) во многом предопределил ту особую роль, которую впоследствии сыграл Бабеф в создании и руководстве Заговора во имя равенства.

* * *

Это разочарование в «благих намерениях» термидорианского Конвента, которое постепенно начинает испытывать Бабеф, неизбежно должно было сказаться на его тактике. В 13-м номере своей газеты Бабеф провозглашает создание «партии (заговора)⁷¹ прав человека». Что это — действительная попытка создать какую-то организацию, как, кажется, склонен трактовать этот вопрос Бергман? Думается, «что это не так. Однако на вопрос, что же такое партия прав человека, вполне определенный ответ дать трудно. Вероятно, его не сумел бы дать и сам Бабеф. Во всяком случае, то, что он пишет по этому поводу, довольно расплывчато и зачастую противоречиво. Если в 13-м номере он противопоставляет эту «партию» «партии» тех, кто стремится восстановить правительство Робеспьера, иными словами, в какой-то мере связывает ее возникновение с событиями 9 термидора, то в 26-м номере он пишет, что она существует с 1789 г. и именно она свершила все великие дела революции. Под пером Бабефа эта «партия» то приобретает хоть и широкие, но все же более или менее четкие границы, то расширяется практически до понятия «французский народ».

Очевидно, именно эта неопределенность самой идеи, а не страх власть имущих и их «приказ» организовать заговор молчания (как писал Бабеф в 27-м номере) была причиной того, что пресса практически не обратила внимания на бабефовскую «партию прав». И, разумеется, если понимать слова Бабефа буквально, то «партия прав человека» — фикция; она никогда не существовала. Но если мы попытаемся разобраться, чего именно добивался Бабеф, излагая свои, иногда довольно путанные мысли по этому поводу, то увидим, что в основе этих разноречивых высказываний лежит вполне серьезная идея.

Прежде всего о каких правах человека идет речь? Нет сомнений, что Бабеф имеет в виду в первую очередь (хотя и не исключительно) борьбу за народный суверенитет и обеспечивающие его мероприятия, т.е. главным образом опять-таки неограниченное право секционных собраний и право народа избирать должностных лиц. Манифестом «партии прав человека» он провозглашает петицию секции Музея от 30 термидора, в которой все «злодейства» якобинской диктатуры объяснялись тем, что народ был лишен этих законных прав, и содержалось требование немедленно эти права народу вернуть⁷³. Впоследствии таким манифестом Бабеф объявил и петицию Электорального клуба, содержав-

шую примерно те же требования. Он постоянно призывал всех сторонников «прав человека» поддержать эти петиции. И сама его «партия прав человека» — это не попытка создать организацию, а попытка организовать общественное мнение, мнение народа в поддержку этих требований, и тем самым оказать определенное давление — скорее моральное, чем физическое — на Конвент.

Эта идея, как мы уже отмечали, отражает некоторое разочарование в деятельности термидорианского Конвента, ибо оказывается, что для введения благодетельных законов он нуждается в определенном подталкивании со стороны народа. С другой стороны, в ней отразились и иллюзии Бабефа относительно того же Конвента, ибо он явно считает, что основная масса его депутатов стремится выполнить волю народа, и если им недвусмысленно продемонстрировать, в чем именно эта воля заключается, они проведут соответствующие мероприятия в жизнь. Свое логическое завершение эта идея нашла в 27-м номере, который открывается призывом ко всем защитникам прав человека произвести мощную демонстрацию — составить «Народный адрес» (Adresse du Peuple), где было бы изложено твердое желание народа быть свободным. Этим идеям Бабефа суждено было получить дальнейшее развитие в его пропаганде.

* * *

Мы уже говорили, что «союз» Бабефа с правыми термидорианцами нельзя назвать даже случайным, — он был мнимым, основанным на взаимном заблуждении обеих сторон и потому должен был очень скоро неизбежно распасться. Организационно это вылилось в форму разрыва с Гюффруа, последовавшего примерно через шесть недель после выхода в свет 1-го номера «Газеты свободы печати». На деле же этот распад мнимого союза начался гораздо раньше. Выше уже упоминалось, что Бабеф очень быстро стал решительно критиковать своих «союзников», правда, на первых порах смягчая эту критику или субъективно направляя ее не по адресу⁷⁴.

С другой стороны, и правые термидорианцы должны были вскоре почувствовать недовольство некоторыми сторонами деятельности Бабефа: если «хорошие» стороны деятельности Электорального клуба никак не искупали в их глазах тот факт, что клуб требовал восстановления прав секций, то почему они должны были прощать поддержку этих требований Бабефу?⁷⁵

Трудно сказать, когда начались разногласия между Бабефом и Гюффруа. Вероятно, еще до 22-го номера газеты, так как невозможно предположить, что шаг, на который Гюффруа пошел, он предпринял без предварительных переговоров с Бабефом и попыток на него повлиять. Во всяком случае, Гюффруа, то ли раздраженный позицией Бабефа, то ли напуганный (а может быть, то и другое вместе), не прекращая пока финансировать газету, с 22-го номера⁷⁶ снимает с нее свое имя⁷⁷. Это уже формальный, видимый признак грядущего разрыва.

Вряд ли случайно и то, что 22-й номер был последним, который носил название «Газета свободы печати». С 23-го номера газета Бабефа получила имя, которому суждено было прославиться, — она стала назы-

ваться «Трибун народа». Отказываясь от прежнего названия, Бабеф мотивирует это тем, что считает неограниченную свободу печати, хотя так и не декретированную Конвентом, на деле завоеванной, и теперь он, как и обещал в своем 1-м номере, должен перейти к защите других прав народа. Подчеркивая, что «Трибун народа» не новая газета, а продолжение старой, он с изменением названия не меняет счет номеров. Но вряд ли дело только в том, что он считал свободу печати завоеванной. Оно скорее в том, что в обстановке усиливающейся термидорианской реакции для Бабефа на первый план все более выходит защита иных прав народа и содержание последних номеров «Газеты свободы печати» не соответствует ее названию. Нельзя также не предположить, что само это название, в обстановке тех месяцев напрямую связывавшее Бабефа с лагерем правых термидорианцев, становится в его глазах уже нежелательным⁷⁸.

Имя изменила не только газета — иначе стал зваться и ее редактор и составитель. Если Франсуа-Нозль Бабеф «умер» в самом начале революции, превратившись в Камилла, то теперь исчез и Камилл Бабеф. Отныне на сцене появился Грахх Бабеф⁷⁹ — имя, под которым он и вошел в историю. Перемена имени тоже, конечно, не случайна. Отчасти — и это само по себе уже характерно — она была демонстративным протестом против декрета термидорианского Конвента, запрещающего произвольно менять имена. Но в ней отразился и тот факт, что, по словам самого Бабефа, его «демократизм стал более чистым». Он берет себе имя в честь братьев Граххов, подлинных защитников народа, стремившихся ко всеобщему счастью, к которому стремится и Бабеф, хотя и с помощью других методов. Он готов, как и они, принести свою жизнь в жертву своим идеалам. И его уже не устраивает в качестве «патрона» полупролетарский Камилл, посредник между патрициями и недовольными плебеями, ибо теперь он понимает, что этот человек был лишь мнимым защитником плебеев, а на самом деле — преданным другом «сенаторской и патрицианской касты»⁸⁰. Думается, в этих словах слышны косвенные отзвуки начавшегося разочарования в героях термидора.

Мы не будем сейчас подробно останавливаться на содержании первых четырех номеров «Трибуна народа» (№ 23—26). Скажем только, что, продолжая в них свою антиякобинскую и «антивершинную» линию, Бабеф в то же время с еще большей категоричностью требует восстановления — причем немедленного — прав народа⁸¹ и со все большей резкостью критикует Конвент в лице как левых, так и правых его депутатов (доходя даже до намека, что если Конвент не осуществит народных чаяний, то народ может его и распустить). Наконец, в 26-м номере произошел своеобразный разрыв «личной унии», вышло наружу то разочарование в деятелях термидора, которое подспудно давно накапливалось, — Фрерон впервые подвергся критике на страницах газеты. Правда, Бабеф пока еще сопровождает свои критические высказывания оговорками («Фрерон... чье сердце я все еще считаю чистым»), но все же достаточно резко обвиняет его в том, что в своей газете он поставил власть Конвента на место суверенитета народа, а также нападает на него за то, что он поддержал предложение Бурдона из

Уазы о чистке народных обществ (и даже предложил себя в исполнители чистки). Более того, Бабеф обещает подробнее поговорить об ошибках Фрерона в следующем номере.

Было ли это обещание тем толчком, который побудил Гюффруа, единомышленника и личного друга Фрерона, воспрепятствовать выходу 27-го номера в свет? Это вполне вероятно, но не надо забывать, что это было лишь последней каплей, переполнившей чашу: разрыв уже назревал и был вызван глубокими расхождениями по принципиальным вопросам⁸². Во всяком случае, после выхода в свет 26-го номера Гюффруа закрыл Бабефу доступ в свою типографию, конфисковал часть тиража и обратился к Бабефу с тем, что мы сегодня назвали бы «открытым письмом», где сообщал ему, что более не намерен издавать его газету⁸³. Письмо это небезынтересно.

Что именно ставит Гюффруа в вину Бабефу?⁸⁴ Он начинает письмо с заявления, что хотя существуют определенные истины, но существуют также (и всегда будут существовать) люди, на которых эти истины производят слишком сильное действие. «Поэтому необходимо, чтобы наши политические врачи умели соизмерять силу лекарства с нуждами больного». В настоящий момент «мудрость, устами свободы, повелительно заявляет: довольно с нас конвульсий... Поэтому те, кто говорит сейчас о восстании, кто косвенно и даже впрямую дает такие советы, как это делаешь ты... дают оружие в руки врагов отечества»⁸⁵.

Кто эти люди, спрашивает Гюффруа, которые считают себя (и только себя) патриотами и заявляют, что они стремятся к цели всякого общества — всеобщему счастью; кто такие те, кто непрерывно выступает в народных собраниях в защиту прав народа и заявляет: «Ваши депутаты угнетают вас»; кто, наконец, те сумасброды, которые уже выдвигали и, несомненно, будут еще выдвигать требование аграрного закона? Все это люди, которые на деле стремятся только к одному — к захвату власти. И если Бабеф, может быть, и не думает так, как они, то говорит он, по мнению Гюффруа, одним с ними языком. И это тем более опасно, что «яд народных волнений» он подает «в священном кубке прав человека».

Изложив эти основные принципы своего обвинения, Гюффруа переходит к критике конкретных суждений Бабефа. Ссылаясь на многочисленные резкие высказывания Бабефа в 26-м номере о деятельности и намерениях Конвента, Гюффруа обвиняет его в сознательном и бессознательном стремлении дискредитировать Конвент в глазах народа и даже косвенно призвать к его роспуску⁸⁶. Он защищает А.Дюмона и Фрерона от нападок Бабефа. Наконец, он заявляет, что Бабеф противоречит сам себе, требуя уничтожения революционного правительства и в то же время частично его одобрения. Завершается письмо словами о том, что пора революции «консолидироваться» с помощью «народной мудрости», т.е. по сути дела повторением открывающего письмо призыва «довольно конвульсий»⁸⁷.

Достаточно взглянуть на эту серию серьезных обвинений, чтобы понять, что личные мотивы играли в их разрыве минимальную роль. Письмо полностью подтверждает глубоко принципиальный характер расхождений. Нам особенно хотелось бы подчеркнуть, что Гюффруа

сумел чутко уловить направление, в котором развивалась мысль Бабефа: он обвинял его в призыве к восстанию (такого призыва 26-й номер еще не содержал, но скоро этот призыв в своеобразном преломлении действительно займет немалое место в пропаганде Бабефа) и, что особенно любопытно, сближал его с «сумасбродами», проповедующими аграрный закон (вспомним, что Бабеф в то время почти не касался социального вопроса).

Другая интересная особенность этого письма — то, что оно во многих отношениях представляет собой чрезвычайно характерный документ, ярко отразивший дух эпохи.

Прежде всего это относится к тем элементам «положительной программы» Гюффруа, которые видны в письме. Повторяющийся в письме призыв «покончить с конвульсиями», означающий по существу призыв завершить революцию и спокойно пользоваться ее плодами; циничный совет не высказывать открыто слишком опасные истины, чтобы не способствовать распространению «яда народных волнений»; мнение, что народная активность хороша, когда она вызвана Конвентом и поддерживает его решения, но опасна, когда в ней проявляется стремление критически обсуждать эти решения и протестовать против них⁸⁸; косвенный призыв вообще во всем слепо положиться на Конвент; стремление сохранить удобную для правых термидорианцев форму революционного правительства, выхолостив ее суть, — все это чрезвычайно типично и свойственно не только Гюффруа. То же относится и к критической части письма: постоянные выпады по поводу «кровавых преступлений» предыдущего правительства; критика не только робеспьеристов, но и «тех, кто называет себя монтаньярами» и нагло присваивает себе исключительное право называться патриотами⁸⁹. Нынешний Конвент никак не связан с преступлениями прошлого режима и не может отвечать за зло, проистекшее из действий революционного правительства, как его организовали «Робеспьер и его банда», — мотив, исключительно характерный для правых термидорианцев и тоже присутствующий в письме. Можно было бы привести и другие примеры⁹⁰.

Весьма характерно для облика правых термидорианцев и соотношение между принципами, которые ныне проповедует Гюффруа, и его деятельностью в недавнем прошлом. **Даже такой вполне умеренный историк, как А.Олар, публикуя письмо Гюффруа, отметил, что для того, чтобы по достоинству оценить личность его автора, надо вспомнить, что при Робеспьере Гюффруа был в числе самых ярких (хотя, как подозревает Олар, и лицемерных) террористов⁹¹. Достаточно вспомнить хотя бы несколько имен видных правотермидорианских деятелей, чтобы убедиться, насколько это было типично для нынешних разоблачителей «Робеспьера и его банды».** А с этим связан и другой мотив, присутствующий в письме Гюффруа, хотя и на втором плане: Бабеф прав, когда обвиняет прежних правителей в кровавых преступлениях, но в корне не прав, если задевает при этом кого-либо из нынешних правых термидорианцев. Можно ли ставить в упрек такому человеку, что он некогда «держал в страхе аристократию и плохих граждан»!⁹²

Справедливость требует отметить, что письмо Гюффруа написано в довольно спокойном и сдержанном тоне, а также и то, что многие его замечания отнюдь не лишены здравого смысла. В частности, он не всегда был неправ, отмечая некоторые ошибки и противоречия в суждениях Бабефа. На одно из таких противоречий мы хотели бы обратить особое внимание. Гюффруа обвиняет Бабефа в том, что он одновременно «отвергает и одобряет» революционное правительство. По его словам, Бабеф солидарен с членами Конвента, отвергающими «преступления» правительства Робеспьера, но не хочет и того «революционного правительства, основанного на справедливости», которого хотят они. Однако тут же Бабеф требует суровых мер против внутренних и внешних врагов, т. е. все того же революционного правительства.

Независимо от того, как Гюффруа истолковывал этот факт, противоречие это подлинное, действительно имевшееся наряду с другими в системе идей Бабефа. Эти противоречия, порожденные противоречиями жизни, о которые билась в поисках решений мысль Бабефа, — предвестник той эволюции, которую ему суждено пережить.

1 Journal de la liberte de la presse, N 14. (Далее: Journal...).

2 Бабеф Г. Соч. М, 1977, т.3, с.180—181.

3 Там же, с.181.

4 Следует, вероятно, упомянуть, что деятельность Бабефа не ограничивалась огромной работой по составлению и изданию самой газеты. Он считал своим долгом не только пристально следить за событиями, но и по мере сил лично участвовать в политической жизни. Кроме того, он находил время и на чтение теоретических трактатов — именно к осени 1794. г. относятся его конспекты «Цепей рабства» Марата и «Писем к моим избирателям» Робеспьера. См.: Бабеф Г. Соч., т.3, с.525—527, 571.

5 Aulard A. Paris pendant la reaction themidorienne et sous le Directoire. Paris, 1898, t.III, p.59.

6 Mathiez A. Le Directoire. Paris, 1934, p.191.

7 См.: Tonesson K.D. L'an III das la formation de babouvisme. — 1960 S historiques de la revolution francaise, № 162, oct.-dec. Tenesson les historiques de la revolution francaise, N 162, oct.-dec., Mathiez A. Le Directoire. Paris, 1934, p.191.

8 См.: Journal..., N 6.

9 Ibid.

10 Ibid.

11 Цит. по.: Ibid., N 1.

12 См., например: Ibid., N 9.

13 Петиция народного общества города Дижона, требовавшая восстановления основных принципов и мероприятий якобинской диктатуры.

14 См.: Journal..., N 10; см. также № 6 и 11.

15 Например, так называемое «восстание» в Марселе или «убийство» Тальена. См.: Journal..., N 5, 15, 17.

16 См.: Ibid., N 15.

17 Следует помнить, что после гибели Робеспьера и его ближайших соратников была проведена чистка Якобинского клуба от слишком явных его сторонников, в первую очередь от лиц, участвовавших в событиях термидора на стороне

Робеспьера. Но среди людей, оставшихся членами клуба, было, конечно, немало скрытых робеспьеристов. На практике было очень трудно, иногда невозможно провести грань между ними и левыми термидорианцами, которые тоже оставались членами Якобинского клуба и во многом задавали в нем тон.

18 Вернее, Бабеф только показалось, что он затронут: речь Мерлена, на которую он ссылается, была гораздо скромнее по своим задачам.

19 Journal... N 5.

20 См., например: Ibid., N 12.

21 Ibid., N 4.

22 Ibid., N5.

23 Ibid., N 1.

24 Journal..., N 6.

25 Ibid.

26 Чрезвычайно интересным аспектом борьбы Бабефа за это право народа являются его выступления за возвращение Парижу выборной Коммуны; отметим, в частности, что, мотивируя это требование перед депутатами Конвента, Бабеф подчеркивал, что выборная Коммуна нужна народу Парижа и для того, чтобы в случае необходимости послужить органом нового восстания (см., например: Journal..., N 21). Уже одно это чрезвычайно ярко показывает и огромную разницу во взглядах Бабефа и правых термидорианцев в тот период, и его искренние заблуждения относительно того, к чему стремились его «союзники», а чего они больше всего боялись.

27 См.: Journal..., N 3, 12 и др.

28 Journal..., N 10. Напомним, что эти слова сказаны Бабефом в разгар так называемого «термидорианского» периода его биографии (в первый дополнительный день II года, т. е. 17 сентября 1794 г.).

29 См.: Journal..., N 3.

30 См.: Ibid., N4.

31 Ibid., N5.

32 Ibid., N 10.

33 Ibid.

34 Отметим попутно, что необходимость действенного контроля за правительством — один из важнейших аргументов Бабефа и в его чрезвычайно активной борьбе за права секций и народных обществ. (Подробно мы здесь этот вопрос не рассматриваем, так как он хорошо освещен в исторической литературе.)

35 Сам Бабеф впоследствии очень удачно сформулировал суть их представлений о «народе», окрестив газеты своих «соратников» Тальена и Фрерона, называвшиеся «Друг граждан» и «Оратор народа», «Другом богатых граждан» и «Оратором чистой публики».

36 То же относится и ко взглядам Бабефа на свободу печати, на ее роль в жизни общества; они были свойственны ему (как и ряду других видных деятелей революции, идеи которых были ему известны) много ранее 1794 г.

37 Тюремное заключение Бабефа не может полностью объяснить этот факт: ведь он был на свободе, когда принимались основные мероприятия, оформившие новую организацию власти,

38 Не исключено, что отчасти с этим связаны и некоторые его заблуждения относительно отдельных личностей. Так, например, у Фрерона уже в первые дни после термидора в глазах многих честных республиканцев репутация, как тогда

говорили, «аристократа». Для Бабефа же, что можно проследить по первым номерам его газеты, Фрерон — человек из окружения Марата. Может быть, в какой-то степени и этим объясняется, что в поисках издателя он обратился к другу Фрерона Гюффруа (хотя главная причина, разумеется, в другом).

39 См.: Щеголев П.П. Заговор Бабефа. Л., 1927, с.64, 84. [Полный текст в нашей библиотеке: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/babeuf_shcheg.pdf](http://vive-liberta.narod.ru/biblio/babeuf_shcheg.pdf)

40 Правда, в 4-м номере его газеты можно найти неодобрительные слова о покушениях якобинцев на собственность. Но из контекста, так же как и из позднейших подобных выступлений, следует, по нашему мнению, что Бабеф имеет здесь в виду не частную собственность как институт, а покушения на личное имущество граждан.

41 Вспомним, что не только Бабеф считал Тальена и Фрерона своими соратниками, но и друг Фрерона, правый термидорианец Гюффруа захотел финансировать газету Бабефа.

43 Об этом клубе, собиравшемся в Электоральном зале Епископства, см.: Собоуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966, с.308, 333—334 и др. Хотя в этом же номере до некоторой степени сам себе противоречит: говоря о создании клуба, он употребляет выражение s'est recomposee.

44 Тот факт, что Электоральный клуб возник почти сразу после переворота 9 термидора, также, видимо, свидетельствует о том, что в него, хотя бы частично, вошли старые члены клуба.

45 См.: ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.1, д.441.

46 См. подробнее: Далин В.М. Грахх Бабеф накануне и во время Великой французской революции. М., 1963, с.536 и др.

47 См.: ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.1, д.441.

48 См.: Добролюбский К.П. Термидор: Очерки по истории классово-борьбы во Франции в 1794—1795 гг. Одесса, 1949, с.60. [Полный текст в нашей библиотеке: http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_react_dobr.htm#book](http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_react_dobr.htm#book)

49 ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.1, д.441.

50 Впоследствии, публикуя эту петицию целиком, Бабеф также назовет ее петицией, «представленной в Конвент 20 термидора» (см.: Journal..., N 13). Это ошибка. Петиция была представлена в Конвент 20 фрюктидора, что легко установить по «Монитеру». Journal..., N 3.

53 Ibid.

54 Будущего бабувистского агента одного из парижских округов.

55 Мы делаем этот вывод на основании того, что оба дошедших до нас письма Ведере, как это, так и хранящееся в бумагах Бабефа (см.: ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.1, д.450), посвящены горячей защите принципов Электорального клуба.

56 Journal..., N 8.

57 Как уже отмечалось, Бабеф еще раньше выражал сожаление, что ни одна газета не публикует отчетов о заседаниях Электорального клуба. См.: ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.1, д.441; Journal..., N 3.

58 См.: Journal..., N 13.

59 В первый дополнительный день II года, т.е. за четыре дня до выхода в свет «Газеты свободы печати» № 13 (с текстом петиции). См.: ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.1, д.288.

61 В этот день они пришли в Конвент, чтобы опровергнуть возводимые на них обвинения.

62 См.: Journal..., N 21.

63 Бабеф пишет о «тысячах завсегдатаев трибун». Думается, что это все же восторженное преувеличение.

64 Адрес действительно был поддержан не менее чем 12 секциями. См.: Добролюбский К.П. Указ.соч., с.63.

65 Journal..., N 22.

66 Слово «разгром», конечно, не следует понимать буквально. Целью этих людей было не разрушение помещения, а его переоборудование под госпиталь. Но вероятно, они получили инструкции действовать так, чтобы оно сразу же стало непригодным для проведения заседаний.

67 Напомним, что Адрес был принят Электоральным клубом 7 вандемьера вечером, два дня рассылался на утверждение секциям и был представлен в Конвент только 10 вандемьера. Впрочем, Конвент должен был раньше ознакомиться с его содержанием, поскольку по постановлению клуба он распространялся по Парижу в виде афиши.

68 Именно это обстоятельство и дало, как известно, повод страстному апологету Робеспьера А.Матьезу сблизать в данный период деятелей секционного движения с правыми термидорианцами. (см., напр., А.Матьез. Термидорианская реакция: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p76446733.htm>)

69 Journal..., N 22.

70 С этой точки зрения чрезвычайно характерным кажется нам следующий факт: будучи завсегдатаем заседаний Электорального клуба, членом его Бабеф все-таки не стал.

71 Слово faction имеет во французском языке двойной смысл: «партия, группировка» и «заговор». Бабеф играет этим двойным смыслом слова, несомненно говоря всюду о «партии», но в то же время подчеркивая, что ее сторонники — «очень странные заговорщики», которые открыто провозглашают свою программу и открыто подсчитывают свои силы.

72 См.: Bergmann K.-H. Babeuf. Gleich und Ungleich. Koln; Opiaden. 1965, s.174.

73 См.: Journal..., N 18.

74 Критикуя правотермидорианских депутатов за мероприятия, которые были выдержаны в истинно термидорианском духе, он зачастую упрекал их как раз в том, что они не придерживаются «духа термидора», как он понимал это слово, и продолжают ошибочную политику Робеспьера или недостаточно решительно борются с ее последствиями. (Примером могут служить его выступления по вопросу о декадных собраниях секций.)

75 Интересная деталь: в 21-м номере (от 10 вандемьера) Бабеф сообщает, что два его подписчика жалуются на то, что перестали получать его газету. Если это ошибка служащих почты, возмущенно заявляет Бабеф, то их надо наказать; если же это сделано намеренно, то, во-первых, пусть объяснят причины такого поступка, а во-вторых, пусть знают, что прошли времена, когда можно было безнаказанно затыкать рот писателям и скрывать от народа истину. 16 вандемьера с аналогичной жалобой обращается к Бабефу некто Дюфур, считающий, что это козни якобинцев (см.: ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.1, д.298). Конечно, не исключено, что эти факты могли быть действительно вызваны просто плохой работой почты; но вполне возможно также, что репутация Бабефа в глазах власти имущих уже сильно пошатнулась и это сказалось на отношении к его газете.

76 Т.е. с 10 вандемьера III года Республики (1 октября 1794 г.).

77 Этот факт впервые был отмечен А.Оларом (см.: Revolution francaise, t.82, janv.-dec. 1929).

78 Отметим еще один важный момент, быть может также выдающий начавшиеся сомнения Бабефа в намерениях его «союзников», в социальном смысле переворота. Каждому номеру своей газеты Бабеф предпосылал эпиграф. Для номеров с 1-го по 18-й он черпал эти эпиграфы из самых разных источников — от Плутарха до Вольтера, от Фрерона до видных деятелей робеспьеристского лагеря (в последнем случае он обычно старался показать, что их правильные слова расходятся с их делами, что высказанные ими истины убийственны для них самих). Но начиная с 19-го номера (т.е. уже с 8 вандемьера) и до эпохи Заговора каждый номер его газеты открывается одним и тем же эпиграфом (взятым из Декларации прав), ставшим, таким образом, как бы главным, определяющим лозунгом всей деятельности Бабефа: «Цель общества — всеобщее счастье». (Мы уже упоминали, что «всеобщее счастье» в понимании Бабефа означает «равенство на деле».)

79 Впервые Бабеф назвал себя Гракхом в черновой записи, относящейся еще к 1793 г.

80 См.: *Tribun du peuple*, N 23.

81 Т.е. в первую очередь все того же права секций собираться чаще, чем раз в декаду, и права народа выбирать должностных лиц.

82 Все биографы Бабефа обычно напрямую связывают разрыв Гюффруа с ним с его нападками на Фрерона. Не являясь ошибочным, такое утверждение все же упрощает ситуацию.

83 26-й номер «Трибуна народа» датирован 19 вандемьера, а 27-й, видимо, почти уже готовый к моменту разрыва и, несмотря на усилия Гюффруа, все-таки увидевший свет, — 22 вандемьера. Интервал несколько велик для газеты Бабефа, но это естественно: у Гюффруа он его опубликовать не смог и, добавив длинную инвективу против своего бывшего издателя, отправил этот номер в Электоральный клуб, который на своем заседании одобрил его и постановил опубликовать за свой счет. Этот номер полностью оправдывал худшие опасения Гюффруа: он был очень резок по отношению к Конвенту, содержал слегка подслащенные, но по существу чрезвычайно ядовитые нападки на Тальена и Фрерона, в высшей степени пессимистически оценивал существующее положение и самыми черными красками рисовал ужасающую народную нужду.

В письме Гюффруа, датированном 21 вандемьера, речь, разумеется, идет только о 26-м номере. Однако встает вопрос: не был ли Гюффруа в момент его написания знаком с содержанием и 27-го номера? На эту мысль наводят как содержащаяся в тексте письма дата (там говорится: сейчас, т.е. 21—22 вандемьера), так и некоторые моменты самого письма, которые выглядят как ответы скорее на гораздо более резкие выпады, содержащиеся в 27-м номере, чем на соответствующие места в 26-м. Этот вопрос интересен и в связи с предположением Матьеза, что Бабеф спровоцировал разрыв с Гюффруа, выступая за освобождение Легрэ: Гюффруа, будучи в это время членом Комитета общественной безопасности, должен был быть среди подписавших ордер на арест (см.: Матьез А. Термидорианская реакция. М.; Л., 1931, с.70). Это предположение, справедливо только в том случае, если Гюффруа был знаком с 27-м номером, в котором шла речь о Легрэ. Впрочем, все эти соображения, любопытные сами по себе, принципиального значения все же не имеют. Повторим еще раз: главной причиной разрыва были глубинные разногласия по важнейшим вопросам, а с этой точки зрения содержание не только 26-го, но и ряда предыдущих номеров вполне могло оправдать разрыв.

84 Отметим мимоходом, что эти обвинения он по вполне понятным причинам — все-таки он по доброй воле был издателем газеты Бабефа — сопровождает примерно такими же «реверансами», какими на первых порах сопровождает

Бабеф критику Фрерона: «Верю, что ты только заблуждаешься, но намерения твои чисты».

85 См.: Aulard A. Babeuf et son imprimeur Guffroy. — *La Revolution francaise*, t.82, jan.-dec., 1929.

86 Не забудем, что сам Гюффруа — депутат Конвента.

87 Мы не будем говорить здесь о постскриптуме, касающемся материальных претензий Гюффруа к Бабефу. Оба они обвиняли друг друга в недобросовестности. Сейчас трудно разобраться в обоснованности этих взаимных претензий. Бесспорно, однако, что в финансовом отношении Бабеф пострадал от разрыва несравненно больше, чем Гюффруа.

89 Это он высказывает по поводу осуждения Бабефом Адреса Конвента от 18 вандемьера, о котором речь пойдет ниже. Правых термидорианцев невероятно бесило, что почетное звание патриотов, несмотря на все их усилия, прочно укрепилось за якобинцами. Надо сказать, что следы этого раздражения встречаются на первых порах и на страницах газеты Бабефа.

90 Выше уже говорилось, что фиктивный «союз» между Бабефом и правыми термидорианцами облегался своеобразной «терминологической путаницей», тем, что в одни и те же слова вкладывался разный смысл. В этом отношении письмо Гюффруа тоже очень показательное в нем видно и это употребление одинаковых терминов, и тот разный смысл, который в них вкладывался. Так, например, Гюффруа говорит об «общественном счастье» (*bonheur public* достаточно близко к бабефовскому *bonheur commun*), но понимает под ним общественное спокойствие; обрушивается на «аристократов», но оказывается, что это — люди, ведущие агитацию в народных обществах; хвалит Фрерона за то, что он выполняет «волю народа», но волей народа считает... чистку народных обществ.

91 Он был даже исключен из Якобинского клуба за чрезмерный терроризм!

92 Мы не имеем возможности останавливаться здесь на этой характернейшей черте правых термидорианцев — отпущении всех «грехов прошлого» людям своего лагеря. В архиве Бабефа сохранилось читательское письмо (датированное 13 вандемьера II года), очень ярко это иллюстрирующее. См.: ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.2, Д.297.

ГЛАВА 2. НАЧАЛО ИЗМЕНЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ БАБЕФА

Разрыв Бабефа с Гюффруа (вернее, Гюффруа с Бабефом) был актом осознания обеими сторонами коренного несовпадения своих позиций, мнимого характера своего союза. Этот организационный разрыв оформлял реальное положение дел, существовавшее с самого начала. Но он не был отмечен никакими серьезными изменениями во взглядах Бабефа.

Однако если разрыв между Гюффруа и Бабефом не стал этапом в идейной эволюции Бабефа, он стал важным этапом в его биографии: Бабеф лишился возможности издавать свою газету, тем самым потеряв одновременно и средства к существованию, и способ широко пропагандировать свои идеи. Электоральный клуб, опубликовавший 27-й номер «Трибуна народа», не мог обеспечить регулярную публикацию газеты в будущем: на это у него не было средств. На поиски новых возможностей ушли два месяца. Относительно этих двух месяцев жизни Бабефа известно в общем не так уж много.

Какими же документами мы располагаем для периода между 22 вандемьера и 28 фримера III года (т.е. между выходом в свет 27-го и 28-го номеров «Трибуна народа»)? Это прежде всего несколько рукописных документов из архива Бабефа — наброски речей, обращения, письма и т.п. Их немного, но по крайней мере один из этих документов принципиально важен¹. Это также четыре написанные Бабефом брошюры: «Хотят спасти Каррье», «Битые платят штраф», «Путешествие якобинцев во все четыре части света» и «О системе уничтожения населения, или Жизнь и преступления Каррье». Последний памфлет, появившийся, вероятно, почти одновременно с 28-м номером «Трибуна народа» и по объему значительно превышающий три предшествующие брошюры, взятые вместе, имеет, по нашему мнению, первостепенное значение. Такова «печатная продукция» Бабефа за эти два с небольшим месяца. Но можем ли мы считать, что этим она и исчерпывалась?

Известно, что существовала (в рукописи) еще одна брошюра Бабефа, касающаяся событий 31 мая—2 июня и написанная в связи с возвращением жирондистских депутатов в Конвент. О ней упоминалось в Конвенте — текст ее до нас не дошел. Возможно, были и другие? В архивных материалах Бабефа есть письмо Ведере, сопровождаемое примечанием Бабефа, которое начинается словами: «В ожидании скорого возобновления моей газеты «Трибун народа» я буду публиковать наиболее, удачные отрывки из моей корреспонденции...»² К письму приложен листок, отражающий поиски Бабефом вариантов заглавия для брошюры, в виде которой он хотел издать это письмо³. Осуществил ли Бабеф свое намерение? И только ли к письму Ведере оно относилось? Бабеф пишет об «отрывках» во множественном числе. Наконец, хотя Бабеф дважды (в постскриптумах к своим брошюрам) заявил, что никогда не печатает своих произведений анонимно, мы не можем быть совершенно уверены в том, что он ничего не опубликовал под псевдонимом. Этот прием был широко распространен в то время, и сам Бабеф пользовался им как раньше, так и позднее.

Деятельность Бабефа в этот период была, возможно, гораздо активнее, чем нам представляется сегодня. Быть может, со временем счастливые находки помогут осветить и новой стороны этот малоизученный период в жизни Бабефа⁴. Пока же постараемся как можно полнее использовать то немногое, что уже сейчас находится в нашем распоряжении.

Рассказывать о жизни и деятельности Бабефа сразу после разрыва с Гюффруа — значит говорить прежде всего о его реакции на Адрес Конвента от 18 вандемьера III года⁵. Этот Адрес явился ответом Конвента на события 10—11 вандемьера, когда ряд секций высказался в поддержку требований Электорального клуба и секции Музея, и представляет собой в определенном роде классический документ: быть может, нигде лицо термидора, его социальный и политический смысл не проступили так ясно, как в этом Адресе. Адрес резко обрушивается на тех, кто требует восстановления отнятых у народа прав, объявляя, что целью таких людей может являться только захват власти, и подчеркивая, что Конвент будет бороться с ними самым решительным образом; в нем в

косвенной форме, но достаточно категорически заявляется, что ни о каком праве народа на избрание должностных лиц не может быть и речи; наконец, народу рекомендуются в качестве основных республиканских добродетелей трудолюбие, скромность и слепое доверие к Конвенту по образцу того повиновения, которое оказывают Конвенту и своим командирам «наши братья в армиях». Через весь документ проходит мысль, уже знакомая нам по письму Гюффруа к Бабефу: время силы прошло, наступило время спокойствия и мудрости, а эти добродетели воплощены в Конвенте; корабль революции прибыл наконец в спокойную гавань — горе тем, кто снова попытается вывести его в бурные воды.

На том же заседании Конвента Бурдон из Уазы резко напал на Электоральный клуб, где обсуждались такие «ужасные» вещи, как возмущение роспуска Конвента и переизбрания его состава (более страшного преступления в глазах депутатов, конечно, существовать не могли). Он требовал самых решительных мер против клуба. На следующий день Электоральный клуб попытался протестовать против этих нападок, в результате чего 20 или 21 вандемьера его председатель Легрэ был арестован.

Нетрудно себе представить, какое впечатление должны были произвести эти события на Бабефа. Значительную часть 27-го номера «Трибуна народа» он посвящает защите Легрэ и Электорального клуба. Даже его филиппика против Фрерона во многом основана на том, что Фрерон не вступился за Легрэ. Бабеф посетил родственников Марата и опубликовал в своей газете обращенное к Фрерону письмо сестры Друга народа Альбертины с просьбой выступить в защиту Легрэ. (Матьез считает, что письмо составил сам Бабеф и лишь дал Альбертине Марат подписать его. Это очень похоже на правду.) Бабеф заявил, что для Фрерона это последний шанс показать, на чьей он стороне, — с народом он или против него. Адрес Конвента Бабеф называет «народоубийственным» (naticide), уничтожающим суверенитет народа и сосредоточивающим всю власть в руках сената.

Несколько позднее Бабеф напишет специальную пространную работу, посвященную резкому критическому разбору этого документа. Интересно отметить, что эту работу он напишет также в форме адреса, но обращенного ко всему французскому народу (а не к Конвенту). Но сейчас мы не будем касаться этого сочинения Бабефа, оставшегося в рукописи. Нас пока интересует лишь его явная, гласная деятельность, ибо она привела к событию, в еще большей степени, чем ссора с Гюффруа, знаменовавшему его окончательный и полный разрыв с правыми термидорианцами: Комитет общественной безопасности вынес постановление об аресте Бабефа.

Впервые это решение было принято 22 вандемьера, т.е. одновременно с выходом в свет 27-го номера «Трибуна народа». Однако Бабефу удалось скрыться, а 26 вандемьера Комитет отменил свое решение. Но уже 3 брюмера, т.е. всего через неделю, он снова декретирует арест Бабефа.

Причиной этого вторичного решения об аресте, как сообщил Мерлен из Тионвилля на заседании Конвента 5 брюмера, была «подстрекательская» речь Бабефа в Электоральном клубе, которую клуб постановил напечатать⁶. Свидетельством той ярости, в которую привели термидорианцев нападки Бабефа, служит письмо депутата Калона от 2 брюмера III года (23 октября 1794 г.) к Мерлену из Тионвилля по поводу деятельности Электорального клуба⁷. Правда, в этом письме Бабеф по имени не назван, но в свете появившегося на следующий день постановления об его аресте трудно сомневаться, кто тот «ужасный человек», державший в Электоральном клубе речь против Конвента, о котором говорится в письме. Калон посылает Мерлену газету, изложившую эту речь, и призывает его, как члена Комитета общественной безопасности (в случае, если речь изложена правильно), принять меры против его автора⁸.

Есть в истории с постановлением об аресте Бабефа еще одна интересная и невыясненная деталь. Вторичное постановление было издано 3 брюмера (24 октября 1794 г.). Тем не менее в конце первой декады брюмера Бабеф был на свободе⁹. Большинство историков сходятся на том, что, арестованный 3 или 4 брюмера, Бабеф был выпущен на свободу через несколько дней. В.М.Далин первым усомнился в том, был ли Бабеф вообще арестован. Эти сомнения разделяет Р.Легран, и для них есть определенные документальные основания, которые мы не будем здесь разбирать¹⁰. Видимо, Бабефу все же удалось, как и в первый раз, ускользнуть от ареста, хотя бы кратковременного.

Но был Бабеф арестован или нет, постановление об аресте и несомненные преследования, которым он подвергся, означали, что между ним и теми, кого он еще недавно искренне считал своими единомышленниками, не просто произошел разрыв, а началась открытая война. Это заставило его почувствовать себя еще более тесно связанным со своими подлинными единомышленниками — членами Электорального клуба. Именно на них возлагал он теперь все свои надежды. В самом деле, подавляющее большинство документов Бабефа, относящихся к первым неделям после его разрыва с правыми термидорианцами, так или иначе связаны с Электоральным клубом. Это или проекты речей, с которыми он собирался там выступить, или проекты петиций, с которыми, по его мнению, клубу следовало обратиться к Конвенту, и т.п. Мы не будем подробно останавливаться на этих документах: основные их идеи уже знакомы нам по предшествующим номерам газеты Бабефа. Но это вовсе не значит, что документы эти лишены самостоятельного интереса: в них Бабеф уточняет и детализирует свои требования, развивает дополнительную аргументацию и, наконец, вводит ряд новых, довольно любопытных моментов.

В первую очередь это относится к рукописи, озаглавленной «Проект петиции парижского народа»¹¹. Суть ее — уже известное нам требование вернуть народу Парижа право выбирать своих должностных лиц, а также вернуть секциям право собираться два раза в декаду. Вся вводная часть, где перечисляются заслуги народа Парижа перед революцией, прямо перекликается с 21-м номером газеты Бабефа. Однако есть и нечто

новое. Прежде всего в данном документе впервые за эти месяцы настойчиво звучит протест против народной нужды. Мотив этот повторяется в небольшом документе дважды; более того, в «заключительных требованиях», своеобразных выводах из документа, Бабеф к требованию уничтожить власть аристократов и тиранов и восстановить упомянутые права народа Парижа присоединяет требование наказать членов продовольственной комиссии.

Этот факт, конечно, не столько отражает стимулированное разрывом «прозрение» относительно социальной сущности нового режима, сколько порожден реальными суровыми обстоятельствами: осень в разгаре, зима не за горами, а предметов первой необходимости остро не хватает. Но несомненно, что именно эти суровые обстоятельства более всего способствовали тому, что у Бабефа вскоре окончательно и полностью открылись глаза на то, какой строй утвердился во Франции после переворота 9 термидора. В «Проекте петиции» он уже делает определенный шаг к этому. Петиция отличается энергичным тоном, в аргументации, как уже говорилось, есть несколько новых моментов, из которых отметим лишь один: угнетение дошло до такой степени, что народу не оставлено даже право петиций, поскольку петиционеров либо оскорбляют в Конвенте, либо арестовывают. Это — прямое напоминание о судьбе петиционеров Электорального клуба.

Р.Легран недавно нашел интересный адрес «Народу Парижа и всей Республики», составленный Бабефом от имени Электорального клуба, заседающего ныне в помещении секции Музея. Этот пространственный документ посвящен главным образом критике составленного Камбасерсом Адреса Конвента от 18 вандемьера путем его сопоставления с Декларацией прав. Основная идея Бабефа сводится к тому, что в Адресе от 18 вандемьера отразилось стремление Конвента сосредоточить в своих руках власть в стране и свести роль народа к пассивному подчинению. Поэтому Конвент стремится подавить всякое инакомыслие и присвоить себе монополию на формирование общественного мнения — эту сторону вопроса Бабеф особенно подчеркивает. Любопытно, что среди недостойных приемов, к которым прибегает Конвент, Бабеф отмечает манипуляцию общественным мнением: Конвент разными способами добивается поступления в его адрес от народных обществ петиций, одобряющих его деятельность, а затем выдает эти «выпрошенные» петиции за подлинный «глас народа»¹². В целом же составленный Бабефом документ выдержан в русле уже знакомых нам идей: это — резкая «антивершинная» пропаганда, нападки на революционное правительство, критика поведения Конвента по отношению к петиционерам народных обществ, страстная защита прав народа¹³.

Таким образом, документы Бабефа, относящиеся к периоду непосредственно после его разрыва с Гюффруа, показывают, что в основном его взгляды в это время не меняются; в то же время начавшийся задолго до разрыва процесс разочарования в деятельности термидорианского Конвента продолжается. Это растущее разочарование наряду со все большим сближением с крайне левыми, с Электоральным

клубом, порождает при неизменности программы определенные сдвиги в тактике. Отражением таких сдвигов явился интереснейший документ, озаглавленный «Мнение гражданина с трибун бывшего Электорального клуба о необходимости и способах организовать подлинно народное общество»¹⁴.

Отмечая вначале, что в моменты, когда свобода находится в опасности (как, впрочем, и любые другие), народу надо говорить всю правду без утайки, Бабеф во исполнение этого заявления приступает к рассмотрению нынешнего положения Электорального клуба. Прежде всего он воздает должное его большим заслугам: с самого момента своего возникновения сразу после 9 термидора клуб выступал в защиту принципов, в защиту священных прав народа. За это мужественное и достойное поведение он неоднократно испытывал тяжкие удары. Честь и хвала членам клуба за то, что преследования и аресты не заставили их свернуть с правильного пути!

Но, с другой стороны, нельзя закрывать глаза и на горькую истину: эти преследования заметно ослабили клуб. И далее Бабеф сообщает факты, неоценимые с точки зрения их документального значения: это — одно из редких свидетельств очевидца о положении тех народных обществ, которые термидорианцы не сумели к тому времени «прибрать к рукам».

«Будем откровенны, — пишет Бабеф. — Граждане, что вы представляете собою в настоящее время и какими силами вы обладаете? Ваше общество насчитывает 400 членов. Где они?.. Вы собираетесь здесь обычно в количестве 30—40 человек. Что можете вы сделать для Народа?»¹⁵ Это не значит, конечно, что члены клуба, переставшие ходить на его заседания, отказались от его принципов. Но пример тех, кто пострадал от преследований, заставляет отцов семейств соблюдать осторожность. В клубе осталась маленькая горстка неустрашимых борцов. Но действительно ли они так неустрашимы, как прежде? Боязнь преследований явно сказалась и на них, они уже опасаются высказываться со всей решительностью. И если потребуются вновь принять какой-либо энергично составленный адрес, то его осмелятся подписать, вероятно, не более 10—12 человек. А это, естественно, повлечет за собой обвинение, что выраженные в нем пожелания отражают стремления лишь «кучки заговорщиков и подстрекателей».

Выход из этого прискорбного положения Бабеф видит в реорганизации Электорального общества. В обоснование этой мысли Бабеф развивает свою любимую идею о необходимости постоянного народного контроля за правительством через народные общества. Осуществлять этот контроль не только право, но и долг каждого гражданина, такой же, как служба в национальной гвардии. Как же случилась, что к исполнению этого долга, к участию в народных обществах допускают не всех? Объясняется это, по мнению Бабефа, тем, что народные общества возникли на первом этапе революции, когда сохранялось много устаревших форм и идей. Они и сказались на организации народных обществ, прием в которые связан с «тысяча и одной формальностью» и обусловлен непрременным денежным взносом.

На это последнее требование постоянный защитник бедняков Бабеф ополчается с особой яростью. Ведь это снова деление на пассивных и активных граждан: те, кто платит, могут публично обсуждать дела, касающиеся интересов отечества, а кто не в состоянии платить, тот должен молчать. «Что означает также эта аристократия богатств, это разграничение между «народом, который платит» и «народом, который не платит»? Разве деньги все еще дают исключительные права и преимущества?.. Как! Я покупаю право высказываться «за» или «против» такого-то общественного мероприятия, а мои бедняки-соседи могут быть только моими слушателями! И я покупаю даже право говорить против их интересов, а они не могут мне ответить!»¹⁶

Подобные принципы организации народных обществ Бабеф клеймит как порочные. Но и все другие ограничения в приеме антиконституционны, ибо в конституции записано, что все французы имеют право объединяться в народные общества. Электоральный клуб отменил многие из таких ограничений — и результаты налицо: он собрал аудиторию, состоящую из истинных республиканцев. Но ему следует пойти по этому пути до конца, стать подлинно народным обществом. Что же значит организовать подлинно народное общество? «Я называю подлинно народным обществом такое общество, членом которого человек может считать себя с той минуты, как он присутствует на собрании; общество, в которое каждый человек может принести свои знания или прийти со своими заботами... в котором никакое требование, никакая мысль, имеющая общественный интерес, не будут отвергнуты, ничей голос не будет подавлен. Я называю подлинно народным такое общество, где люди, не имеющие денег, отнюдь не будут стоять ниже тех, у кого деньги есть ...общество, в котором все разграничения будут уничтожены и все вместе мы будем пользоваться общей привилегией интересоваться только опасением родины и свободы...»¹⁷ Именно тогда клуб будет представлять собой силу, которую не смогут остановить никакие препятствия и преследования. Именно тогда его петиции станут подлинным отражением нужд и чаяний народа. Эти петиции будут покрыты тысячами подписей, и никто уже не посмеет сказать, что они — дело рук кучки интриганов. Ответственность за эти петиции уже не сможет быть возложена на нескольких человек. С другой стороны, эти тысячи подписей придадут петициям несомненный вес в глазах власти имущих.

Организованный таким образом клуб перестанет наконец быть ареной краснобаев. В нем народ со свойственной ему простотой и безыскусственностью будет обсуждать свои насущные нужды. «Часто два слова, сказанные народом, могут выразить больше, чем самая великолепная речь. Пусть народ скажет: свободы; хлеба и хорошего хлеба; все предметы первой необходимости, в изобилии и хорошего качества; что еще надо, чтобы его услышали?»¹⁸ А потому пусть клуб поощряет людей робких, непривычных к выступлениям высказываться в его заседаниях. Они будут говорить нескладно, но, может быть, именно из их уст члены клуба услышат самые ценные предложения. Не следует также затыкать рот (как это было сделано на одном из последних заседаний) и

женщинам: этот «угнетенный пол», который иногда «стоит нашего как по глубине суждений, так и по мужеству», «никогда не был бесполезен во время революций»¹⁹.

«Граждане, подведем итоги. Я предлагаю, чтобы здесь, было принято постановление об организации народного общества, которое не может носить другого названия, кроме Клуба народа; куда действительно будет допущен народ, без различий, без формальностей, без подробных расспросов, без «дипломов» и «патентов», без денег, без ораторских талантов; где не будут интересоваться, что собой представляет тот или иной человек, лишь бы он говорил разумно, справедливо, в согласии принципами и предлагал правильные вещи. Граждане бывшие члены общества, смешайтесь с народом, станьте сами народом...»²⁰

Бабеф предвидит, что такая организация общества может представлять определенные трудности и вызвать некоторые возражения. Главное из этих возражений состоит в том, что новое общество легко может стать добычей интриганов. Но такое мнение, считает Бабеф, несправедливо. Оно основано на глубоком неверии в народ, в котором порядочные люди всегда одержат верх над интриганами.

Гораздо более серьезны организационные трудности. Так как подобные принципы организации привлекут огромное число людей, то где же им собираться? И кто будет нести необходимые расходы (такие, например, как плата за помещение), если большинство собравшихся — бедняки? Все это решается очень просто. Есть много пустующих театров, где можно снять помещение под собрания. Что касается расходов, то каждого присутствующего просят, если он в состоянии, внести 1 су. При этом не создается никакой постоянной кассы: из собранных денег уплачивается за помещение, свет и т.п., а излишек тут же расходуется на нужды благотворительности. Не нужна не только постоянная касса, но и все другие формальности: протоколы, архивы, наличие председателя и секретарей. Временного председателя можно избирать на каждом заседании, а секретарей можно назначать только в тех случаях, когда потребуются составить петицию. Кроме петиций, никакая другая «писанина» не нужна.

Наконец, последней трудностью является закон, по которому каждое общество должно представить список своих членов. Но правительство, наложив печати на бумаги клуба, уже завладело списком старых членов, а допущение к участию в заседании всех, кто того пожелает, — вопрос внутреннего распорядка клуба и никого не касается. Таким образом, ничто не может помешать Электоральному клубу «слиться с народом».

«Быть может, судьба свободы зависит только от силы народа и от его единства! У народа есть нужды, и он испытывает угнетение; для выхода из этого положения надо, чтобы он сплотился. Если он не будет представлять собой силу, он никогда не сможет заставить выслушать свои требования, а тем более добиться, чтобы с ними считались. Сейчас его уста запечатаны, и это прекратится только тогда, когда народ не будет более разрознен, когда он окажется объединенным в каком-то мощном центре (centre de force), где он сможет изливать свои истинные чувства, ничего не боясь»²¹.

В заключение Бабеф предлагает членам Электорального клуба совместно с «гражданами с трибун» проголосовать за постановление, резюмирующее все изложенное выше. Последний, 8-й пункт этого постановления содержит предложение распространить по Парижу афишу, в которой народ будет извещаться об учреждении нового общества и принципах его организации.

Мы не случайно так подробно изложили содержание этого большого документа: в нем ярко отразился своеобразный переходный момент в тактике Бабефа. Ее принципиальные основы остаются неизменными: это все та же глубочайшая вера в народ, в его прямое и непосредственное действие, как и в то, что в нем «masse peue» всегда возьмет верх над «masse des intrigants». Но при этом нельзя не заметить и определенных сдвигов — опыт первых трех месяцев термидорианского правления не пропадал даром. Растущее разочарование в деятельности термидорианского Конвента, которое можно проследить уже по газете Бабефа, переходит теперь как бы на иную ступень. (Немалую роль, видимо, сыграли в этом события 18 вандемьера, ясно показавшие, чего могут ждать от Конвента народ вообще и народные общества в частности). Идея «партии защитников прав человека», содержащая представление об определенном давлении на Конвент, основана все-таки на доверии к намерениям большинства его депутатов. Теперь Бабеф несколько иначе оценивает и эти намерения, и реальное соотношение сил. Конвент единогласно принял антинародный адрес. Следовательно, давление на него должно быть более сильным, чем казалось вначале. В то же время жизнь показала, что народу высказывать свои подлинные требования совсем непросто. Идея «партии прав человека» оказалась, таким образом, нежизненной, чересчур расплывчатой и аморфной. Чтобы сплотиться, народу нужен «centre de force», народное общество совершенно нового типа, которое могло бы, с одной стороны, стать центром объединения и собрать подлинные голова народа, а с другой — защитить своих членов от возможных преследований.

Это стремление защитить членов клуба, тесно связанное с разочарованием в «добрых намерениях» большинства депутатов Конвента, ясно проступает в тексте. Бабеф по сути дела учит электоральцев, как им обойти закон о народных обществах, что отвечать, если их обвинят в его нарушении. Эта же мысль, как нам кажется, проскальзывает и в его предложении отказаться от всякой «писанины». Конечно, это связано со свойственным ему презрением к разного рода «формальностям», «пустым побрякушкам». Но нельзя не заметить и другое: общество, сильное своей огромной численностью, но не имеющее постоянного руководства, списка членов, протоколов заседаний и даже определенного места собраний («где они соберутся, там и будет Клуб народа»), должно быть действительно очень трудноуловимым. В то же время игнорировать его, по мнению Бабефа, будет невозможно.

Как видим, прежней идее о неопределенно широком общественном движении, демонстрирующем Конвенту (в некотором смысле с его согласия) волю народа и тем оказывающем на него некоторое, сугубо моральное давление, пришло на смену представление о необходимости

общества, в какой-то мере противостоящего Конвенту, ловко избегающего неизбежных преследований с его стороны и одновременно оказывающего на него реальное давление, мобилизуя вокруг себя широкие народные массы, отражая их чаяния и тем самым представляя собой несомненную силу. Необходимо отметить еще одну важную черту этого документа. Каким образом намеревался Бабеф добиться массовости нового общества, как считал возможным преодолеть ту народную пассивность, которую смутно ощущал и на которую жаловался в последних номерах своей газеты? Ответ на это однозначен: привлекая в общество беднейшие слои населения, те, для которых даже очень умеренный членский взнос в народное общество (по свидетельству знатока этого вопроса А.Собуля) был затруднителен; поднимая к сознательной политической жизни тех, кто до сих пор лишь пассивно участвовал в революции либо принимал в ней хотя и активное, но стихийное участие. Электоральный клуб должен теперь стать ареной для высказывания тех «робких» людей, которые не умеют говорить публично, но чьи корявые речи как нельзя лучше выражают самые насущные интересы народа.

Предполагая, что намеченные им мероприятия обеспечат массовый приток членов в новое общество, Бабеф пребывал, конечно, во власти двойной иллюзии. Прежде всего он несомненно переоценивал революционные потенции народа, не понимая по-настоящему причин того спада его активности, который складывался из многих факторов, но в принципе определялся тем, что пик революции был уже пройден. С другой стороны, при всем своем разочаровании в деятелях термидора Бабеф явно недооценивал враждебность Конвента, который безусловно не потерпел бы такого «соперничающего с ним», «контролирующего его» общества.

Однако сам Бабеф был твердо убежден в полной реальности и немедленной осуществимости своего плана²². Он до такой степени не сомневался в скором создании подобного клуба, что по крайней мере два из упомянутых выше документов Бабефа (петиция Конвенту и Адрес) составлялись им, видимо, параллельно с «Мнением гражданина с трибун...» и, как явствует из их заглавия и отдельных мест текста, задумывались уже как документы нового общества.

Разумеется, любая попытка создать такое общество была в тех условиях обречена на провал. Но была ли она вообще сделана? Удалось ли Бабефу убедить членов Электорального клуба провозгласить (пусть и неудачно) создание Клуба народа? Думаем, что на этот вопрос следует ответить отрицательно. Не сохранилось ни малейших следов афиши, в которой сообщалось бы о создании такого клуба. Ни одна газета, насколько нам известно, никак не откликнулась на это событие, хотя наиболее яркие факты, связанные с Электоральным клубом, все же получали какое-то отражение (обычно враждебное) на страницах печати. Остается предположить, что, выступив 12 брюмера на заседании Электорального клуба со своим «Мнением»²³, Бабеф не встретил поддержки у более реалистически (и пессимистически) настроенных электоральцев. Попытка создать Клуб народа провалилась с первого же шага. Именно этим, по-видимому, объясняется, что оба упомянутых

документа остались неопубликованными. Тем не менее идея создания народного «centre de force» чрезвычайно любопытна. Тот факт, что она означала определенный сдвиг в тактике Бабефа, мы уже отмечали. Несомненно также, что ее неудача должна была неизбежно привести Бабефа к поискам других методов и средств борьбы. Но мы хотим отметить также еще одну ее особенность.

Ядром этой идеи является мысль о допуске «граждан с трибун» к работе клуба. Но с подобной мыслью мы уже встречались: именно таким способом была принята петиция Электорального клуба от 7 вандемьера²⁴. Естественно возникает вопрос: может быть, эта идея зародилась у Бабефа уже тогда и именно его влиянием объясняется принятие петиции совместно членами клуба и «гражданами с трибун»?

Определенное влияние Бабефа на членов Электорального клуба не вызывает сомнений: некоторые места обеих петиций клуба буквально повторяют слова Бабефа²⁵. Но, разумеется, было бы неверно представлять себе дело так, будто это влияние шло только в одном направлении — от Бабефа к Электоральному клубу. Клуб тоже должен был влиять на Бабефа. И в данном случае именно так, по всей вероятности, и было. В самом деле, хотя процесс разочарования в правотермидорианских депутатах идет очень быстро, ничто не творит о том, что к 7 вандемьера у Бабефа сложилась идея создания Клуба народа, — он еще пропагандирует «партию прав человека». Косвенные данные заставляют предположить, что он не присутствовал на заседании 7 вандемьера, когда была принята петиция. Более того, это как раз та самая петиция, со значительной частью которой Бабеф выразил несогласие²⁶.

Одной из самых сильных сторон личности Бабефа было его умение извлекать уроки из опыта революции, учиться у народа. Думаем, это имело место и в данном случае. На заседании Электорального клуба, может быть случайно, произошло нечто интересное: члены клуба и «граждане с трибун» вместе обсудили и приняли петицию к Конвенту. Возможно, этот факт остался бы незамеченным. Но Бабеф обратил на него внимание, запомнил его, обдумал. Это событие дало толчок его мысли, лихорадочно работавшей в это время над проблемами тактики, над поисками выхода из создавшегося положения, особенно после того, как это положение резко обострилось. В результате примерно через месяц это случайное событие, творчески осмысленное, ложится в основу идеи «общества нового типа», — идеи, оказавшейся нежизнеспособной, но яркой, характерной и очень интересной как переходный этап в тактике Бабефа.

* * *

Вопрос о том, когда начались сдвиги уже не только в тактике, но и в политических взглядах Бабефа, связан с историей написания его брошюр. Но прежде чем излагать их содержание, скажем несколько слов об их датировке, ограничившись пока рассмотрением первых трех брошюр, ибо четвертая — огромный памфлет «О системе уничтожения населения», вышедший значительно позже остальных, заслуживает отдельного рассмотрения.

В то время, когда брошюры и афиши выходили десятками, они, как правило, являлись немедленным откликом на только что происшедшие события — новое постановление Конвента, интересную речь депутата, заседание Якобинского клуба и т.п. Через две-три недели такую брошюру или афишу никто не стал бы читать: эпоха была бурная, и новый декрет или новая речь становились в центр внимания, затмевая вчерашние новости и вызывая к жизни новый поток отзывов в печати. К этому надо добавить, что все три брошюры Бабефа невелики по объему: ни одна в общей сложности не превышает размеров номера его газеты²⁷, т.е. того количества материала, которое он в свое время писал за один день, а иногда и за полдня. Учитывая оба эти обстоятельства, мы можем предположить, что брошюры эти появлялись не раньше чем через два-три дня и не позднее чем через неделю после вызвавших их событий. Таким образом, мы приблизительно датировем брошюру «Хотят спасти Каррье» серединой брюмера, «Битые платят штраф» — второй половиной (или концом) брюмера и «Путешествие якобинцев во все четыре части света», с несколько большей долей неопределенности, чем первые две, — началом фримера.

Прежде чем перейти к рассмотрению брошюры «Хотят спасти Каррье», скажем несколько слов об обстоятельствах, вызвавших ее к жизни. Это тем более необходимо, что чуть позже те же самые обстоятельства породили памфлет «О системе уничтожения населения».

22 фрюктидора II года в Париже начался судебный процесс над нантскими федералистами. Они были арестованы еще в нивозе, и тогда участь их казалась predetermined. Однако обвиняемым повезло — их судили уже после термидора, в самый разгар той антитеррористской газетной кампании, о которой шла речь в первой главе. Общественное мнение было настроено чрезвычайно благоприятно по отношению к обвиняемым: в них видели невинных жертв террора. Этому способствовало то действительно потрясающее обстоятельство, что из 132 арестованных перед судом предстали лишь 94 человека, остальные погибли в тюрьмах за недолгие месяцы заключения. В такой обстановке трибунал не стал слишком углубляться в вопрос о степени их виновности — все подсудимые были оправданы по недавно введенному в революционное законодательство пункту о «чистоте намерений». Сами они также учли и использовали обстановку и не столько оправдывались, сколько нападали; процесс превратился в сплошной обвинительный акт против нантского революционного комитета.

В прессе была развернута яростная кампания за арест членов комитета. Вскоре они действительно были арестованы, привезены в Париж и 22 вандемьера III года преданы суду. Обвиняемые в злостном превышении своих полномочий, в совершении массовых и излишних жестокостей, чувствуя, что общественное мнение настроено против них, они в этой раскаленной атмосфере ненависти к «террористам» требуют привлечения к процессу бывшего делегата Конвента в Нанте Каррье, утверждая, что лишь выполняли его приказы. Однако привлечь Каррье к судебной ответственности было не так-то просто: как депутат Конвента, он пользовался правом неприкосновенности (восстановленным после 9

термидора). Вокруг этого вопроса развернулась сложная и острая борьба и в самом Конvente, и вне его²⁸. Отражением этой борьбы и явилась брошюра Бабефа «Хотят спасти Каррье»²⁹. Непосредственным поводом к ее написанию послужил следующий факт. Пока вопрос о предании Каррье суду не был решен, специальному полицейскому чиновнику было поручено наблюдать за ним, чтобы воспрепятствовать любым его попыткам покинуть Париж. Потому ли, что этот человек принадлежал к стану многочисленных врагов Каррье, потому ли, что он плохо сориентировался в обстановке, или просто из чрезмерного служебного рвения, но без особого повода со стороны Каррье он его арестовал, причем действовал довольно грубо. Комитет общественной безопасности, усмотрев в этом не только акт произвола, но и неуважение к Конventу, проявившееся в оскорбительном обращении с одним из его членов, приказал освободить Каррье и арестовать не в меру ретивого полицейского чиновника. На заседании 12 брюмера решение Комитета было горячо одобрено Конventом, Вот эти-то факты и вызвали негодование антитеррориста Бабефа.

На страницах своей брошюры Бабеф не просто оправдывает полицейского чиновника (он считает, что полицейский не виноват, ибо получил слишком расплывчатые инструкции), его возмущает в принципе сама постановка вопроса. О каком уважении, о какой почтительности может идти речь по отношению к «бичу человечества»? Для Конвента унизителен самый факт» что подобный человек является его депутатом, а вовсе не то, что с ним недостаточно вежливо обошлись! Могут сказать, что Каррье еще не осужден по закону. Неважно! Его осудило общественное мнение, и этого достаточно. Поведение депутатов Конвента — несомненный признак сговора с целью спасти Каррье от заслуженного наказания.

Бабеф считает, что еще более явный признак подобного заговора — нападки одного из лидеров «Вершины» — депутата Дюзма на революционный трибунал, который расследует дело нантского революционного комитета. Пусть же народ будет бдителен! Пусть не даст спасти Каррье! Пусть не позволит таким, как Дюзм, обмануть себя лживыми заверениями, что действия Каррье и ему подобных помогли спасти Республику! Нет, сведущие и разумные люди заверяют, что Вандею легко было успокоить с помощью мирных средств. Каррье же утопил ее в крови. И далее на трех, страницах идет гневное перечисление жестоких актов, о которых говорили свидетели на процессе нантского революционного комитета, — перечисление, в котором жестокая правда смешана с ужасной ложью, но в котором Бабеф явно все берет на веру. Вот так эти люди спасали родину? — восклицает он. — Быть может, мы еще должны быть им благодарны? Нет, подобный «канибализм» не должен остаться безнаказанным. И Бабеф заканчивает брошюру выражением горячей надежды, что Каррье вскоре взойдет на эшафот, несмотря на все усилия Дюзма и его «банды». Он сожалеет только, что у Каррье одна голова, а не тысяча, ибо его беспримерная жестокость заслуживает тысячекратной казни

Нет никакого сомнения, что Бабефа глубоко потрясли чудовищные факты, вскрывшиеся во время суда. Бабеф был неодинок. Общественное мнение, как отмечалось, было чрезвычайно возбуждено против «террористов». Правые термидорианцы сочли обстановку подходящей для того, чтобы нанести своим противникам решительный удар — закрыть Якобинский клуб. Науськанные ими толпы мяскаденов дважды (19 и 21 брюмера) врывались на его заседания, избивая и разгоняя членов клуба. Это дало желанный повод 22 брюмера официальным декретом «временно» прекратить заседания клуба (им никогда не суждено было возобновиться).

Эти события легли в основу второй, чрезвычайно любопытной, брошюры Бабефа — «Битые платят штраф»³⁰, вышедшей — и это важно подчеркнуть — никак не позднее чем через две недели после первой. Брошюра распадается на две неравные части. В первой, более крупной по объему, Бабеф с издевкой, с многочисленными (даже чересчур многочисленными и оттого тяжеловесными) ироническими комментариями описывает историю двух последних заседаний клуба и его разгона. Он напоминает о многих «грехах» якобинцев со времен Робеспьера, подчеркивает, что клуб по-прежнему пользуется большим влиянием среди афилированных обществ, что он всегда оставался очагом заговоров и недовольства и представляет постоянную опасность восстановления прежнего режима. Конвент прав, тысячекратно прав, закрыв это общество, ибо благо народа — высший закон, и ради него можно пойти даже на нарушение принципов. Все эти высказывания не могут удивить читателей Бабефа: они полностью выдержаны в духе его недавних нападок на Якобинский клуб. Однако здесь незаметно начинается вторая часть брошюры.

Да, Конвент, конечно, хорошо сделал, закрыв Якобинский клуб. «Но что мне не нравится, так это тот факт, что Национальный конвент, что депутаты великого народа прибегают ради подобной меры к способам лицемерным, полуподпольным, малодушным. Почему сенат не совершил все это с величием, достоинством, силой? Можно ли сомневаться в том, кто подготовил и провел роспуск якобинцев? Но почему при этом надо было иметь вид интриганов, которые своими темными и, я бы сказал, почти предательскими методами облагораживают поражение своих противников... Мне не нравится также, что для того, чтобы незаметно приучить к ударам, наносимым народным обществам, начали с угнетения Электорального общества, которое, защищая только права народа, диаметрально противоположно обществу якобинцев, ни разу со времен 9 термидора не сказавшему ни слова об этих правах»³¹.

Во всяком случае, разгромив парижских якобинцев, Конвент выполнил только часть работы. «Он должен отсечь спасительным ножом все их ответвления и вновь утвердить народные общества на их подлинной основе»³². Бабеф вспоминает о полемике, развернувшейся летом 1792 г. между Лафайетом и Робеспьером по поводу Якобинского клуба: Лафайету существование и деятельность клуба казались опасными, а Робеспьер защищал клуб и в его лице народные общества вообще. В то время Робеспьер был совершенно прав. Но с тех пор он

сумел с помощью ловких маневров превратить клуб в самое мощное орудие своей власти. Более того, организация общества такова, что, найдись у Робеспьера Достаточно энергичный подражатель, — и история может повториться. А при том количестве последователей, Которое он оставил, такой подражатель вполне может найтись. Вот почему, пишет Бабеф, «я с беспокойством огромную толпу этих последователей, рассеянную по всем дочерним обществам, по всем революционным комитетам, по всем агентствам и учреждениям администрации; я с тревогой смотрю на всех этих сторонников его злобных принципов (de son furorisme), которые проявили себя в качестве таковых, подписывая обращения к центральному обществу в пользу сохранения террора. Вот почему я высказал мнение, что было бы полезно отсечь спасительным ножом все ответвления этого последнего (т.е. центрального общества. — Г.Ч.). Это вовсе не значит, что надо уничтожить народные общества, напротив, их надо усовершенствовать, вновь утвердить на их естественных основах, изложенных в декларации прав и конституционном акте»³³.

«Каковы же должны быть эти основы?» — задает вопрос Бабеф. Говоря вкратце, народные общества должны быть так организованы, чтобы народ мог формировать и высказывать в их стенах свое мнение свободно и без всяких влияний; чтобы это мнение было отражением реальных нужд и чаяний широких масс, а не отдельных группировок; чтобы народные общества могли свободно и независимо осуществлять свою важнейшую задачу — контроль за законодательством и администрацией, за деятельностью «сената». «Пусть же Национальный конвент, — завершает Бабеф свою брошюру, — поспешит утвердить право контроля на его подлинных основах и отвергнет ту ложную идею, которую он, как кажется, принял: что ему одному принадлежит исключительное право формировать общественное мнение, — потому что иначе он даст основание говорить, что он нанес еще один удар по якобинизму только для того, чтобы укрепить свое господство, освободив его от всех преград, и чтобы заковать Францию в республиканские цепи»³⁴.

Что означают все эти рассуждения? Бабеф встревожен; Закрытие ненавистного Якобинского клуба, к чему он уже давно то косвенно, а то и прямо призывал, внушает ему теперь серьезные опасения. Ему жаль якобинцев? Нисколько! Не прошло еще и двух недель, как он яростно нападал на них за защиту «террористов», и он еще некоторое время будет продолжать эти нападки. Более того, он даже старается подставить их под предчувствуемый им следующий удар — во имя того, чтобы отвести этот удар от других народных обществ, от Электорального клуба. И в этой защите народных обществ — ключ к пониманию брошюры. Если сегодня можно было натравить толпы орущих молодчиков на Якобинский клуб, то почему бы завтра им не появиться у дверей Электорального общества (нападки на которое уже начались) или любого другого? Бабеф еще далек не только от представления о какой-то правоте якобинцев, но даже от простого сочувствия им (не говоря уже об идее союза), от осуждения хотя бы самого факта закрытия клуба. Но методы, к которым

прибегли правые термидорианцы, вызвав в нем глубокую тревогу за судьбу народных обществ, заставили его сделать первый шаг к пока еще чисто эмпирическому пониманию (может быть, даже не столько пониманию, сколько ощущению) того, что он очень скоро осознает вполне отчетливо: призывая громы и молнии на головы якобинцев, «охвостья Робеспьера», он невольно играет на руку совсем не тем силам, которые стремятся поддерживать.

Во всяком случае несомненно, что брошюра, по видимости написанная для того, чтобы одобрить разгон Якобинского клуба, на самом деле внушена серьезными опасениями за судьбы народных обществ и стремлением их защитить³⁵.

Проходит совсем немного времени, и появляется новый памфлет Бабефа — «Путешествие якобинцев во все четыре части света»³⁶. В издательской форме описывает Бабеф неудачную попытку членом разогнанного Якобинского клуба «распропагандировать» в свою пользу секцию Кенз-Вен (он приписывает им даже желание убедить членов секции осуществить право на восстание, записанное в Декларации прав). Мы не будем здесь излагать содержание речей, которые Бабеф вкладывает в уста якобинцев и членов секции Кенз-Вен, отметим только следующее место в ответе, якобы данным этими последними на предложение оказать «сопротивление угнетению»: «Если бы было правдой, как вы, кажется, хотите дать понять, что в мерах, принятых против *societe-mere*, надо видеть проект и намерение уничтожить все народные общества, о! тогда несомненно надо было бы признать в этом угнетение и явное покушение на права народа и республиканскую конституцию...». Но так как «почти доказано» (!), что Якобинский клуб стремился узурпировать власть народа, его поражение надо рассматривать не как угнетение, а как счастливую победу над угнетателями³⁷.

Выслушав эту мудрую, но решительную отповедь, «евангелисты Робеспьера» вынуждены были удалиться, и Бабеф радуется тому, что Сент-Антуанское предместье оказалось таким образом свободным от их влияния. Однако тут же он переходит к вопросу, который его волнует гораздо больше. Журналисты заявляют, пишет он, что якобинцы «путешествовали» также и в Электоральный клуб. Это — ложь, выдуманная теми, кто хотел бы распространить общественное неодобрение, которого заслуживает один только Якобинский клуб, на все народные общества. Пусть лучше теперь, когда с парижскими якобинцами покончено, обратят внимание на якобинцев в департаментах. И Бабеф снова повторяет, что Робеспьер наводнил своими сторонниками всю гражданскую и военную администрацию, революционные комитеты и т.д. Путем чистки народных обществ он и в них одно время дал преобладание людям, привычным к крови. Необходимо отыскать их и «привести к социальному небытию», но ради этого нет нужды уничтожать народные общества. И Бабеф снова разворачивает свою аргументацию в пользу того, что «демократическое правительство не может обойтись без них».

Как видим, данная брошюра является по сути дела продолжением предыдущей. Конечно, они несколько отличаются друг от друга по тону³⁸,

намерениям и даже (слегка) по кругу проблем, но в целом обе они выдержаны в духе одних и тех же идей: защита народных обществ от нависшей угрозы, попытка отвлечь от них внимание властей, поставив под удар якобинцев, особое стремление отстоять Электоральный клуб. Характерной чертой обеих брошюр (особенно более ранней) является то, что по форме они предназначены для одного, а по существу — для другого. И такой формой становится для Бабефа антиякобинизм. Будучи еще вполне искренним, этот антиякобинизм отходит уже для Бабефа на второй план. И если преследования якобинцев сами по себе еще никоим образом не смущают Бабефа, то созданная в результате этого атмосфера уже вызывает его серьезнейшую тревогу. Таким образом, брошюры доказывают, что назревают определенные предпосылки для сдвигов во взглядах Бабефа на якобинцев и якобинскую диктатуру. Когда же произошли эти сдвиги? Говорить об этом — значит говорить о памфлете «О системе уничтожения населения, или Жизнь и преступления Каррье»³⁹.

Выше уже говорилось об обстоятельствах, вызвавших к жизни «дело Каррье», и об острой борьбе вокруг допроса о предании Каррье суду. Правые термидорианцы, в то время уже практически захватившие все ключевые позиции, одержали верх и здесь: Каррье был лишен депутатской неприкосновенности и отдан под суд (5 фримера III года). Процесс Каррье (превратившийся в своеобразный «процесс системы террора») привлек огромное внимание и вызвал многочисленные отклики. К ним относится и интересующий нас памфлет Бабефа. Памфлет «О системе уничтожения населения» упоминается всеми биографами Бабефа и многими историками, Писавшими о термидорианской реакции, но, как правило, только мимоходом. Дело в том, что внимание исследователей привлекала (или, вернее будет сказать, отталкивала) та страшная выдумка, которая вошла и заглавие памфлета. Чудовищность подобной идеи заслоняла от них все остальное содержание этой достаточно большой брошюры, а оно между тем заслуживает тщательного изучения.

Прежде всего надо объяснить, почему памфлет называется «О системе уничтожения населения». Робеспьер и его сообщники, полагает Бабеф, исходя из идеи Руссо о том, что в хорошо организованном обществе все должны иметь необходимое и никто — чрезмерного избытка, и одновременно считая, что Франция перенаселена и производимых ею продуктов недостаточно для того, чтобы прокормить ее население, разработали специальную систему мероприятий, которой и руководствовались в своей деятельности. Эти мероприятия, с одной стороны, должны были способствовать сосредоточению всей собственности в руках государства с тем, чтобы оно ее позднее справедливо перераспределило, а с другой — привести к физическому уничтожению значительной части населения, чтобы ликвидировать диспропорцию между количеством продуктов потребления и спросом на них. К такого рода мероприятиям Бабеф относит террор, сознательно раз

жигаемую, по его мнению, гражданскую войну и т.п.

Именно эта мысль и отметалась исследователями как антиякобинский вздор. Правда, некоторые из них отмечали и другую сторону дела: осуждая Робеспьера «за систему уничтожения населения» как неправильную и аморальную, Бабеф, отдавая себе отчет в том, какие нападки вызовет это его заявление, полностью солидаризировался с Робеспьером в намерении осуществить упомянутый принцип Руссо, хвалил его за вантозские декреты (и даже за то, к чему Робеспьер, по всей вероятности, не стремился, — за намерение перераспределить собственность). В этом, по мысли Бабефа, Робеспьер проявил себя как подлинный законодатель⁴⁰. Уже одно это чрезвычайно интересно. Но есть в этой брошюре еще одна сторона, заслуживающая самого пристального внимания.

Когда читаешь памфлет от начала и до конца, создается впечатление, что его писали два разных человека. Вот какова, в кратких словах, концепция первой части брошюры: вандейцы — исключительно мягкий и добрый народ, но темный и очень религиозный; пользуясь этим, дворяне и священники спровоцировали волнения; чтобы их ликвидировать, достаточно было послать нескольких мудрых просветителей, которые рассеяли бы невежество местных крестьян и приобщили бы их к благам революции, не дошедшим до них из-за козней власть имущих; вместо этого революционное правительство сознательно стало действовать против них с чудовищной и ничем не спровоцированной (ибо вандейцы мягко обращались с «пленными республиканцами») жестокостью, намеренно не оставляя им иного выбора, как сражаться против Республики. Результатом этих действий стала продолжительная война. Каррье — кровожадное чудовище, но действовал он не по собственной инициативе, а выполнял чужую волю. Нантский революционный комитет — бессознательное орудие Каррье. Виной всему — революционное правительство, которое одно только и могло породить и осуществить такой злодейский замысел.

А вот как звучит заключительная часть брошюры. «Не прислушиваясь к тем отравителям общественного мнения, которые всегда представляют самое сложное дело только с одной стороны, изолируя его от всех сопутствующих ему обстоятельств, я основываюсь на принципе, столь широко известном и столь свойственном революциям: справедливость относительна... Рассматривая затем это большое и прискорбное дело с политической стороны, я признаю, что здесь речь идет о борьбе одной партии с другой... Я буду постоянно помнить, что первый из всех законов, тот, в котором объединились все остальные, — это благо народа»⁴¹. Чтобы суждения о событиях были справедливы, продолжает Бабеф, следует все время помнить об обстановке огромных революционных потрясений и тех жертвах, которых она требовала от людей. Можно ли также не слышать призывов к отмщению со стороны солдат Республики, сражавшихся против орд

фанатизма и роялизма и погибших или изувеченных в этой борьбе!⁴²

Далее Бабеф характеризует исключительно тяжелую обстановку, сложившуюся в Нанте, — гражданская война у его стен, голод и болезни в самом городе, раздираемом борьбой между федералистами и монтаньярами⁴³. О федералистах он отзывается очень резко, они — противники равенства, которое считают химерой⁴⁴ (непростительный грех в глазах Бабефа!). Монтаньяры же — искренние демократы, но склонные к подозрительности, резкие, не искушенные в политике люди, среди которых было и несколько человек испорченных, жестоких. К несчастью, монтаньяров возглавил не миролюбивый, хотя и решительный человек, возможно, и добившийся бы примирения, а такой человек, как Каррье. И далее Бабеф снова дает характеристику Каррье, но теперь она звучит уже иначе: Каррье не кровожадное чудовище, орудие злодейского замысла, а мрачный фанатик, шедший к справедливой сама по себе цели, не щадя при этом ни правого, ни виноватого⁴⁵. И следует вывод: члены нантского революционного комитета действовали в такую эпоху, когда на них давили страшные, чрезвычайные обстоятельства. От их действий зависело спасение Республики, на них оказывали сильный нажим решения Конвента. Жестокости (которым предавались и вандейцы и республиканцы) — результат отчаянного ожесточения обеих сторон, несчастное следствие гражданской войны. Сейчас подсудимые об этом сожалеют. «Никогда их намерения не были ни преступными, ни контрреволюционными»⁴⁶. А раз так, то можно ли осудить их в те дни, когда объявлена амнистия французам, которые преступно заблуждались и вели народоубийственную (naticide) войну?⁴⁷

Разница между началом и концом брошюры поразительная. Демократ Бабеф, ненавидящий диктатуру и террор и обрушивающий на них в начале памфлета все громы и молнии, вплоть до ужасной выдумки, в выводах из своей брошюры, совершенно забыв про придуманную им «систему уничтожения», оправдывает и террористические мероприятия обвиняемых, и действия диктаторского правительства. Это кажется до такой степени необъяснимым, что в голову в первую очередь приходит следующее предположение: уж не хотел ли Бабеф написать брошюру теперь уже в защиту якобинцев, но, не посмеяв в накаленной вокруг процесса атмосфере сделать это открыто, «прикрыл» свои мысли антиякобинской оболочкой?

Вероятно, следует также добавить, что из своего «оправдательного вердикта» членам нантского революционного комитета Бабеф исключает Каррье. Хотя теперь он рисует его деятельность более беспристрастно, все же он считает его человеком, несущим самую серьезную ответственность за происшедшие эксцессы, бесспорно виновным и заслуживающим сурового наказания.

Для такого истолкования есть определенные основания: в 28-м номере «Трибуна народа» содержится намек на то, что некоторые из прежних сочинений Бабефа могли дать о нем представление как об

авторе несколько двусмысленном, теперь же он будет выражать свои мысли только прямо и ясно. И все-таки, думается, было бы упрощением давать такое объяснение.

Знакомство с предшествующими произведениями Бабефа показывает, что основные идеи (так же как и характерная терминология) первой, антиякобинской части памфлета вовсе не являются чем-то искусственно привнесенным, специально выдуманным для данного случая, дни логически связаны со всем, что говорил Бабеф на протяжении последних месяцев⁴⁸. Начавшая снова выходить (почти одновременно с появлением памфлета) газета Бабефа показывает, что он в это время еще не отказался полностью от антиякобинских взглядов. Да и для «прикрытия» своего «проякобинства» ему вряд ли потребовалась бы такая страшная выдумка, как «система уничтожения населения», — уж очень тяжкое обвинение возводил он тем самым на якобинцев⁴⁹. Дело, как нам кажется, в другом.

Мы считаем, что в памфлете отразилось не «состояние» мысли Бабефа (т.е. тот факт, что он уже пришел к определенным выводам и стремится только их замаскировать из тактических соображений), а «процесс» — сам ход развития и изменения этой мысли. Суд над Каррье явился апогеем антитеррористической кампании, развернутой правыми термидорианцами. Он стал апогеем и антитеррористических взглядов Бабефа — и одновременно переломом в этих взглядах. Как же это могло произойти?

У нас нет точной датировки памфлета. Судя по указаниям, имеющимся в тексте, он создавался во фримере и увидел свет, видимо, почти сразу после окончания процесса. Нам представляется несомненным, что памфлет был задуман Бабефом накануне процесса и писался параллельно с ним. Развитие событий на этом процессе, в котором в значительной степени отразилось развитие событий в стране, и оказало чрезвычайно большое влияние на суждения Бабефа⁵⁰.

Мы уже говорили, что против нантского революционного комитета возник страшный накал общественного мнения. Большинство газет самыми мрачными красками рисовали суровые приговоры, которые в массовом порядке выносили его члены. Глубокое возмущение Бабефа разгулом террора и отразилось на первых страницах его памфлета. Однако отличавшийся редким беспристрастием Бабеф внимательно прислушивался к показаниям обвиняемых, — и они не могли не произвести впечатления на всякого, кто не был ослеплен заведомым предубеждением и хотел серьезно разобраться в происшедшем.

Каррье в своих показаниях рисует трагическую картину жестокостей вандейцев по отношению к республиканцам. С такими ужасами, говорит он, нам приходилось сталкиваться ежедневно. На суде все делают вид, что этого не было. Но хорошо сейчас, когда положение спокойное, рассуждать о гуманности, а тогда граница была в огне, внутреннее положение — очень шаткое, а против республиканцев каждый день совершались самые свирепые акты. Они просто вынуждены были отвечать жестокостью на жестокость.

«Нельзя не признать, — пишет Бабеф, — что это сильный ответ»⁵¹. Много говорили о том же и другие обвиняемые.

Большое впечатление производила и речь Гулена. Он в числе других членов нантского революционного комитета добивался привлечения Каррье к их процессу и уже после ареста Каррье обещал сделать дополнительные разоблачения. Теперь он заявляет, что раздумал делать эти разоблачения. Оттого что он посадит рядом с собой на скамью подсудимых еще одного патриота, он не станет ни более правым, ни более виноватым и только повредит общему делу. Члены нантского революционного комитета были поставлены в чрезвычайные обстоятельства,

Может быть, заявляет Гулен, я слишком полагался на, других, но не хочу этим оправдываться. Намерения мои были чисты, и я готов сам отвечать за свои поступки.

Слова о «чистоте намерений» не были пустой фразой, предпринимавшиеся на суде попытки скомпрометировать обвиняемых, доказать их бесчестность не удались. В определенном смысле эти люди действительно были чисты: на их руках была, может быть, кровь, но не грязь. И постепенно Бабеф приходит к выводу: то, о чем кричат на всех перекрестках, — только половина правды. Все говорят только о терроре, намеренно забывая об обстановке — гражданской войне, зверствах вандейцев, смертельной опасности, нависшей над Республикой. Иными словами, ход процесса показал Бабефу, что члены нантского комитета не преступники, упоенные властью, а честные революционеры, поставленные в исключительно тяжелые условия. Он по-прежнему считает, что революционное рвение и слепая вера в Конвент и его депутата увлекли их слишком далеко, — и с этим трудно не согласиться.

Но главное то, что теперь он начинает понимать: эти люди не стремились к террору, их доставили обстоятельства.

Таким образом, сам ход процесса толкал Бабефа к мысли об объективной необходимости, исторической неизбежности тех мероприятий якобинской диктатуры, которые до сих пор вызывали у него лишь отвращение и которые он приписывал злой воле Робеспьера и его окружения. Но не следует забывать, что ход процесса — зеркало хода событий в стране, и этот ход событий тоже не мог не повлиять на Бабефа.

С точки зрения так называемых «формальных свобод» период термидорианской реакции — время большей демократии, чем якобинская диктатура (особенно ее последний период). Именно поэтому первые месяцы термидорианской реакции стали временем, когда Бабеф на практике познал истину: «чистой» демократии не бывает, пока существуют власть имущие, они найдут тысячи каналов, чтобы обернуть ее себе на пользу.

В первую очередь он столкнулся с манипуляцией общественным мнением: свобода печати как будто бы завоевана (хотя не декретирована), но ни одна газета не освещает заседаний Электорального клуба. Как донести до народа проповедуемые там идеи, если печать замалчивает его работу? То же самое происходит вокруг процесса Каррье и нантского революционного комитета: газеты намеренно выпячивают одну сторону событий, искусственно накаляют общественное мнение, замалчивают защиту.

Немалую роль в изменении взглядов Бабефа на роль и значение демократических свобод должен был сыграть и урок, полученный им от Гюффрау: на собственном опыте убедился Бабеф, что означает равное право богатого и бедного издавать свою собственную газету.

Наконец, свобода суда, в нарушениях которой термидорианцы постоянно злобно обвиняют Робеспьера, осталась таким же пустым звуком и при новом режиме: Конвент считает возможным не только отменять своею властью решения революционного трибунала, но и брать под стражу лиц, оправданных судом⁵². На что же может рассчитывать французский гражданин, если после торжественного оправдания по суду его снова могут арестовать?

Но самым важным было то, что начал все более и более проясняться социальный смысл термидорианской диктатуры⁵³, и это сказывалось и в ходе судебного процесса. В самом деле, подсудимых обвиняют в том, что они залили Нант кровью. Казалось бы, единственное благоприятное для них обстоятельство — это то, что их судят в Париже, вдали от арены их кровавых действий. Но происходит нечто неожиданное: один из обвиняемых, Гулен, требует перенесения процесса в Нант. Здесь, в Париже, заявляет он, состав свидетелей пристрастен, на суде выступают только богачи и федералисты, с которыми члены нантского революционного комитета всегда боролись. Те же, кого они постоянно защищали, нантские санкюлоты, слишком бедны, чтобы приехать сюда и свидетельствовать в их пользу. Судей стараются уверить, будто подсудимые ненавистны всем жителям своего города. Пусть суд над ними проведут в Нанте, и тогда все увидят, что на самом деле думает об их деятельности большинство его населения⁵⁴. Такие аргументы должны были произвести очень сильное впечатление на Бабефа.

Еще более ярко проявился социальный смысл нового режима (и проводимого его представителями судебного процесса) в следующем факте: термидорианские судьи имели наглость обвинять Каррье в том, что он проводил в Нанте социальную политику якобинцев (напомним, что социальные мероприятия якобинцев были оформлены в виде государственных законов, обязательных для выполнения не только в дни миссии Каррье в Нанте, но официально не отмененных еще и во время суда над ним). Вот что пишет об этом Бабеф: «Среди преступлений Каррье числят то, что он раздавил в Нанте торгашество, громил меркантильный,

аристократический и федералистский дух; то, что он предоставил в распоряжение муниципалитета 183 млн. ливров, полученных путем обложения богачей; то, что он приказал арестовать всех без исключения спекулянтов и всех тех, кто с начала революции занимался в пределах города Нанта этим скандальным ремеслом; то, что он приказал арестовать всех посредников, всех лиц обоего пола, которые занимались скупкой и перекупкой предметов первой необходимости и извлекали позорную прибыль, продавая их по ценам выше максимума, установленного законом. Нет никакого сомнения, что если демократические принципы и высший закон блага народа еще не отменены, то эти факты, взятые сами по себе, не только не могут быть поставлены в вину Каррье, но по своей природе способны снискать ему лавры среди республиканцев; и я не в состоянии понять, каким образом авторы доклада двадцати одного смогли поместить эти факты среди обвинений, которые можно выдвинуть против делегата народа»⁵⁵.

Таким образом, поворот, который совершил Бабеф на страницах своей брошюры, не является случайным. Несколько раньше ход политических событий уже привел его к догадке, что, участвуя в антиякобинской кампании, он невольно содействует совершенно чуждым ему силам. Теперь Бабеф делает следующий и принципиально важный шаг. Тот же ход политических и социальных событий, своеобразное осмысление прошлого в свете настоящего подводят его к восприятию истины, которая стала столь явной в ходе судебного процесса над Каррье и членами нантского революционного комитета: якобинская диктатура не измышление честолюбцев, ее возникновение было обусловлено объективными обстоятельствами. Отношение к диктатуре как к исторической необходимости — серьезный сдвиг в политических воззрениях Бабефа.

* * *

Поворот, совершенный Бабефом на страницах брошюры о Каррье, станет еще более понятен, если обратиться к его газете, которую он сумел наконец возобновить⁵⁶. 28-й номер «Трибуна народа» составлялся примерно в одно время с финальной частью памфлета. В этом номере и проявилась полностью и непосредственно та реакция Бабефа на ход событий в стране, которая (в силу матической ограниченности) могла найти в памфлете лишь косвенное отражение.

За время, истекшее между 27-м и 28-м номерами, пишет Бабеф, «ретроградная система» добилась ужасающих и серьезных успехов. Реакция идет по всем направлениям. Полный переворот в принципах произошел в тот день, когда было установлено, что исключительное право формировать общественное мнение принадлежит Конвенту (видимо, Бабеф намекает на события 18 вандемьера). С тех пор суверенный народ не может более ни контролировать своих депутатов, ни даже влиять на них посредством петиций.

Трудно предсказать, где остановится политическая реакция. В Конвент возвращен 71 депутат-жирондист. Этот факт сам по себе рождает весьма серьезные опасения, так как означает косвенное осуждение 31 мая (за которым может последовать осуждение и других важных событий революции). Последствия этого идут еще дальше: в Конвенте и вне его открыто дебатруется вопрос, являются ли законными все акты Конвента после 31 мая. Под сомнение ставятся такие кардинально важные документы, как конституция 93 года, Декларация прав. Даже принцип неделимости Республики не кажется уже незыблемым, и позволительно задаться вопросом: а сохранится ли сама Республика? По всем этим вопросам Бабеф дает гневную отповедь «семьдесят одному» и их сторонникам.

Суть его аргументов сводится к следующему: даже если бы все акты Конвента после 31 мая действительно были незаконными, то Декларация прав, конституция 1793 года и принцип неделимости Республики священны, ибо они торжественно санкционированы народом. Никогда еще ни один общественный договор не был принят столь единодушно, как конституция 1793 года. Бабеф призывает всех «свободных людей» защищать ее и даже угрожает заколоть кинжалом первого же депутата, который предложит отменить конституцию и Декларацию прав — единственные гарантии народного суверенитета. Такая угроза может показаться несерьезной и даже несколько комичной, но по существу она совсем не смешна. Это показывает, каким отчаянным представлялось политическое положение Бабефу.

Не менее прискорбно положение экономическое и социальное. Изменился социальный состав секций и народных обществ. «...Уцелевшие подвиги народных собраний и обществ, превратившиеся из наблюдателей в объект наблюдения путем подчинения их инквизиторским правилам и оскорбительным чисткам... покинуты людьми, имеющими некоторое понятие о чувстве собственного достоинства и своих правах, и представляют в настоящее время свободное поле деятельности для «чистой публики» (*gens comme il fault*), которая по мановению некой дирижерской палочки ежедекадно собирается для лести правительству и покорно склоняется всякий раз, как тому придет в голову заявить: мне так угодно». Дело, кажется, идет к тому, что слово «санкюлот» станет бранным, оскорбительным. Секция Лепелетье требует, «чтобы те, кто носит простую одежду и гладкие волосы, были изгнаны с мест». А уж с насущными интересами бедняков никто совершенно не считается. «Говорят, все идет к лучшему. Да, для аристократов и врагов свободы. Чудовищная дороговизна заставляет стонать и умирать с голоду бедного рабочего, зарабатывающего 4 ливра или 100 су в день. Угроза прекращения работ в общественных мастерских в самом начале особенно трудного времени года заставляет опасаться еще более тяжкого будущего». Собираются отменить максимум, который провозглашают контрреволюционным «и который действительно им является для жадного и ненасытного меркантилизма». Эта мера окончательно «удушит голодом класс санкюлотов, который более не стесняются подвергать в изобилии всякого рода унижениям и несчастьям,

точь-в-точь как в былые времена».

Ярким внешним выражением этой политической и социальной реакции является реакция в нравах. На свет вылезли все отвратительные пороки старого режима — распущенность, проституция, коррупция. При народной администрации, которую слишком часто ругают, смешивая при этом осуждение недобросовестных людей с осуждением правильных принципов, такого не было: она сделала для общественных нравов больше, чем любое правительство всех времен. Между тем это не пустяк — подлинно республиканский дух может основываться только на добродетели.

Эти рассуждения Бабефа справедливы. Отмечаемое всеми историками резкое падение нравов при термидорском режиме, установление порядков, при которых, словам Бабефа, «наглецы снова могут совершенно безнаказанно оскорблять народную нужду», были несомненным выражением глубоких социальных процессов.

Таким образом, содержание 28-го номера отчетливо показывает, что Бабефу стал вполне ясен социальный смысл термидорианской диктатуры. Говоря его языком, он понял, что во Франции восторжествовала «республика одного миллиона» богатых и все социальные и политические завоевания «двадцати четырех миллионов трудящихся» поставлены под угрозу. Естественно, что на страницах газеты, как и на страницах памфлета, это должно было привести к пересмотру некоторых прежних взглядов.

«Когда я одним из первых гневно громил основания чудовищной системы Робеспьера, я отнюдь не предвидел, что способствую возведению сооружения, не менее вредного для народа, хотя и в совершенно противоположном смысле; я отнюдь не предвидел, что требованием Милосердия, прекращения всяческого угнетения, всяческого деспотизма, всякой неоправданной строгости, а также требованием самой полной свободы высказывания мнений, будь то устно или письменно, воспользуются для того, чтобы подорвать Республику в ее основах и вновь открыть простор для мстительных страстей, которые набирают силу и могут незаметно зайти так же далеко, как и в первом случае».

Эти достаточно часто цитируемые слова интересно сопоставить с заключительной частью большого памфлета Бабефа. Приведенная цитата, как нетрудно заметить, тесно связана с идеями, содержащимися в памфлете, образуя как бы их подпочву, основу. Тут и явное понимание того, что Бабеф ошибся в оценке намерений термидорианцев; тут и осознание того факта (не новое уже у Бабефа, но впервые отчетливо сформулированное), что, воюя с якобинцами, он помогал силам, враждебным его идеям; тут между строк проскальзывает мысль, что, может быть, и вообще он был не совсем прав, так резко нападая на якобинцев, не вполне справедливо оценивал последний период их деятельности⁵⁷. Полное подтверждение находит в этой цитате и высказанное выше предположение, что определенную роль в «повороте», совершенном Бабефом на страницах памфлета, могли сыграть его наблюдения над

возможностью «манипулирования» общественным мнением и демократическими свободами. Во всяком случае, следует особо отметить его замечание, что требованием неограниченной свободы слова (которое он совсем недавно считал краеугольным камнем своей борьбы) воспользовались для возведения «рокового для народа сооружения».

Чрезвычайно любопытно посмотреть также, как объяснял Бабеф свою позицию после 9 термидора. В том же номере он пишет: «Я хотел бы, чтобы люди, которые были только увлечены энтузиазмом, вызванным тем, что они вышли из царства ужаса, и которые хотели, чтобы все разделили их радость дышать воздухом свободы, — я хотел бы, чтобы эти люди признали, что они могли способствовать тому, чтобы неистребимая аристократия получила слишком много воли, и что пора остановить ее слишком быстрое продвижение». Эти слова непосредственно относятся к Фрерону⁵⁸. Но Бабеф не мог не отнести их и к себе, во всяком случае он поступил в соответствии со своей рекомендацией и признал, что «мог способствовать неистребимой аристократии». Видимо, в какой-то мере он относил к себе и объяснение, т.е. считал, что его позиция сразу после 9 термидора объясняется «порывом энтузиазма», вызванного «освобождением из царства ужаса».

Нетрудно заметить, что во всех этих формулировках, несмотря на явные и очень большие сдвиги в отношении к якобинцам, все еще чувствуется определенная двойственность в их оценке. Но к этому мы еще вернемся, когда будем рассматривать последующие номера «Трибуна народа». Говоря же о 28-м номере, следует отметить, что он исключительно резок по тону и полон самых язвительных нападок как на Конвент в целом, так и на отдельных его депутатов. Логическим следствием этого номера стал новый приказ об аресте Бабефа⁵⁹. Однако лица, явившиеся его арестовать, уже не застали его дома... С этого времени, т.е. примерно с середины нивоза, Бабеф переходит на настоящее нелегальное положение⁶⁰. Он скрывается сам, он скрывает адрес своей типографии⁶¹. А по поводу адреса бюро, где можно подписаться на газету, в 30-м номере сообщается: «На эту газету абонируются в бюро, которое патриоты легко найдут. Аристократы же будут напрасно пытаться его обнаружить». Это говорит о довольно серьезной конспирации и о том, что по крайней мере подписку Бабеф теперь уже задумал осуществить по принципу распределения среди «своих». Не исключено, что того же принципа старались придерживаться и при продаже отдельных номеров.

Эти факты прежде всего важны для биографии Бабефа, показывая, каким влиянием пользовался Бабеф, каким опасным считали его правые термидорианцы и как решительно он готов был с ними бороться. Но кроме того, это придает особое значение последним (перед арестом) четырем номерам «Трибуна народа». Уже 28-й номер он начал заявлением, что отныне отказывается от всяческого «лицемерия» и будет открыто говорить то, что думает. Тем более это относится к последующим четырем номерам, вышедшим после постановления об аресте. Теперь Бабефу уже нечего терять, и соображения осторожности в 29—32-м номерах отсутствуют⁶². Будучи практически подпольными⁶³, эти

номера «неподцензурны» и отражают полную, неискаженную мысль Бабефа. Поэтому они особенно интересны.

В первую очередь надо отметить значительное место, которое занимает в них социальный вопрос — сам по себе или сплетаясь с проблемами политики. Он играл чрезвычайно заметную роль уже в 28-м номере. Еще большее внимание уделяется ему в 29-м номере. В Конвенте существуют две партии, пишет Бабеф. «Я полагаю... что обе хотят республики; но каждая представляет ее по-своему. Одна хочет, чтобы она была буржуазной и аристократической; другая считает, что создала ее народной и демократической и что такой она должна оставаться. Одна партия хочет республики одного миллиона, который всегда был врагом, господином... угнетателем и кровопийцей остальных двадцати четырех миллионов... Другая партия хочет республики для этих двадцати четырех миллионов, которые создали ее основы, скрепили их своей кровью, которые кормят и поддерживают республику, снабжают ее всем необходимым, защищают ее и умирают во имя ее безопасности и славы. Первая партия хочет, чтобы в республике существовали патриции и плебеи... вторая партия хочет для всех не только равенства в правах, т.е. равенства на бумаге, но и умеренного благосостояния (*honnete aisance*), гарантированного законом удовлетворения материальных нужд, а также всех социальных привилегий в качестве необходимого и справедливого вознаграждения за ту часть труда, которую каждый вложит в общее дело»⁶⁴. Трудно более четко сформулировать то, что мы назвали бы сегодня классовым подходом к проблемам политической борьбы. Этот подход будет отныне постоянно присутствовать в газете Бабефа.

В том же номере Бабеф обещает через несколько дней с цифрами в руках доказать «своим беднякам» (*a mes pauvres* — какое характерное выражение!⁶⁵), то они зарабатывают лишь четверть того, что им нужно для покупки предметов самой первой необходимости. «Что скажут, если с этим расчетом в руках они придут к каждому из правителей, чтобы сказать им: «Правитель! ты видишь, что при том, как ты все устроил, я не могу просуществовать; а ведь твоя работа состоит в том, чтобы обеспечить мое существование, ибо в конечном счете вся политика в принципе сводится к тому, чтобы гарантировать всем подданным государства удовлетворение их нужд. И каждый раз, как тебе не удастся это сделать, я имею право сказать, что ты управляешь плохо»».

Большое внимание уделяет Бабеф вопросу о бедственном положении народа (особенно все в том же 29-м номере). Интересно, что он постоянно связывает эту проблему с обратной стороной социального вопроса: росту народной нужды он противопоставляет рост богатства и распухлости на другом полюсе общества, процветание незначительного меньшинства. Он с гневом обрушивается на антирабочие мероприятия Комитета общественного спасения. Согласно постановлению Комитета, с 1 плювиоза резко сокращается число рабочих, занятых производством оружия, а также работниц-надомниц, шивших для армии одежду. Очень странно, восклицает Бабеф, что наши армии, продолжающие вести военные действия, внезапно перестали нуждаться в оружии и одежде! Но у этих мер есть тайное обоснование:

декрет предусматривает, что «лишние» рабочие должны будут сами отправиться в армию. Что за дело правителям до того, что это обречет на голод и нужду многие семейства, — лишь бы «беспокойный элемент» был удален из Парижа. С другой стороны, «золотая молодежь» может радоваться: многие ее представители будут отозваны из армий. Они слишком нежны и утонченны, чтобы заниматься грубым ремеслом солдата — защитника родины⁶⁶.

Несколько ниже, говоря о том, что первые полторы декады ниво́за — время наибольших успехов аристократии за весь период революции, Бабеф особо выделяет среди губительных шагов Конвента его экономические мероприятия. Соображения Бабефа очень любопытны даже тогда, когда не вполне верны. Так, он резко отрицательно относится к намерению разрешить экспорт звонкой монеты с обязательством импортировать взамен предметы первой необходимости: Франция вполне способна покрыть свои нужды с помощью внутренних ресурсов, и такого рода постановления лишь откроют широкие возможности для финансовых махинаций⁶⁷. В целом же, по мнению Бабефа, экономическая политика Конвента приводит к падению курса ассигнатов, а следовательно, к тому, что рабочий люд Парижа (даже те, кто зарабатывает немалые деньги, но в обесцененной валюте) умирает с голоду. В то же время он подчеркивает, что эти мероприятия выгодны некоторым членам правительства, наживающимся на них⁶⁸.

С особым гневом и неоднократно говорит Бабеф о прискорбных результатах отмены максимума⁶⁹. От этой меры ждали чудес — ну что же, могут полюбоваться «ее великолепными последствиями и убедиться, до какой степени... адрес сената к французскому народу смягчил души лавочников и торговцев»⁷⁰. Мера эта хороша только «для народа одного миллиона. Что до другого народа, ему говорят то же самое, что ему всегда говорили короли: бедный народ, потерпи». Тех, кто осмеливается говорить о надвигающемся голоде в Париже, в Конvente называют негодьями. Между тем «голод не надвигается, он уже существует»⁷¹. И не только в Париже, но и в провинции. В качестве примера Бабеф подробно рисует бедственное положение коммуны Дернёй в дистрикте Монтань Бон-Эр⁷². Следует вывод: «Положение настолько ужасно, что лучший способ роялистской пропаганды сейчас — это проведение параллели между нынешним положением народа и его положением в худшие времена монархии. И роялисты, конечно, не преминут этим воспользоваться».

Упоминания об «ужасном голоде», о всякого рода лишениях, которые терпит народ, встречаются и в других номерах газеты. Весьма примечательны в этом отношении и рассуждения Бабефа о недавнем прошлом в 31-м номере его газеты. Правительство, пишет Бабеф, очень плохо рассчитывает способы воздействия на массы. Если оно думает, что, заставляя небольшое число людей беспрестанно повторять, будто все идет превосходно, убедит в этом народ, то оно глубоко заблуждается. «Каковы бы ни были конечные цели Максимилиана Робеспьера, его путь к тому, чтобы внушать иллюзорные представления, был гораздо более надежен. Его метод, совершенно противоположный методу наших

нынешних правителей, состоял в том, чтобы заставить меньшинство согласиться с тем, что дела идут неплохо, коль скоро массы не жалуются. А их ничто не побуждало жаловаться, поскольку в те времена им хватало предметов первой необходимости, у всех была работа и каждый рабочий хорошо зарабатывал»⁷³.

Эти слова Бабефа возвращают нас к вопросу о том, каково в это время его отношение к якобинцам. А.Матьез считал, что Бабеф в этот период (и даже раньше) «сжигал то, чему он поклонялся»⁷⁴ и совершил поворот на 180 градусов во всех своих воззрениях, в том числе и в отношении к якобинцам. Нам кажется, что последние номера «Трибуна народа» не дают оснований для таких категорических выводов. До полной апологии Робеспьера (к которой Бабеф придет) еще довольно далеко. В оценке его деятельности сохраняется несомненная двойственность. Однако это двойственность уже совсем другого рода: если несколько месяцев тому назад отдельные положительные оценки тонули в море гневных нападок, то теперь надо внимательно присматриваться, чтобы обнаружить среди многих мест, посвященных защите ряда мероприятий якобинской диктатуры и преследуемых ныне ее сторонников, фразы, говорящие о том, что террор, хотя частично и оправдываемый обстоятельствами, все еще внушает ужас Бабефу, а Робеспьера он по-прежнему склонен считать тираном хотя бы в самый последний период его деятельности.

Это двойственное отношение легко заметить в приведенных выше двух цитатах из 28-го и 29-го номеров. Приведем еще несколько аналогичных высказываний, свидетельствующих, что это не случайные обмолвки. В первой главе говорилось, что Бабеф довольно быстро отказался от взгляда на 9 термидора как на подлинную революцию. Сейчас он прямо говорит о прискорбных последствиях этого дня, но в то же время называет его удивительно по-современному звучащим термином — «la revolution manquee»⁷⁵. Иными словами, по его мнению, в этот день могла бы произойти подлинная революция, но не произошла, что и привело к печальным результатам. Это — явная перекличка с его прежней теорией «очищения» якобинского режима от его «плохих сторон». Бабеф заявляет, что после 9 термидора Франция перешла «от одного угнетения к другому»; он может обвинить Фрерона в том, что он некогда составлял «одну шайку» с террористами⁷⁶, воскликнуть по поводу нападок в Конvente на депутатов, критикующих некоторые декреты: «Мне кажется, что вновь вернулись времена Робеспьера!»⁷⁷ Можно было бы привести еще несколько примеров, но, думается, это излишне.

Главное то, что подобных высказываний немного и не этими идеями определяется сейчас отношение Бабефа к якобинской диктатуре⁷⁸. Эта эпоха для него теперь не просто «царство ужаса», во время которого было тем менее сделано кое-что полезное для народа, а период важнейших политических и социальных завоеваний, хотя и омраченный многими крайностями и даже преступлениями. В новой обстановке (вернее было бы сказать в прояснившейся обстановке) Бабеф видит свою первоочередную задачу в том, чтобы защищать эти политические и социальные завоевания. То, что мы писали о защите им в 28-м номере

максимума и конституции 93 года, в полной мере относится и ко всем последующим номерам. В 29-м номере мы встречаем пламенный гимн «законам, которые являются достоянием бедняков». К ним Бабеф относит и конституцию 93 года, и отмененный уже максимум — «закон, которому для того, чтобы быть божественным, недоставало только всеобщих и повсеместных забот о его выполнении», и вантозские декреты, и — что очень характерно для Бабефа — план Лепелетье, касающийся общественного воспитания детей. В 30-м номере — снова страстная защита конституции 1793 года. В 31-м и 32-м номерах — то же самое, так же, как и нападки на социальное законодательство термидорианского Конвента.

Все это приводит Бабефа к сближению с людьми, которых он недавно сторонился. Еще совсем недалеко те времена, когда название «Convention montagnarde» (так обращались к «Вершине» в проякобинских петициях) вызывало его недовольство, — теперь он пишет, что «Гора — имя, которое не должно погибнуть» (32-й номер); еще не так давно он писал, что сказать кому-нибудь «ты — якобинец» скоро будет оскорблением, и почти призывал правительство разогнать Якобинский клуб. Когда клуб был действительно разогнан, это вызвало у него тревогу, но не из сочувствия якобинцам, а из страха за другие народные общества. Теперь он упоминает о разгоне Якобинского клуба бегло, но в таком контексте, что не может быть сомнений: это событие он считает ударом по народному движению⁷⁹. В первые недели термидора Бабефа, как и правых термидорианцев, раздражало, что термин «патриот» упорно применялся именно к якобинцам или близким к ним людям. Теперь он сам практически употребляет это слово в том же смысле. Наконец, Бабефа прежде приводили в ярость утверждения людей, так или иначе связанных со свергнутым режимом, что новые власти всячески преследуют честных революционеров. Нет, постоянно восклицал он, — это до 9 термидора преследовали честных людей, теперь же все они вздохнули свободно, а отвечать за свои преступления придется только кучке террористов (термин, пущенный в оборот едва ли не самим Бабефом). Теперь же он в своей газете постоянно защищает «патриотов», «честных революционеров» и даже прямо «террористов» («тех, кого они называют террористами») и от прямых актов «белого террора»⁸⁰, и от иных форм преследования и угнетения⁸¹.

«Прозрение» Бабефа относительно сущности термидора и связанные с ним изменения в оценке деятельности якобинцев приводят и к заметным сдвигам в его тактике. Было бы преувеличением сказать, что он отчетливо осознал, какую роковую роль играет в данной обстановке раскол в лагере демократии⁸². Но на практике он явно стремится к установлению союза с теми, кто представляет «проякобинские силы» (хотя это еще нельзя назвать четкой и последовательной линией поведения). Уже многие его выступления в защиту «патриотов» показывают, как мы говорили, что он теперь явно объединяет в этом понятии деятелей «крайне левой» с бывшими робеспьеристами. Есть и более прямые его высказывания. Пожалуй, наиболее яркое из них содержится в 29-м номере его газеты, где Бабеф прямо призывает под свои знамена того

самого Одуена, на которого несколько месяцев назад так яростно обрушивался за его робеспьеризм⁸³.

В следующем номере Бабеф с огорчением констатирует, что Одуен покинул ряды борцов (вероятно, он имеет в виду то, что Одуену пришлось из-за преследований прекратить издание своей газеты), и выражает надежду, что он еще в эти ряды вернется⁸⁴. Сходные призывы, с которыми косвенно, не называя имен, Бабеф обращается к проякобинским журналистам, встречаются в других местах его газеты. Интересны и случаи, когда Бабеф называет имена. Так, в 32-м номере он перечисляет тех немногих депутатов, на которых еще могут рассчитывать защитники прав человека. Добрая половина названных — заметные деятели недавно столь ненавистной «Вершины»⁸⁵. На одного из них — Шудье, Бабеф нападал еще на первых страницах памфлета против Каррье. В том же номере он защищает уже прямо лидера «Вершины» — Дюзма, некогда бывшего постоянной мишенью для его нападок.

Чрезвычайно характерно в этом отношении и уже упоминавшееся нами высказывание Бабефа о разгоне Якобинского клуба. Говоря о том, что термидорианцам не удастся задушить народное движение, Бабеф подчеркивает, что для этого недостаточно разрушить ночью помещение Электорального клуба и разогнать камнями членов клуба якобинцев⁸⁶. Это сближение Бабефом двух клубов в высшей степени симптоматично. Мы помним, какую важную роль отводил Бабеф в своих планах Электоральному клубу еще в брюмере. Между тем в его возобновленной газете этот клуб, кроме упомянутого единственного случая, не фигурирует. Объясняется это очень просто — клуб исчез с политической арены. В первых числах фримера секция Музея, социальный состав которой, как и большинства парижских секций (вернее, секционных собраний), изменился, постановила, что не будет более предоставлять свое помещение для заседаний Электорального клуба. Видимо, это и было его концом — с тех пор он полностью исчезает со страниц газет⁸⁷. Однако последние дни его существования отмечены очень любопытным фактом: его стали посещать члены разогнанного Якобинского клуба. Факт этот засвидетельствован несколькими термидорианскими газетами⁸⁸, а также, такой «ответственной» газетой, как правительственный «Монитор»⁸⁹. В памфлете «Путешествие якобинцев во все четыре части света» Бабеф это отрицал, приписывая подобные сообщения недоброжелательности к Электоральному клубу. Действительно ли он ничего не знал об этом? Думаем, что скорее он был не вполне искренен и лишь стремился оградить Электоральный клуб от нападок и по возможности предохранить его от судьбы Якобинского клуба. Как он отнесся в то время к этой стихийно сложившейся (хотя и недолговечной) попытке объединения разобщенных демократических сил, не известно. Тем не менее сам этот факт и более близкое знакомство с деятелями Якобинского клуба должны были произвести впечатление на Бабефа и ускорить отмеченный выше процесс — изменение отношения к якобинской диктатуре и склонность к союзу с бывшими якобинцами против термидорианской реакции.

Но вернемся к вопросу о том, как оценивал Бабеф современное положение дел в своей газете. Как он оценивал социальную политику Конвента, мы уже говорили. Посмотрим теперь, каково было его отношение к собственно политическим мероприятиям правых термидорианцев, к тому времени прочно и окончательно вставших у кормила правления. Выше отмечалось, что Бабеф тесно связывает политическое законодательство с социальным и, продолжая линию 28-го номера, считает, что как в той, так и в другой области, все идет от плохого к худшему. Правительство все больше и больше покушается на основные народные права и свободы. О законном праве народа выбирать должностных лиц уже и речи нет. Но этого мало: из числа чиновников, назначенных прежним правительством, изгоняют под предлогом необразованности или непригодности всех честных санкюлотов и истинных патриотов, заменяя их весьма сомнительными личностями главным образом из числа «золотой молодежи» (которую Бабеф, практически не замечавший в первые два-три месяца термидора это новое социальное явление, теперь резко бичует). Секции приведены в жалкое состояние, общественное мнение в них бесстыдно искажается, секционные петиции выражают отныне не мнение народа, а мнение кучки аристократов и лакеев правительства. Народные общества подвергаются открытым нападкам в Конвенте, рассматривающем их как наследие якобинской диктатуры, отказывающемся защитить их от всякого рода преследований и даже прямо санкционирующем эти преследования. Народ почти лишен возможности собираться и высказываться⁹⁰.

Нагло ущемляются и демократические свободы. Тальен, Фрерон и иже с ними кричат о свободе печати, но втихомолку Конвент принимает декреты, которые сводят свободу печати к свободе для самих Тальенов и Фреронов, к свободе восхвалять Конвент⁹¹. Не ограничиваясь этими законодательными мерами, подвергают таким преследованиям подлинно революционных журналистов, что те вынуждены закрывать свои газеты или, как Бабеф, издавать их подпольно. Свобода мнений зашла так далеко, что Комитет общественного спасения учредил постановлением от 10 нивоза шпионаж на трибунах Конвента! Народу угрожают арестом за осуществление права контроля над депутатами!⁹² Свобода суда — не более чем фикция⁹³. Фикция — даже депутатская неприкосновенность, если речь идет о депутатах, не согласных с мнением правящей клики⁹⁴. Заявления о разделении исполнительной и законодательной властей — лицемерие⁹⁵, так же как и заявления об опасности надолго оставлять власть в одних руках⁹⁶.

Правящая партия кричит о милосердии, но на деле стремится к кровавой мести всем патриотам; она нападает на 31 мая, чтобы уничтожить лучшее детище этого дня — конституцию 93 года; наконец, она «под шумок» постепенно проводит законы, которые должны опрокинуть революцию. И Бабеф дает уничтожающую критику целого ряда законодательных актов Конвента — законов о возвращении жирондистов, об эмигрантах, об амнистии вандейцам и многих других, — доказывая, что они ведут к реакции в политической, социальной и даже экономической областях. Вывод из всего этого один: законодательство

Конвента — почти полный кодекс контрреволюции⁹⁷.

Казалось бы, трудно сказать что-нибудь более неутешительное. Но Бабеф черпает утешение в самой отчаянности положения. Крайняя реакционность мероприятий Конвента — свидетельство его слабости. «Когда вынуждены прибегать к подобным крайностям, это предвещает агонию»⁹⁸. Народ, вкусивший свободы, не потерпит более такого угнетения. Эта мысль проходит через все четыре номера, о которых идет речь. Конвент, доводя своей политикой народ до полного отчаяния, сам толкает его на выступление. Вы не знаете общественного мнения, снова и снова заявляет Бабеф правым термидорианцам. Вы лишили народ и тех, кто его защищает, всякой возможности высказаться и воображаете, что раз никто не высказывается против вас, то, следовательно, все за вас. Но это близорукая политика. На самом деле лишившийся своих клубов народ превратил в клуб каждый чердак, каждый подвал, и на этих чердаках и в подвалах зреет возмущение⁹⁹.

Как же именно должен выразить народ свое законное недовольство деятельностью «сената Кобленца», в который превратился Конвент, свое глубокое возмущение нарушением всех своих священных прав? Ответ на это, заявляет Бабеф, находится в Декларации прав, гласящей, что если правительство ущемляет права народа, не последний не только может, но и прямо обязан восстать¹⁰⁰.

Итак, с 31-го номера своей газеты Бабеф открыто призывает народ к восстанию против термидорианского Конвента. Однако восстание это должно быть необычным — оно должно произойти мирным путем (*pacifiquement*). Идея эта настолько интересна и своеобразна, что на ней стоит остановиться подробнее.

Прежде всего обращает на себя внимание необычное сочетание слов — мирное восстание. Между тем эта идея не вполне нова в истории революции. А.Собуль показал, что в ряде случаев слово «восстание» не обязательно понималось как призыв к оружию. К примеру, в тяжелые для революции моменты некоторые народные общества объявляли себя находящимися «в состоянии восстания», — что означало, по их мнению, состояние непрерывной бдительности и активной деятельности на благо революции¹⁰¹. Тем не менее эта идея никогда четко не формулировалась и не получала широкого распространения. Нужен был журналистский и политический талант Бабефа, чтобы оформить эту случайную и смутную идею в броский лозунг, повернуть его против правительства и превратить в призыв к немедленному всенародному действию. Во всяком случае Бабеф, выдвигая этот лозунг, отдавал себе отчет в том, что он звучит несколько парадоксально, и ссылался на то, что история знает опыт и мирных восстаний¹⁰².

Как же должно, по мнению Бабефа, протекать это мирное восстание? Мысль его сводится к тому, что должен быть составлен Адрес¹⁰³ (№ 31) или Манифест (№ 32) французского народа с изложением его нужд и требований. С этим документом народ должен явиться в Конвент и оказать своим требованиям столь внушительную поддержку, что они станут законом.

Как видим, эту идею Бабефа нельзя признать чем-то абсолютно новым. Она логически связана с теми методами действия, к которым он призывал и ранее. В самом деле, еще в «Газете свободы печати», говоря о петиции секции Музея, он подчеркивал, что видит в ней «первый образец (le premier type) восстания, самого священного и необходимого из прав, которое дано самой природой, а также 35-й статьей Декларации прав всему народу или любой его части всякий раз, как правительство ущемляет его права»¹⁰⁴. Идею «народного адреса» встречаем мы и в 27-м номере «Трибуна народа». Еще позднее, в «Мнении гражданина с трибун бывшего Электорального клуба», излагаются идеи создания общества, чьи петиции будут поддержаны авторитетом народа en masse. Наконец, суть мирного восстания состоит в предъявлении депутатам Конвента требований народа, поддержанных мощным народным выступлением.

Таким образом, связь идеи мирного восстания со всей тактикой Бабефа после 9 термидора несомненна. Но столь же несомненны и происшедшие в этой тактике существенные сдвиги. Не случайно Бабеф употребляет сейчас грозное слово «восстание», хотя и подчеркивает его мирный характер. Сдвиги эти связаны с описанными выше изменениями в оценке социального смысла нового режима и соотношения сил в стране.

На первых порах, когда борьба партий в Конвенте еще не дала решительного перевеса ни одной из них, а социальный смысл термидора был неясен множеству современников, в том числе и Бабефу, когда Бабеф питал самые радужные иллюзии относительно намерений правых термидорианцев, он в целом очень оптимистически оценивал соотношение сил как вообще в стране, так и в Конвенте (даже тогда, когда очень резко критиковал последний за его антидемократические мероприятия). Отсюда — идея партии прав человека, т.е. своеобразного массового общественно-политического движения, призванного продемонстрировать Конвенту народную волю.

Ход событий показал Бабефу, что он рассматривал положение в стране через слишком «розовые очки». Результатом осмысления этого опыта явилась идея создания «общества нового типа» — народного centre de force, которое сумеет поддержать требования народа своей мощью и своим авторитетом, это — несомненный шаг вперед в тактике Бабефа, однако тут все еще видны определенные иллюзии и относительно революционных потенций народа в новых условиях¹⁰⁵, и относительно правящих кругов (безусловно не потерпевших бы такого centre de force, даже при всех уловках и ухищрениях, предусматриваемых Бабефом).

Наконец, события брюмера—фримера, не оставляя возможности заблуждаться относительно сути нового режима, вызывают серьезный сдвиг в политических воззрениях Бабефа. С другой стороны, они показывают полную невозможность открытого существования мощной народной организации¹⁰⁶. Народ должен заставить Конвент принять его требования, заставить силой, хотя и без кровопролития.

И все же эта идея содержит определенные противоречия. Подробно она излагается только в одном номере — 31-м¹⁰⁷. Судя по всему тому, что

говорится в этом номере, Бабеф явно представлял себе мирное восстание как новый революционный «день» — journee. Он не скрывал и того, какой «день» берет за образец. Это — мая, хотя Бабеф и подчеркивает, что «мирное восстание» должно пройти «в еще большей степени мирно», чем journee 31 мая (т.е., вероятно, более организовано). Иными словами, мирный характер этого выступления достаточно относителен. С другой стороны, в том же номере есть слова, которые можно истолковать как дань его прежним взглядам: «восстание» будет по существу представлять собой серию представительных депутатий, в результате которых члены Конвента «поймут», что эти требования — действительно всеобщее желание, и так как всеобщее желание — закон, они станут законом.

Эта несколько противоречивая позиция (несомненно отражающая переломный момент в политических воззрениях и тактике Бабефа) связана со все еще сохраняющимися остатками двойственного отношения к Конвенту. В самом деле, сама идея мирного восстания, действия, пусть под мощным народным нажимом, но через Конвент, предполагает сохранение определенных надежд на это учреждение даже в его нынешнем виде. Это легко проследить и по последним номерам газеты. Прежде всего Бабеф, при всем резко отрицательном отношении к Конвенту, видел в нем «плебейскую часть»¹⁰⁸, к которой постоянно обращался со страстными призывами противостоять реакции, не допустить контрреволюции. Кроме того, будучи проникательным наблюдателем и во многих отношениях тонким политиком, Бабеф исходит из существования в Конвенте большой группы депутатов «болота», которые пойдут за теми, в ком почувствуют силу. Их Бабеф энергично вербует на свою сторону, то запугивая народным гневом, то обещая им полное прощение былых грехов и славу мудрых законодателей, если они откажутся от покушений на права народа и встанут на его сторону. Очень показателен в этом смысле (в сопоставлении с чрезвычайно резким по тону 31-м номером) 32-й номер «Трибуна народа». Может быть, мы поторопились, пишет в нем Бабеф, называя большую часть Конвента «сенатом Кобленца». Возможно, все дело в том, что Конвент снова поработен преступной кликой, которая и действует в пользу аристократии. Пусть же Конвент станет самим собой!

В этих словах причудливо сплелись тактические соображения, стремление не оттолкнуть часть депутатов, с еще не до конца изжитыми иллюзиями. Бабеф полностью от них избавился только после того, как Конвент «очистил» себя от «плебейских депутатов», а опыт народных выступлений доказал неэффективность прямого и стихийного народного действия в новых условиях — условиях спада революционной волны.

* * *

Уже 28-й номер «Трибуна народа» вызвал постановление об аресте Бабефа, вынудившее его перейти на нелегальное положение. Могли ли пройти незамеченными последние номера газеты? Даже если бы в них не содержалось призыва к восстанию, одной только язвительнейшей критики Конвента было бы достаточно для того, чтобы вызвать ярость большинства депутатов. Мы уже говорили, как резко нападали Бабеф на

основные мероприятия Конвента, будь то в области социальной или политической. Не менее резкой критике подвергся ряд его второстепенных мероприятий, а также царящая в нем обстановка; сам Конвент как государственное учреждение тоже стал мишенью едких нападок Бабефа.

Здесь нет возможности приводить множество чрезвычайно интересных, а иногда и очень остроумных высказываний Бабефа по этому поводу. Поэтому отметим лишь одну, но, с нашей точки зрения, в высшей степени любопытную сторону вопроса. Не только в последние перед арестом недели, но и в период сравнительно благоприятного отношения к термидорианскому Конвенту Бабеф резко отличался от многих современных ему, журналистов и политических деятелей полным отсутствием очень распространенного среди них суеверного почтения к Конвенту как политической организации. Более того, он резко восставал против такого отношения, — вероятно, это было связано с его действенным стремлением «цензурировать» (контролировать) правительство. Идея слепого доверия к правительству была ненавистна ему и раньше (вспомним его борьбу с Адресом Конвента от 18 вандемьера), и теперь (29-й номер заканчивается призывом «отбросить софизм слепого доверия к мудрости правительства, который нам постоянно проповедуют»). Напомним, что он был едва ли не единственным журналистом, заявлявшим в послетермидорианские дни, что с Конвента нельзя снимать ответственность за террор. Эту же мысль он повторял в памфлете «О системе уничтожения населения» и в последних Номерах газеты. Бабеф критиковал систему комиссаров в провинции, вербовавшихся из числа депутатов Конвента: депутатов, считал од, не надо отвлекать от их основных, очень важных дел, а система эта связана с нелепым «обожествлением» членов Конвента.

Неужели, послав несколько сот человек в этот орган, Франция оскудела талантами и нельзя найти людей, ничуть не менее достойных, чтобы доверить им эти функции? Слепая вера в депутатов Конвента и столь же слепое им подчинение привели ко многим крайностям и злоупотреблениям террора, в частности, в Нанте, где члены революционного комитета безоговорочно подчинились Каррье, не позволяя себе усомниться в справедливости его приказов («О системе уничтожения населения»); став депутатом, человек не перестает быть человеком, со всеми человеческими слабостями и способностью ошибаться («Хотят спасти Каррье»; контекст, в котором находятся эти слова, не вызывает сочувствия, но сами по себе они, безусловно, верны и характерны для Бабефа). Наконец, он опять же едва ли не единственный из журналистов, кто говорил раньше и повторяет теперь, что Конвент можно и переизбрать (26-й и 27-й номера), что, если ему не нравится критика, пусть уходит (30-й номер).

Это постоянное трезвое отношение Бабефа к Конвенту способствовало тому, что ему удалось подметить одну из его характерных черт, часто отмечаемую историками, но с трудом различимую для современника событий. Как бы ни относились к Робеспьеру историки разных направлений, все они обычно признают, что

во всяком случае действовал он, выражаясь словами Бабефа, как «истинный законодатель». Переворот 9 термидора унес не так уж много жизней депутатов Конвента, но с этой небольшой группой людей Конвент, казалось, покинул дух государственной мудрости. Вот этот-то факт очень тонко и подметил Бабеф. Почему Конвент не способен мыслить широко, почему он видит только то, что находится у него «под носом» (29-й номер)? Конвент не в состоянии ничего предвидеть; к примеру, он замечает необходимость обеспечить бедняков топливом, когда холод уже «убивает» (29-й номер). Наконец, Конвент не в состоянии предвидеть результаты даже своих собственных постановлений: он принимает декреты, которые через несколько дней вынужден отменять, дополнять или исправлять, так как они имеют совсем не те последствия, на которые рассчитывали. Между тем в этих последствиях нет ничего неожиданного, они вполне очевидны для многих, в частности о них предупреждал в своей газете Бабеф.

Ядовитой критики Бабефа не избежали и отдельные деятели правотермидорианского лагеря, среди которых многие были очень влиятельны. «Оратор Пале-Рояля» Фрерон, «Друг богатых граждан» Тальен — бывшие террористы, которые теперь громче всех кричат об ужасах террора, а сами разжигают гражданскую войну в стране; Бентаболь¹⁰⁹ и Ровер — лица, нажившиеся на революции, женившиеся на аристократах и ведущие политику, которая выгодна друзьям их жен; Мерлен из Тионвилля, Дюбуа-Крансе, имена которых также связаны с падением нравов, с духом своекорыстия, установившимся в обществе и в Конвенте, и с реакционной политикой, — вот далеко не полный список влиятельнейших людей, лично задетых его выступлениями. Это не могло пройти бесследно. Судя по самой газете Бабефа, он подвергался постоянной травле в правотермидорианской печати. Так, к примеру, в 29-м номере Бабеф публикует автобиографию, предназначенную опровергнуть клевету, которую распространяет на его счет Дюбуа-Крансе. Ответы на многочисленные нападки содержатся и в других номерах «Трибуна». Но переполнил чашу терпения правых термидорианцев, разумеется, призыв к восстанию, пусть даже и мирному. 10 плювиоза Бабеф снова удостоился «чести» стать предметом обсуждения в Конвенте, с нападками на него выступил Тальен¹¹⁰. 13 плювиоза еще вышел 32-й номер «Трибуна народа», в котором Бабеф отвечал на выпады Тальена, а также повторял свой призыв к «мирному восстанию». Хотя номер этот, как говорилось выше, был гораздо мягче по отношению к Конвенту, чем 31-й, Бабефа это не спасло. 17 плювиоза был отдан еще один приказ об его аресте, который вскоре удалось привести в исполнение. Началась новая глава в жизни Бабефа.

1 Мы имеем в виду «Мнение гражданина с трибун бывшего Электорального клуба...», о котором речь пойдет ниже. Кроме упомянутых документов, в архиве Бабефа, хранящемся в ЦПА ИМЛ, есть также два или три рукописных отрывка без всяких указаний на дату их написания. По содержанию они могут быть отнесены к периоду как до, так и после разрыва с Гюффруа. Поэтому мы их здесь не рассматриваем, тем более что они не имеют принципиального значения; отметим

только, что самый факт существования документов, о которых невозможно сказать, написаны они до или после разрыва с Гюффрау, лишний раз подтверждает, что этот разрыв не знаменовался сколько-нибудь значительным изменением взглядов Бабефа.

2 ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.1, д.450.

3 Мы не излагаем здесь содержание письма Ведере, так как в нем нет ничего принципиально нового. Оно выдержано в обычном стиле идей Электорального клуба — антиробеспьеристская и «антивершинная» направленность, нападки на революционное правительство, защита прав народа и т.п.

4 Пример такой счастливой находки — недавнее обнаружение Р.Леграном в Исторической библиотеке Парижа нескольких неизвестных писем Бабефа, а также его рукописи, посвященной разбору Адреса Конвента от 18 вандемьера. О существовании этой рукописи мы до сих пор знали только по ее упоминанию в каталоге Шаравэ. Р.Легран опубликовал найденные им документы сначала в журнале «Annales historiques de la Revolution francaise» (oct.-dec., 1973, N 214), а позднее отдельной брошюрой.

5 Строго говоря, его нападки на этот Адрес начались несколько ранее: он успел неодобрительно отозваться о нем уже в 26-м номере «Трибуна» (от 19 вандемьера). Но это еще очень беглый отзыв, ибо к тому времени у него, видимо, еще не было в руках полного текста документа. Возможно, он был распространен в виде афиши, но, конечно, не раньше 19—20 вандемьера, в «Мониторе» же он был опубликован только 21-го. Поэтому развернутый отклик на него был дан лишь в 27-м номере «Трибуна народа», увидевшем свет уже после разрыва с Гюффрау, а также позднее, когда Бабеф был вынужден уже прервать печатание своей газеты.

6 Постановление об аресте касалось не только Бабефа, но также председателя и секретаря клуба.

7 Фотокопию этого письма В.М.Далин передал в архив ИМЛ. Оригинал хранится в парижском Национальном архиве под шифром F7. 4278.

8 Попутно заметим, что обстоятельства дела ясно указывают на ошибочность мнения ряда современных историков (см.: Добролюбовский К.П. Указ.соч., с. 129; Bergmann K.-H. Babeuf. Gleich und Ungleich. Koln; Opiaden, 1965, s. 174; Mazauric C. Babeuf et la conspiration pour l'egalite. Paris, 1962), считающих, будто постановление об аресте Бабефа от 3 брюмера было связано с 27-м номером его газеты. Достаточно вспомнить хотя бы, что через три дня после выхода в свет этого номера первое постановление было аннулировано. Повторное решение об аресте Бабеф явно спровоцировал какой-то иной речью, по словам Мерлена из Тионвилля, «еще более подстрекательской, чем первая». В этой связи письмо Калона приобретает дополнительное значение: оно указывает, что существовала газета, в которой, хотя, может быть, пристрастно и тенденциозно, изложена не дошедшая до нас речь Бабефа в Электоральном клубе. К сожалению, Калон не называет газету. Возможно, этот источник когда-нибудь будет обнаружен.

9 Об этом со всей несомненностью свидетельствуют рукописные материалы Бабефа. Печатные источники также подтверждают, что во всяком случае большую часть брюмера и весь фример он был на свободе. Поэтому только случайным недоразумением мы можем объяснить тот факт, что К.Мазорик дважды (в хронологической таблице, приложенной им к изданию «Избранных произведений» Бабефа, и в упомянутой выше работе о Бабефе на с. 21) заявил, что Бабеф находился в тюрьме до 28 фримера III года. Видимо, Мазорик механически «продлил» срок заключения Бабефа до дня выхода в свет 28-го

номера «Трибуна народа».

10 См.: Legrand R. Les prisons de Babeuf. Abbeville, 1977.

11 ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.1, д.447.

12 В связи с этим Бабеф с удовольствием подчеркивает, что народные общества как в Париже, так и особенно в департаментах в большинстве своем воздержались от одобрения Адреса Конвента от 18 вандемьера.

13 См.: Legrand R. Les manuscrits de Babeuf conserves a la bibliotheque historique de la ville de Paris. — AHRF, oct— dec., 1973, N 214.

14 ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.1, д.465.

15 ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.1, д.445.

16 Там же.

17 Там же.

18 ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.1, д.445.

19 Там же. Мы не будем здесь подробно излагать длинные рассуждения Бабефа на эту тему, так как они весьма популярны и широко цитируются многими историками. М.Домманже еще в первой своей работе справедливо отмечал, что яркая защита Бабефом прав «угнетенного пола» выделяет его из числа многих его единомышленников. Нам бы хотелось только особо подчеркнуть тот факт, что Бабеф, помимо прочих соображений, связывает свою защиту женщин с их ролью в воспитании подрастающего поколения: только Лукреции и Корнелии смогут дать обществу Брутов и Гракхов. Здесь, по нашему мнению, отчасти проявилось представление о той огромной роли, которую играет, по мысли Бабефа, воспитание и образование граждан в определении «лица» общества. Не случайно он позднее придет к идее «воспитательной диктатуры».

20 ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.1, д.456.

21 Lecoq G. Un manifeste de Gracchus Babeuf. Paris, 1885 (издание стало библиографической редкостью. Подлинник хранится в ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, ед. хр. 455).

22 Вспомним хотя бы его предложение арендовать здания театров под заседания нового общества или уверенность, что сбор по 1 су с присутствующих — не с каждого! — даст достаточные средства для покрытия всех необходимых расходов и сверх того еще и на благотворительность. Помимо всего прочего, это предполагает огромное число присутствующих.

23 Строго говоря, нельзя даже утверждать с уверенностью, что он действительно выступил. Текст «Мнения» прямо указывает, что оно готовилось для заседания Электорального клуба 12 брюмера. Но о самом этом заседании нам ничего не известно. См. выше, с.44—45.

24 Мы отдаем себе полный отчет в том, что при общей близости идей определенные совпадения неизбежны, и говорим именно о текстуальных совпадениях, причем таких, когда соответствующий номер газеты Бабефа значительно опережал петицию.

26 Это лишний раз подтверждает, что он отсутствовал на собрании: в опубликованном им тексте петиции отмечается, что она принята единогласно. Конечно, идеи Бабефа могли влиять на членов клуба и в его отсутствие, во для этого такая идея должна была к тому времени полностью сложиться и оформиться, что отразилось бы на страницах газеты.

27 Имеются в виду, разумеется, первые номера его газеты, когда она выходила регулярно. Более поздние номера «Трибуна народа» огромны.

28 Не имея возможности входить здесь во все обстоятельства этой борьбы, очейь сильно сказавшейся на политической обстановке того времени, отметим только, что позиции обеих сторон были достаточно слны. В первую очередь это относится, конечно, к «левым термидорианцам», «Вершине», членам Якобинского клуба: они стремились защитить своего единомышленника Каррье отчасти из ; принципа, а отчасти, понимая, что суд над ним превратится в суд над всей системой террора (как оно и случилось на самом деле). Такой процесс, запятнав в глазах общественного мнения всю систему якобинской диктатуры, создал бы одновременно прецедент, который можно было бы повернуть против многих ее бывших деятелей. Но с другой стороны, многие из них боялись, что, выступив в защиту Каррье, они окажутся лично замешанными в это дело, запятнают самих себя и свои идеи, связав их в глазах общественного мнения с защитой тех жестоких мер, к которым прибегал Каррье.

Однако не проста была позиция и «правых». Хотя им «дело» Каррье сулило большие преимущества во многих отношениях, они также боялись создать прецедент — прецедент нарушения того права неприкосновенности, которое давало им ощущение безопасности, прецедент нарушения прав Конвента и того почти религиозного уважения к нему, которое они стремились насадить. Эпизод с незаконным задержанием Каррье, породивший брошюру Бабефа, является поэтому чрезвычайно характерным. Не случайно и то, что негодующую речь по этому поводу в Конвенте произнес именно правый депутат.

29 *On veut sauver Carrier. On veut faire le proces au Tribunal revolutionnaire. Peuple, prend garde a toi. Paris, 1794.*

30 *Les battus payent l'amende ou les jacobins Jeannots. Paris, 1794.*

31. p.18—19.

32. p.19.

33 *Ibid.*, p.23.

34 *Ibid.*, p.24.

35 Этим, по нашему мнению, и объясняется разница между вымученным тоном первой части брошюры и страстностью второй.

36 *Voyage des jacobins dans les quatre parties du monde. Paris, 1794.*

37 Пожалуй, можно отметить еще один момент в брошюре, характерный для прежней линии Бабефа по отношению к якобинцам. По его словам, секция Кенз-Вен призвала их отказаться от «свирепых» теорий их «первосвященников» и вспомнить, что раньше, до того «как их сердца были канибадизированы», они были верными и просвещенными сынами свободы,

38 Последняя брошюра несколько более спокойна по тону — видимо, Бабеф оправился от первого потрясения, вызванного методами, которыми правые термидорианцы разогнали Якобинский клуб.

39 *Du systeme de depopulation ou la vie et les crimes de Carrier, depute de Cantal. Son proces et celui du Comite revolutionnaire de Nantes. Par Gracchus Babeuf. A Paris, An 3e de la Republique. (Далее: Du systeme...).*

40 *См.: Du systeme...*, p.9.

41 *Ibid.*, p.185—186.

42 *Ibid.*, p.186-187.

43 *Ibid.*, p.188.

44 *Ibid.*

45 *Ibid.*, p.189.

46 *Ibid.*, p.194.

47 Речь здесь идет, разумеется, о недавно объявленной амнистии вандейцам. Но не исключено, что Бабеф в какой-то мере имеет в виду и оправдание няятских федералистов, чьи действия, несмотря на «чистоту намерений», безусловно подпадали под всю строгость революционного законодательства.

48 В качестве наиболее ярких примеров сошлемся хотя бы на 24-й номер «Трибуна народа», где утверждается, что «душители» (*egorgeurs* — так названы в газете робеспьеристы) — это люди, которые публично заявляют, что лучше уменьшить наполовину население Франции, чем потерпеть хоть одного гражданина, нб разделяющего их убеждений, а также на брошюру «Хотят спасти Каррье», где в сжатом виде уже изложены основные идеи, развернутые затем в антаякобинской части памфлета. Именно в брошюре «Хотят спасти Каррье» Бабеф впервые называет Каррье *depopulateur*. В этой связи интересно отметить, что заявление Бабефа о том, что он якобы почерпнул сведения о существовании «системы уничтожения населения» (*depopulation*) из брошюры некоего Вилата «Тайные причины революции 9—10 термидора», не соответствует действительности. Хотя Вилат всячески чернит Робеспьера и его окружение, приписывая им злодейские замыслы, этого обвинения его брошюра не содержит.

49 О происхождении идеи «*depopulation*» см. также опубликованный Р.Леграном Адрес Бабефа с примечаниями публикатора (*Annales historiques de la Revolution francaise, 1973, N 4*). К этому надо добавить, что упомянутые выше слова Бабефа о его прежних «двусмысленных» сочинениях, сказанные в 28-м номере «Трибуна народа», относятся, по нашему мнению, не столько к памфлету, сколько к разобранной выше брошюре «с двойным дном» — «Битые платят штраф». На эту мысль наводят соображения хронологического и текстологического характера, которые здесь нет возможности привести.

50 *Du systeme...*, p.175.

51 То, что Бабеф не привел начальные главы памфлета в соответствие с заключительными, объясняется, как нам кажется, не только и не столько «техническими трудностями» (ему пришлось бы практически отбросить огромную часть брошюры), сколько в первую очередь некоторой неустойчивостью его политических взглядов в это время (он еще антаякобинец, демократ и ненавистник диктатуры, но уже начинает понимать, что нападки на Робеспьера и якобинскую диктатуру играют на руку врагам). Определенную роль должны были здесь сыграть также известные особенности публицистики того времени: если исходить из современных нам понятий, большинство авторов были тогда не слишком последовательны в изложении своих взглядов, и часто можно было наблюдать, как в газете, издаваемой одним и тем же лицом, предшествующий номер с точки зрения строгой логики сильно противоречил последующему (хотя система идей в целом оставалась, конечно, одной и той же). В немалой мере это относится и к газете Бабефа.

52 26 фримера был вынесен приговор по делу Каррье и членов нантского революционного комитета: три человека, в том числе Каррье, были приговорены к смертной казни, остальные оправданы (по пункту о «чистоте намерений»). Конвент счел приговор слишком мягким, назначил новый состав трибунала и постановил, что оправданные и отпущенные на свободу обвиняемые должны быть вновь арестованы. Это вопиющее нарушение всех юридических норм и вызвало возмущение Бабефа.

53 Вспомним хотя бы, что приближался знаменитый продовольственный кризис III года, решительный толчок которому дала отмена максимума, доживавшего последние дни. Но подробнее мы будем говорить об этом ниже, в связи с последними (перед арестом) номерами газеты Бабефа.

54 *См.: Gazette nationale ou Moniteur universel, N 82, decadi 22 fri-maire an III (12*

dec. 1794).

55 Du systeme..., p.160—161.

56 28-й номер «Трибуна народа» был напечатан в той же типографии, что и четыре брошюры Бабефа, — типографии Франклена на улице Клеры.

57 Впрочем, далее в тексте пойдет уже прямая переключка с заключительной частью памфлета. Наглая аристократия, пишет Бабеф, которая так старательно подчеркивает свой ужас перед пролитием крови, считает, что в деле Каррье ее было пролито недостаточно. Патриоты же, напротив, радуются оправданию людей, которые способствовали делу революции. Правда, их методы были очень крутыми, но обстоятельства, о которых нельзя забывать, узаконивали эти методы (за исключением, разумеется, прямых злоупотреблений).

58 Бабеф хвалит Фрерона за то, что он резко выступил против проповедуемой некоторыми депутатами идеи, будто угроза федерализма была в свое время выдумана Робеспьером. По этому поводу Бабеф сообщает, что вскоре выйдет его брошюра, специально посвященная этим вопросам. Видимо, это та брошюра, опубликование которой предотвратил Фуше.

59 По данным Матьеза, располагавшего всеми необходимыми документами, этот, третий за неполных 3 месяца, приказ об аресте Бабефа был издан 12 нивоза (см.: Матьез А. Термидорианская реакция. М., Л., 1931, с.71. [Полный текст в нашей библиотеке: http://www.diary.ru/~vive-liberta/p76446733.htm](http://www.diary.ru/~vive-liberta/p76446733.htm)). Бабеф датирует вызов в суд его издателя 14 нивоза, а визит к нему «альгвасилов» Комитета — ночью с 14-го на 15-е. По всей вероятности, он ошибается: 14 нивоза датирован допрос жены Бабефа, задержанной после того, как выяснилось, что ему удалось скрыться.

60 Хотя Баоафу, несомненно, приходилось и раньше время от времени ненадолго «исчезать», заявление его жены на допросе 14 нивоза, что он скрывается уже около 3 месяцев, вызывает сомнения. Оно явно направлено на то, чтобы обосновать ее отказ Казвать являющееся местопребывание мужа: она якобы ничего не может об этом знать, как как не видела его уже много недель.

61 В 28-м номере «Трибуна народа» открыто указывалась фамилия издателя Франклена. Номера с 29-го по 32-й выходят с указанием: отпечатано в типографии Трибуна народа (т.е. издатель анонимен).

62 Это не значит, что в них полностью отсутствуют соображения тактики, но это уже соображения иного рода: Бабеф, быть может, кое-где старается не отпугнуть возможных союзников, но уже нигде не затемняет и не искажает свою мысль из страха за себя или свою газету.

63 До сих пор не ясно, в какой типографии (или, может, в каких типографиях) печатал Бабеф эти номера своей газеты. Вряд ли он продолжал печатать их у Франклена — это было бы слишком опасно.

64 Tribun du peuple, N 29.

65 Оно не случайно; в 30-м номере, говоря о Фрероне и «его» золотой молодежи, он противопоставляет им «наших рабочих» и «наши предместья».

66 См.: Tribun du peuple, N 29, 30.

67 Мысль о том, что Франция сама способна производить все необходимое для ее населения, т. е. практически не нуждается во внешней торговле, заслуживает быть отмеченной, так как впоследствии она займет определенное место в коммунистических построениях Бабефа. Интересно, что он высказывает ее в самый разгар продовольственного кризиса.

68 См.: Tribun de peuple, N 29.

69 Максимум был официально отменен 4 нивоза III года (24 декабря 1794 г).

70 Имеется в виду адрес, в котором Конвент призывал торговцев предметами первой необходимости показать себя добрыми гражданами и не пользоваться отменой максимума для вздувания цен См Tribun du peuple, N 29

71 И снова Бабеф подчеркивает социальные контрасты, одновременно обрушиваясь на лицемерие правотермидорианских депутатов. Они учат народ печь хлеб из картошки и одновременно не стыдятся вдвое увеличивать свое депутатское содержание. Показательно, пишет Бабеф, что против последней меры протестовали как раз наиболее бедные депутаты См Tribun du peuple, N 30

72 Очень характерно для Бабефа, что его кругозор не ограничивается столицей, где он в данное время живет. Интерес к положению в провинции — очень важная и постоянная черта его деятельности

73 Следуют рассуждения о том, что это, возможно, единственный способ упрочить тираническое правление

74 См.: Матьез А. Указ соч, с.71.

75 См.: Tribun du peuple, N 29.

76 Ibid.

77 Ibid., N 30.

78 Характерно и то, что при определении сдержанном отношении к Робеспьеру из газеты Бабефа полностью исчезают прямые нападки на него.

79 См.: Tribun du peuple, N 31.

80 Или подстрекательства к таким актам — здесь он вступает и прямую борьбу с Фрероном.

81 Конечно, под «патриотами» он понимал очень широкий блок левых сил, но совершенно несомненно, что в это время Бабеф включал в него уже и якобинцев.

82 Т.е. та вражда между робеспьеристами и деятелями «крайне левой», которую события жерминаля II года довели до ожесточения.

83 В своем гневе на Одуэна Бабеф доходил до того, что один из номеров своей газеты (№ 9) чуть ли не целиком посвятил нападкам на него. Теперь же этот человек для Бабефа — «courageux Audoin».

84 Отметим попутно, что в 30-м номере Бабеф горячо вступает за Шалю.

85 Вскоре пострадавшие после событий жерминаля.

86 Tribun du peuple, N 31.

87 Матьез, правда, упоминает номер газеты «Vedette», согласно которому клуб после этого перешел в бывшее помещение кордельеров; но даже если это утверждение (вызывающее некоторые сомнения из-за содержащихся в нем хронологических неточностей) и соответствует действительности, видимо, там состоялось не более одного-двух заседаний. Клуб, как свидетельствовал сам Бабеф, и ранее был низведен до достаточно жалкого состояния. Удар, нанесенный ему секцией Музея, и продолжающиеся преследования со стороны правых термидорианцев должны были еще более сократить число его завсегдатаев, и он, видимо, просто сам собой перестал существовать. Во всяком случае он исчез и из газет, и из речей в Конвенте, и из известных нам полицейских донесений.

88 См.: Gazette française, 25 brumaire an III; Messenger du soir, 26 brumaire an III; Petite feuille de Paris, 4 frimaire an III (цит. по: Aulard A. Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le di-rectoire. Paris, 1898, t.1, p.245—271).

89 Moniteur, 27 frumaire an III.

90 См.:Tribun du peuple. N 29-31.

91 См.: Ibid., N 29—30. Бабеф имеет в виду, в частности, так называемый «закон против клеветы» и некоторые другие.

92 Tribun du peuple, N 30.

93 Ibid., N 31, 32.

94 Ibid., N 32.

95 Ibid.

96 96 Ibid., N 29.

97 Ibid., N 31.

98 Ibid., N 30. Непосредственным поводом к этим словам послужило введение шпионажа на трибунах Конвента.

99 Бабеф с большим удовлетворением упоминает о конкретных проявлениях этого народного недовольства, в котором видит обнадеживающий признак. Так, он с явной симпатией пишет о решении секции Гравийе, отказавшейся выразить, по предложению одного «лакея правительства», свои восторги Конвенту, заявив, что «когда народ лишен возможности высказать неодобрение, он не должен и одобрять» (см.: Tribun du peuple, N 29).

100 См.: Tribun du peuple, N 31.

101 См.: Собыль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966, с.283.

102 На необычность идеи указывает и тот факт, что после событий прериаля Военная комиссия специально расспрашивала Брута Манье, что он понимал под этим странным сочетанием слов — «мирное восстание». О Манье и соотношении его идей с идеями Бабефа см. ниже, в главе третьей.

103 Бабеф объявляет даже конкурс на лучший проект такого Адреса (N 31).

104 Jourrral de la liberte de la presse, N 18.

105 Эти слова не следует понимать как отрицание революционных потенций народа в эпоху термидора (достаточно вспомнить жерминаль), но несомненно, что его активность в это время заметно пошла на убыль и существование в условиях репрессий мощной народной организации было невозможно.

106 Очень интересны с этой точки зрения рассуждения Бабефа о вероятности победы народа в таком «мирном восстании». Сейчас, говорит он, у народа не меньше средств свергнуть угнетение, чем в 1789 г. Тогда тоже все общественные должности были заняты креатурами власти, а у народа не было ни места для собраний, ни признанных вождей, «ни какой бы то ни было организации, которая могла бы дать ему возможность порвать свои цепи». И все же он сумел одержать победу. Сейчас же он сильнее, чем тогда, ибо опыт революции дал ему сознание силы; а положение еще более отчаянное, чем в те времена, ибо нужда сильнее.

107 В 32-м номере о ней тоже говорится, но сравнительно бегло, а 33-й, как известно, так и не вышел.

108 В этом отношении он не был неправ; он лишь переоценивал размеры и возможности этой группы депутатов.

109 Впоследствии, когда Бентаболь выступит против предложения разоружить бывших якобинцев, а также против Фрерона и в защиту конституции 1793 г., Бабеф изменит свое отношение к нему. См. об этом ниже, с. 130.

Тальен утверждал, помимо всего прочего, что Бабеф — подставное лицо Фуше. Благодаря этому обвинению мы знаем о существовании неопубликованной и до сих пор не найденной брошюры Бабефа в защиту событий 31 мая. По существу же подобное обвинение смешно сейчас и разбирать: Тальен, может быть, искренне верил в то, что говорил, но с тех пор история достаточно ясно показала,

кто такой Бабеф и кто — Фуше.

ГЛАВА 3. БАБЕФ В ТЮРЕМНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ. ЗАВЕРШЕНИЕ ИДЕЙНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Тот важнейший в жизни Бабефа период, каким оказалась для него эпоха термидора, распадается как бы на два отрезка: первые шесть с половиной месяцев, проведенные Бабефом на свободе, и около восьми с половиной месяцев, в течение которых он находился в тюрьмах Парижа, Арраса и снова Парижа. В эти последние несколько месяцев Бабеф, несмотря на довольно строгий надзор, вел обширную, интенсивную переписку. К сожалению, нам известно лишь несколько из множества писем, написанных в это время Бабефом. К группе документов, исходящих непосредственно от Бабефа, следует отнести также его памфлет «Террористы к фурористам Арраса» и обращение к «инфернальной армии» города Арраса. Об этих документах и обстоятельствах, вызвавших их к жизни, а также о некоторых документах из архива М.-А. Жюльена мы будем говорить ниже.

Печальную участь, постигшую письма Бабефа к разным лицам, разделили и ответные письма этих людей к Бабефу — из них сохранились лишь единицы. Счастливое исключение представляет переписка Бабефа с молодым гусарским офицером, убежденным робеспьеристом и будущим активным участником Заговора во имя равенства Шарлем Жерменом. Правда, из многочисленных писем к нему Бабефа уцелело лишь одно — но первостепенной важности. Письма же Ш.Жермена к Бабефу сохранились почти полностью¹. Конечно, источник этот носит несколько своеобразный характер, поскольку идей Бабефа отражены в нем лишь косвенно. Тем не менее значение этих нескольких десятков писем трудно переоценить: они являются основой всего, что мы знаем об этом периоде жизни Бабефа².

* * *

Граф Бабеф был арестован во второй половине плювиоза III года (видимо, 19 плювиоза, хотя сведения на этот счет несколько расходятся), а 25 вантоза его перевели из Парижа в аррасскую тюрьму Бодэ (Baudets). Таким образом, когда произошли известные события 12 жерминаля, он не только был лишен свободы, но и находился даже вне Парижа. На первый взгляд кажется парадоксальным говорить о его возможной связи с этими событиями. Тем не менее постановка подобного вопроса вполне закономерна.

Такие историки, как А.Матьез, П.П.Щеголев, К.П.Добролюбский, уже отмечали чрезвычайное сходство планов и идей, которые излагал и пропагандировал Бабеф на страницах своей газеты незадолго до ареста, с тем, как развивался ход событий 12 жерминаля III года. Чтобы понять, не было ли это случайным совпадением, надо представить себе, каким влиянием пользовалась в то время газета Бабефа.

В первой главе уже отмечалось, что Бабеф сумел сделать свою газету популярной. В добавление к приведенным там данным можно сослаться на свидетельство издателя газеты Гюффруа, который в письме о разрыве с Бабефом пишет, что с материальной точки зрения он заинтересован в том, чтобы продолжать издавать его газету, и что разрыв вызван исключительно идеологическими соображениями³. Непопулярная газета не могла быть выгодной в коммерческом отношении. Правда, это письмо относится к несколько более раннему периоду, но у нас нет никаких оснований предполагать, что газета стала менее популярной. Последние перед арестом номера газеты, вышедшие через два месяца после разрыва с Гюффруа, разошлись двумя изданиями.

Следовательно, можно смело утверждать, что если к моменту переворота 9 термидора Бабеф, хотя и успевший в 1793 г. завязать определенные связи в левых кругах Парижа, все же не пользовался еще по-настоящему широкой известностью⁴, то с выходом в свет его газеты положение резко изменилось. О весомости, значительности пропаганды Бабефа свидетельствуют и обстоятельства его ареста. Далеко не всякий автор «подстрекательских» брошюр или статей удостоивался внимания Конвента⁵. Резкие нападки в Конvente на Фуше, как якобы друга и единомышленника Бабефа, говорят о том же⁶.

Интересно отметить, что даже после ареста Бабефа его политические противники стремились скомпрометировать его в глазах парижского населения: они выпустили афишу, воспроизводящую отмененный судом семь месяцев назад приговор Бабефа к 20 годам каторжной тюрьмы по делу о «подлоге». Бабеф ответил из тюрьмы другой афишей, которую его друзья распространили по городу. Этот факт с полным сочувствием к арестованному был отмечен в «Друге народа» (афиша против Бабефа была названа там клеветнической)⁷.

Наконец, у нас есть косвенное свидетельство того, что пропаганда Бабефа доходила до его аудитории. В своей работе «Жерминаль и прериаль» Е.В.Тарле цитирует донесение одного полицейского чиновника, относящееся к периоду уже после ареста Бабефа, в котором сообщается, что рабочие в разговорах называют Конвент «сенатом Кобленца». Это чрезвычайно характерное выражение придумал и пустил в оборот в своей газете именно Бабеф. Известен также относящийся к более позднему периоду (после прериальских дней) эпизод с Брутом Манье. Этот молодой якобинец находился в тюрьме города Ренна (он был арестован почти сразу же после 9 термидора). В отчаянии от поражения, понесенного народом Парижа в прериале, он написал сам на себя донос в «гнусный комитет всеобщего опустошения» (так он называл Комитет общественной безопасности), утверждая, что именно он составил и переслал в Париж план, по которому действовали восставшие. В ходе следствия он заявил, что составил этот план под влиянием идей одного патриота о «мирном восстании» против нынешних властей. Манье отказался назвать имя этого патриота, сказав, что он не доносчик. Но догадаться, кого он имел в виду, нетрудно. Это в высшей степени необычное сочетание слов — «мирное восстание», эта оригинальная и любопытная идея были главным пунктом пропаганды

Бабефа в последние месяцы перед арестом⁸. Все эти многочисленные, хотя, может быть, и носящие несколько косвенный характер, факты говорят о том, что идеи Бабефа находили несомненный отклик и распространение среди тех, на кого была рассчитана его пропаганда.

Пусть эти слова не будут ложно истолкованы. Мы вовсе не хотим изобразить Бабефа своего рода «идейным отцом» жерминаля. Всякий, кто просматривал хотя бы только публикацию Олара о жизни Парижа в эпоху термидора, не мог не быть поражен чудовищными картинами народной нищеты, лишений, фантастического роста цен, — картинами, встающими не откуда-либо, а из благонамереннейших полицейских донесений. Нет ни малейшего сомнения, что жерминальские события породила прежде всего нужда. И все-таки не только нужда. 12 жерминаля народ пришел в Конвент требовать главным образом хлеба — но и конституции 93 года. В этом нет ничего удивительного. Прошедший огромную школу революции, народ Парижа (особенно его наиболее активная и сознательная часть) привык связывать свои экономические требования с идеологией, с политикой. Агитация такого рода падала на благодатную почву. А такая агитация велась, и притом активно. Упомянувшиеся только что полицейские донесения, опубликованные Оларом, наряду с многочисленными сообщениями о волнениях, возникающих вокруг продовольственных магазинов, о ропоте женщин, об актах стихийного недовольства наемных рабочих чрезвычайно низкой заработной платой говорят и о сознательных действиях возмущающих массы агитаторов. Там же приводятся сведения и о шедшей в то время настоящей войне афиш, причем полиции зачастую не только не удается найти авторов «подстрекательских» листов, но даже и выяснить, где они печатались⁹. Вот в этой-то своеобразной «подготовительной работе» к жерминалю Бабеф, несомненно, принял самое активное участие. Мы можем с полным основанием считать, что сначала его непосредственная пропаганда, а в дальнейшем выдвинутые им идеи сыграли в этой подготовительной кампании заметную роль.

Но у проблемы «Бабеф и жерминаль» есть и другая сторона, в данном случае для нас еще более важная, а именно проблема «жерминаль и Бабеф» (точнее сказать, «события жерминаля—прериалья и Бабеф»). Иными словами, нас интересует не только возможная роль Бабефа и его идей в событиях весны 1795 г., но и то впечатление, которое неизбежно должны были оказать на него эти события.

У нас нет прямого свидетельства Бабефа о том, что, по его мнению, парижский народ попытался осуществить именно то, к чему он его призывал. Однако до нас дошел отрывок из «Письма Трибуна к Антуанскому предместью и всем санкюлотам Парижа»¹⁰, в котором Бабеф восторженно отзываясь о действиях восставшего народа. В письме к Фуше от 19 жерминаля Бабеф говорит, что он хочет обсудить с Фуше «великую битву, только что проигранную нами». Такого рода выражения показывают, что он расценивает события 12 жерминаля как свое кровное дело. Но в таком случае мог ли он не сделать выводов из поражения, которое потерпели восставшие (и не только в жерминале, но и особенно в прериале, ибо вторичное поражение уже не могло быть

случайностью)?

Зимой III года в политических взглядах Бабефа назревает и начинается очень серьезный перелом. И все же в тюрьму он попадает еще сторонником не то чтобы ненасильственных, но во всяком случае мирных методов, идеологом мирного восстания и действий широких народных масс. А через восемь с половиной месяцев из тюрьмы выходит глава и идеолог будущего Заговора во имя равенства. Практически этот срок — восемь с половиной месяцев — слишком велик, ибо сторонником и организатором вооруженного заговора Бабеф, несомненно, стал уже в начале лета. Естественно встает вопрос: когда и каким образом произошел в нем этот значительный поворот? Есть все основания полагать, что огромным толчком послужило для Бабефа поражение тех *journees*, на которые он перед арестом возлагал столько надежд.

Первое из дошедших до нас писем Бабефа аррасского периода датировано 19 жерминаля и адресовано Фуше. Это письмо написано еще человеком, целиком связанным с идеей мирного восстания. Объясняя Фуше, почему он не написал ему раньше, Бабеф пишет: «Я был также занят кое-какими трудами, которые я начал, но которые последние обстоятельства, весьма прискорбные для нас, сделали совершенно бесполезными и не своевременными» (*hors de saison*). Характер этих «трудов», видимо, ясен и без особых комментариев. Это — середина жерминаля. А 21 прериала началась его переписка с Жерменом¹¹, и уже из первых писем становится ясно, что у Бабефа к этому времени сложился некий «план» и это, несомненно, план коммунистического заговора.

Что же произошло за эти два месяца? Ответ напрашивается сам собой: потерпела поражение вторая попытка устроить *journee* по образцу 31 мая—2 июня 1793 г., были разгромлены прериальские повстанцы. Это не значит, конечно, что до 1—4 прериала Бабеф еще связывал все свои надежды с мирным восстанием, а начиная с 5 прериала стал срочно разрабатывать новый план, который и был готов через две-три недели.

Выше уже отмечалось, что в Аррасе Бабеф развил чрезвычайно бурную эпистолярную деятельность. Судя по всему, это в полной мере относится и к наименее освещенному источниками периоду его аррасского заточения — с жерминаля по середину прериала. Переписка Бабефа носила отнюдь не личный характер: он пытался связаться с людьми, известными своими крайне левыми убеждениями и революционной решительностью. Первое из этих писем — письмо к Фуше от 19 жерминаля¹².

Следующий документ датирован 27 жерминаля. Это — письмо гражданки Шометт (возможно, вдовы или родственницы прокурора Парижской Коммуны?), которая поддерживает постоянную связь с женой Бабефа. В письме содержатся сведения о прискорбном политическом положении, не оставляющие никаких сомнений относительно взглядов его автора¹³. Та же гражданка Шометт несколько позднее, 5 флореаля III года, адресует Бабефу еще одно обширное и интересное письмо. Она снова делает обзор политического положения, пишет о страшной нищете в Париже, о том, что солдаты сочувствуют народу, и т.п. Особенно

интересны те места письма, где она сообщает Бабефу, что выполнила его поручение и показала его письмо патриотам. Среди прочего она отмечает, что патриоты «очень надеются, что наш заговор и демократия восторжествуют невзирая на все клики». «Поэтому я призываю вас, — продолжает автор письма, — почаще писать нам, как вы и обещали, а также постараться прислать нам какое-нибудь коротенькое сочинение, которое мы могли бы напечатать», чтобы пробудить «дремлющий» народ Парижа, который смирился со своей нищетой¹⁴.

10 флореаля к Бабефу обращаются двое бывших военных¹⁵, Брибон и Робен, сообщая ему, что беспрепятственно прибыли в Париж, но здесь были арестованы и пишут уже из тюрьмы. Они заверяют его, что их чувства неизменны, что они верны «объединяющему нас духу братства», и просят Бабефа сообщить им «новости о друзьях»¹⁶.

20-м флореаля датировано письмо Коше, сподвижника Ж.Лебона, написанное в тюрьме города Сент-Омер и адресованное «моему другу Бабефу». Письмо не оставляет ни малейшего сомнения в том, что Бабеф успел хорошо познакомиться за это время с другим сподвижником Лебона и другом писавшего — Таффуро (будущим активным участником заговора). Коше сообщает Бабефу, что шестеро республиканцев приговорены к высылке в три разных города; Таффуро отправляют в Лилль, а его самого — в Дулан (*Doulens*) или Дуэ. Прибыв на место, продолжает Коше, он первым делом разузнает, возможно ли будет переписываться, не подвергаясь особому риску. Чрезвычайно характерно, что он просит прислать ему адреса «нескольких славных парней» (*quelques bons bougres*) в Париже, намекая, что не собирается надолго задерживаться в месте ссылки, а хочет бежать и посвятить себя делу¹⁷.

9 прериала те же Робен и Брибон (возможно, они тоже сподвижники Лебона: из письма явствует, что оба хорошо знают Таффуро, хотя не исключено, что они познакомились с ним в тюрьме) уведомляют «своего друга Бабефа», что их, вероятно, собираются отправить как можно дальше, чтобы помешать им общаться «с нашими друзьями, еще находящимися под гнетом их безрассудного командования». Они просят Бабефа информировать их о событиях в Париже, так как до них доходят самые противоречивые слухи. Наконец, они извещают его, что, находясь в Лилле, не сумели повидать Таффуро и Сено и передать им письма. Они просят Бабефа сказать, что им теперь делать с этими письмами, содержания которых они не знают. Об активной связи Бабефа с проякобинскими элементами в самом Аррасе свидетельствует и письмо жены Лебона, сообщаящей мужу, что «все друзья находятся в постоянных сношениях с Бабефом»¹⁸. Как видим, еще до 21 прериала Бабеф энергично старается сплотить вокруг себя людей левых, радикальных, активно недовольных термидорианскими порядками.

Естественно задать вопросом: какой характер носила эта деятельность, не было ли здесь уже какой-то зачаточной попытки заложить основы коммунистического заговора? На такую мысль прямо наталкивает, в частности, приведенный отрывок из письма г-жи Шометт.

Все же у нас нет материала для однозначного ответа на этот вопрос. Сама по себе эта деятельность не является доказательством: общеизвестно, что тюрьмы, переполненные в то время людьми, которых принято было называть «патриотами», представляли собой в эти месяцы нечто вроде политических клубов. Поведение Бабефа на первый взгляд мало чем отличалось от поведения многих других заключенных, хотя на самом деле это было не так: его выделяли особая энергия и целеустремленность в установлении связей, а также их широкий «географический охват» (Бабеф ведет переписку с людьми из целого ряда городов, в то время как обычно связи политических заключенных не выходили за пределы тюрем, где они находились, в крайнем случае — нескольких тюрем одного города). Вполне очевидно, что деятельный по натуре, пытающийся во всех случаях они действовать активно, Бабеф¹⁹ стремился не просто к обмену мнениями с единомышленниками. Цитированные выше уцелевшие фрагменты его обширной переписки явно свидетельствуют об определенном заговорщическом характере всех этих связей. И это уже не совсем совмещается с прежней идеей мирного восстания, широкого народного действия, хотя полностью ее не отрицает. Во взглядах Бабефа происходит несомненный сдвиг. Но все же счесть это прямым доказательством его поворота к коммунистическому заговору уже в это время нельзя. Косвенным свидетельством служит как будто бы то, что Робен и Брибон, люди, бесспорно относящиеся к числу «патриотов», не знают, каково содержание писем, которые они должны передать Таффуро и Сено. Тема осторожности в приобщении посторонних, хотя и вызывающих доверие людей к «нашему святому делу» займет впоследствии немалое место в переписке Жермена с Бабефом. Однако на такого рода соображениях, так же как и на одной фразе из письма, весьма опасно строить далеко идущие выводы.

Мы можем с уверенностью утверждать только следующее. В период, предшествовавший аресту, взгляды Бабефа на демократию и диктатуру претерпели значительные изменения. Он еще за демократические методы борьбы, ибо мирное восстание, при всем насильственном характере этой меры, есть способ навязать ничтожному меньшинству волю большинства невооруженными действиями (по сути дела простой демонстрацией этой воли). Но в своеобразной «подпочве» его идей зреют предпосылки для иного образа мыслей — их выковывает сама действительность. Поражение мирного восстания 12 жерминаля послужило тем толчком, который вызвал эти мысли на поверхность, — сохранившиеся письма, по нашему мнению, красноречиво свидетельствуют об этом. Громовой удар 1—4 прериаля, окончательный крах надежд на успех нового революционного «дня» способствовали кристаллизации и оформлению этих мыслей. Именно поэтому меньше месяца проходит между поражением прериаляского восстания и составлением принципиально важного, абсолютно отличного от всего, что Бабеф писал до ареста, документа, который Жермен в переписке с Бабефом называет «твой план»²⁰.

Здесь мы, естественно, переходим к изучению основного источника по данной теме — переписки Бабефа и Жермена. Первый вопрос,

который возникает — как велась эта переписка между двумя людьми, заключенными в разные тюрьмы одного города (Бабеф находился в тюрьме Бодэ, расположенной на улице того же названия, а Жермен — в здании, принадлежавшем некогда доминиканцам, которое он в своих письмах так и называет: *maison des dominicains*). Судя по многочисленным упоминаниям в письмах Жермена, роль «почтовых голубей» выполняли, по всей вероятности, дети. Черта, довольно характерная для своеобразных нравов, распространенных в тюрьмах того времени: видимо, это главным образом дети тюремщика (или тюремщиков), о чем есть прямые упоминания в тексте, хотя не исключено, что иногда ту же роль выполняли дети товарищей по несчастью (тон упоминаний о «маленьких вестниках» слегка варьируется от письма к письму).

Вероятно, у Жермена была какая-то возможность убедиться в том, что письма не попадали к родителям его гонцов прежде, чем к адресату, так как некоторые из этих писем довольно откровенны. Простое запечатывание письма вряд ли могло служить достаточной мерой предосторожности. Однако оба корреспондента, должно быть, понимали некоторую ненадежность подобного способа переписки, и это, несомненно, сказалось на ее характере. Хотя с современной точки зрения и не очень осторожные, письма эти о многом все же говорят вскользь, намеками, с многозначительными многоточиями и умолчаниями. По той же причине они при каждом удобном случае старались использовать для такого рода услуг навещавших их друзей или освободившихся товарищей по заключению, с облегчением отмечая в письме, на этот раз передают его через вполне надежного человека²¹.

Кроме того, уцелевшие письма к Бабефу, адресованные ему из других городов, показывают, что он старался найти среди местных «патриотов» заслуживающего доверия человека, который играл бы роль своего рода «почтового ящика»: письма к Бабефу шли на его адрес, а он затем переправлял их заключенному. Сохранившиеся надписи на конвертах свидетельствуют, что одно время таким посредником был некто Госс, «производитель общественных работ» (*conducteur des travaux publics*)²². Не исключено, что этот канал частично использовался и для связи между тюрьмами Арраса.

Возможно, что Жермен изыскивал и какие-нибудь Дополнительные способы налаживания контактов. У него было в этом отношении больше возможностей: судя по письмам, за ним наблюдали гораздо менее строго, чем за Бабефом. В этой связи будет, вероятно, уместно сказать несколько слов по поводу положения Бабефа как заключенного и его поведения в тюрьме.

При всех своих неоднократных арестах Бабеф проявлял себя как человек чрезвычайно активный. С первых же дней, иногда с первых же часов, тюремного заключения он начинал энергичную и неустанную борьбу за свое освобождение. Его пребывание в тюрьме в III году Республики не было в этом отношении исключением. Уже 21 плювиоза — через день после ареста — он пишет обращение к Комитету общественной безопасности, опровергая обвинение в причастности к

мнимому заговору, с которым накануне выступил против него в Конвенте депутат Матье. Наряду с этим вымышленным обвинением Бабеф стремится отвести от себя и настоящие, стараясь так прокомментировать инкриминируемые ему цитаты из «Трибуна народа», чтобы они приобрели, по возможности, безобидный характер. Одновременно он резко обрушивается на Фрерона, выступившего с нападками на конституцию 1793 года²³. Вслед за этим он пишет два письма Бентаболю. Первое до нас не дошло, а во втором, от 28 плювиоза, он горячо одобряет Бентаболя за его выступление против Фрерона и призывает заменить арестованного трибуна народа и продолжать свою деятельность в защиту конституции 1793 года и священных прав человека²⁴. Таким образом, он сочетает борьбу за свое освобождение с политической борьбой, — линия поведения, свойственная ему еще во времена его первого ареста в 1790 г.²⁵

Однако на этот раз его деятельность в тюрьме отличает еще одна черта. Это — борьба за свои права как политического заключенного. Уже в упомянутом письме к Бентаболю он выражал возмущение тем, что жене не разрешают свидания с ним, а также ограничивают его право «сноситься с живыми людьми»²⁶. Тюремщик арестного дома на ул. дез Орти в Париже (куда Бабеф был переведен из тюрьмы Ла Форс после нескольких дней заключения) неоднократно жаловался, что Бабеф в самой резкой форме требовал от него разрешения на свидание с женой, а также иными способами нарушал порядок. В конечном счете 16 вантоза он просил власти перевести Бабефа в другую тюрьму, ссылаясь на сведения о существующем плане побега, но, вероятнее, просто потому, что хотел избавиться от беспокойного арестанта²⁷.

По прибытии в Аррас Бабеф продолжает борьбу за свои права и права других заключенных. Сохранились три его письма местным должностным лицам от 14 и 29 жерминаля и 1 фрюктидора III года, в которых он требует улучшения условий их содержания, а также протестует против перлюстрации писем и ограничения права на свидания²⁸.

Чтобы не возвращаться больше к вопросу о положении Бабефа как заключенного, коснемся в нескольких словах того его аспекта, который должен был особенно остро ощущаться Бабефом — преданным мужем и очень нежным отцом. Попав в тюрьму, Бабеф оставил свою семью без всяких средств к существованию. Более того, он невольно оказался для них бременем, ибо жена неизменно старалась присылать ему деньги, еду и одежду и тратила много времени и сил на хлопоты о его освобождении. В ЦПА ИМЛ сохранилось несколько писем сына Бабефа, свидетельствующих об их поистине трагическом положении. В недатированном письме Эмиль Бабеф сообщает, что семья голодает, хлеба нет совсем, едят одну картошку и той не хватает²⁹. В письме от 30 мессидора он извещает отца о смерти своей сестренки и снова пишет о тяжелой нужде, в которой они живут. Единственный источник существования — заработки его матери (которые в ее положении могли быть только случайными). Люди, на чью помощь Бабеф рассчитывал, им не помогают. В этой связи Эмиль Бабеф упоминает о визите к «депутату с ул. Конвансьон», который дал им 10 ливров, сказав, что сам небогат, и

отказался хлопотать о Бабефе³⁰. Сопоставление этих сведений с началом 35-го номера «Трибуна народа» позволяет предположить, что имя этого депутата — Фуше³¹.

Но если человек типа Фуше способен был бросить на произвол судьбы семью арестованного республиканца, считавшего его своим другом, то те же немногочисленные письма из архива Бабефа рисуют нам и другую, значительно более отрадную картину — картину подлинного братства, взаимной выручки и поддержки, существовавших между семьями заключенных, а также и некоторыми патриотами, оставшимися на свободе. Из двух писем гражданки Шометт видно, что она в это время очень близка с женой Бабефа и всячески ей помогает. Предлагая Бабефу, как уже говорилось³², прислать какое-нибудь коротенькое сочинение для опубликования³², она особо подчеркивает, что все деньги, которые даст продажа этого сочинения, сверх покрытия расходов по печатанию, пойдут жене Бабефа³³. Она же сообщает чрезвычайно любопытный факт: Дюэм, бывший некогда объектом острой критики Бабефа, незадолго до своего ареста передал жене Бабефа 125 ливров и обещал и впредь заботиться о ней, — к несчастью, он был лишен возможности сдержать это обещание³⁴.

Еще одно интересное письмо на ту же тему датировано 21 флореаля. Оно отправлено из Арраса и подписано лишь инициалами. Писавшая его женщина сообщает Бабефу, что от имени своего мужа посылает ему билет в 125 ливров. «Мы счастливы, что можем оказать вам эту услугу. Это — долг, который истинные патриоты обязаны выполнять по отношению друг к другу. Мы очень рады, что нам представился случай исполнить этот долг по отношению к доброму республиканцу. Нам известна ваша репутация патриота, и этого для нас достаточно. Мы не слишком состоятельны, и к тому же у нас довольно большая семья; но все равно то небольшое, чем мы располагаем, находится в распоряжении подлинных друзей родины». В конце автор письма сообщает, что деньги не следует им возвращать. «Напритиё, и впредь не скрывайте от нас свои нужды»³⁵.

12 фрюктидора гражданка Ренье Лебон, к которой Бабеф, видимо, обратился за помощью, пишет ему, что, к сожалению, не может сейчас выполнить его просьбу, ибо сама совершенно без средств. Но она в свою очередь просила о помощи мать и, как только получит от нее деньги, с радостью поделится ими с Бабефом³⁶.

Из писем видно, что Бабеф и его семья были не только объектом забот. 10 фрюктидора близкие Бабефа сообщают ему, что жена Данеля (о нем пойдет речь впереди) заболела и г-жа Бабеф забрала ее к себе³⁷. 12 фрюктидора Данель пишет Бабефу о своей горячей благодарности его жене за эту помощь, оказанную, несмотря на все материальные тяготы³⁸.

Таков был дух, царивший среди «патриотов» и их близких, — они поистине чувствовали себя принадлежащими к своего рода братству³⁹. Эти люди недаром звались «санкюлотами» — они были бедны, и по размерам вся эта взаимная помощь была невелика. Но она позволяла как-то продержаться в трудные времена. Главное же, она означала не только материальную, но и моральную поддержку, помогала побеждать

уныние, создавала ощущение единства, сплоченности и братства, рождала надежды.

* * *

Перейдем теперь к характеристике «плана» Бабефа. Прежде всего следует с огорчением констатировать, что документ этот до нас не дошел. Мы можем судить о нем только по косвенному и довольно скудному его отражению в письмах Жермена. Скудному отчасти потому, что Жермен, вероятно, к большому удовольствию Бабефа, но к неудовольствию историка, принял этот план с энтузиазмом. Polemika дала бы в этом смысле гораздо больше.

Первое, что можно утверждать с полной уверенностью, — это коммунистический характер «плана».

«Равенство», «абсолютное равенство», «святое равенство» занимают сначала большое, а затем и главенствующее место в переписке Бабефа и Жермена. Жермен даже обращается к Бабефу «mon egal», а прощальной формулой в письмах нередко служит «salut en egalite sainte»⁴⁰. Равенство — естественная потребность человека, закон природы. Только равенство обеспечит народу то счастье, ту справедливую систему, к которой он тщетно стремился в ходе революции.

К сожалению, отсутствие «плана» мешает нам составить *цельное* представление о том, как рисует себе в это время Бабеф (и Жермен) это «общество всеобщего счастья». Тем не менее именно по этому важнейшему вопросу мы располагаем двумя чрезвычайно интересными документами, которые позволяют представить себе если и не всю картину будущего общества, то по крайней мере некоторые ее существенные черты. Мы имеем в виду письмо Жермена от 5 термидора III года и написанное в ответ на него второе письмо Бабефа от 10 термидора III года⁴¹.

Настоятельно побуждаемый Бабефом высказаться относительно его «плана», Жермен пишет ему длинное письмо. Сначала он дает очень высокую, хотя и лишённую конкретности оценку плану в целом («кодекс, достойный самих Гракхов», «обобщение всего, что друзья человечества, истинные философы, высказывали урывками здесь и там»), а затем переходит к его рассмотрению под оригинальным углом зрения: что могли бы возразить против него враги этого плана и как можно парировать их возражения.

Наиболее серьезными представляются Жермену следующие возражения: в подобном обществе будут уничтожены торговля и промышленность, узаконены лень и безделье; неизбежно тяжелый удар будет нанесен и по сельскому хозяйству, так как для защиты нового общества придется призвать огромное количество людей под ружье, лишив тем самым сельское хозяйство рабочих рук; иностранные государства, разумеется, не станут продавать коммунистической общине продукты питания: зачем им отогревать на своей груди змею, которая, окрепнув, их ужалит; в результате народ, который намереваются сделать самым зажиточным и счастливым на Земле, будет ввергнут в состояние полной нищеты.

Хотя все эти соображения Жермен называет «чепухой», он все же считает нужным подробно на них ответить, ибо их «ложная глубина» может «обескуражить народ».

Прежде всего он рассматривает вопрос об уничтожении торговли. Ссылаясь на многочисленные исторические примеры (с современной точки зрения правильнее было бы сказать псевдоисторические) — Спарту, Тир, Карфаген и т.п., Жермен доказывает, что торговля — яд для общества. Во все времена она приводила лишь к тому, что насаждала в обществе вкус к роскоши, а это в свою очередь вело в политическом отношении к тирании, а в экономическом, после недолгого процветания, к разорению и гибели. Франция обладает великолепными ресурсами и производит достаточно для того, чтобы удовлетворить все реальные потребности ее населения. Справедливая организация производства («ни один уголок, способный производить, не останется в небрежении») и особенно распределения («передача всеобщего продукта во всеобщее пользование») не только не разорят ее, но многократно умножат ее богатства.

Промышленность отнюдь не будет уничтожена. Напротив, она расцветет. В первую очередь это произойдет благодаря постоянному и правильному управлению ею со стороны общества. «Уничтожим ли мы промышленность тем, что организуем ее, будем ею управлять, не позволяя предпринимать ничего лишнего и бесполезного, предписывая каждому его задачу, постоянно соотнося количество производимого продукта с нуждами потребления, все приводя в гармонию...?»⁴² Второй источник расцвета промышленности — это мощный приток рабочих рук за счет нынешних «бездельников», т.е. людей, которые либо просто не работают, либо заняты «пустяками» (des futilites). В новом обществе они будут вынуждены работать для всеобщего блага.

Очень интересны соображения Жермена относительно организации сельского хозяйства. Он считает, что на первых порах земля будет перераспределена небольшими участками во временную собственность «освобожденным людям». Новые владельцы должны будут защищать и обрабатывать эти участки. В результате, во-первых, не останется ни одного невозделанного клочка земли (в то время как раньше существовали огромные территории, обреченные на бесплодие ради прихоти богачей), а, во-вторых, крестьяне чрезвычайно скоро поймут преимущества коллективного и научно организованного сельского хозяйства. Истина эта кажется ему столь очевидной, что он не затрудняет себя особыми доказательствами. Из контекста можно понять, что государство, видимо, будет руководить «депозитариями земли» в ведении хозяйства, именно таким путем и демонстрируя им преимущество крупного и научно обоснованного хозяйства над мелким и хаотичным. В результате, считает Жермен, чрезвычайно скоро наступит момент (le moment necessairment tres rapproche), когда эти временно разделенные участки сольются в общую собственность (domain commun).

Что же касается угрозы сельскому хозяйству из-за нехватки рабочих рук, вызванной конскрипциями, то Жермен прежде всего не считает, что будущему обществу «равных» потребуется большая армия. В самом деле, если предполагают создать ее для того, чтобы бороться с армией правительства, то это практически не требуется: правительство ничего не сумеет противопоставить притягательной силе программы «равных», и его солдаты перейдут на их сторону⁴³. Если же имеется в виду необходимость защиты от иностранных армий, то достаточно вспомнить, что силы человека, который сражается за истинную свободу и подлинное счастье, удесятятся. Разве французы уже не научили иностранных деспотов, что они «умеют быть хозяевами у себя дома»? С другой стороны, как бы многочисленны ни были возможные конскрипции, опыт показал, что они не обезлюдят сельское хозяйство, ибо для него на поверку требуется гораздо меньше рабочих рук, чем обычно думают. Ведь и сейчас на границах Франции находится свыше 1,5 млн. человек, а разве пострадало от этого сельское хозяйство?

И наконец, последнее соображение воображаемых оппонентов⁴⁴ — иностранцы откажутся торговать с республикой «равных». Все вышесказанное, по мнению Жермена, убедительно доказывает, что Франция в этом не будет нуждаться. Но есть и другая сторона проблемы. На первых порах всякая связь с иностранными государствами, будь то экономическая или политическая, не только бесполезна, но и прямо опасна: деспоты и их подручные могут посеять смущение в умах своими подлыми софизмами. Поэтому сразу после переворота надо полностью изолироваться, окружить себя железной стеной (*terrapart d'acier*) — пренебрежение этим требованием может оказаться роковым. И только когда «всеобщее счастье прочно утвердится», пишет Жермен, когда новое общество почувствует себя достаточно сильным, чтобы не опасаться какого-либо «святотатственного покушения», оно будет разрешать «рабам» из-за рубежа приезжать и созерцать картину его счастливой жизни, чтобы они могли брать с него пример.

Каких именно «подлых софизмов» в первую очередь опасается Жермен? Думается, что ответ на этот вопрос мы находим в том месте письма, где он особо предостерегает народ против людей, которые с помощью «лживой арифметики» будут уверять, что равное распределение означает всеобщую нищету. Не говоря уже о том, что сами их подсчеты ошибочны и не выявляют сути дела, они вдобавок и построены на ложных основаниях, так как ведутся в деньгах, в то время как речь идет о том, чтобы распределять не деньги, а предметы потребления, которых неизбежно станет больше, по изложенным выше причинам. Как выражается Жермен, изменится «природа благосостояния».

Естественно, что общество, которое возникнет на этой принципиально новой базе, будет выгодно прежде всего беднякам, трудящимся и на них рассчитано. Но — и эту характерную мысль Жермен, вероятно, заимствовал у Бабефа, неоднократно утверждавшего то же самое⁴⁵, — объективно оно выгодно и богачам: как бы богат ни был человек, в современном обществе он не может быть уверен, что

состоянию его ничто не угрожает и что дети его не умрут в нищете; при новом порядке все смогут быть абсолютно спокойны за обеспеченное будущее своих детей⁴⁶. Вывод из этих слов Жермена напрашивается сам собой: они борются за общество поистине всеобщего счастья, общество, которое выгодно всем⁴⁷.

10 термидора Бабеф ответил на это письмо Жермена подробнейшим письмом. Он горячо одобряет намерение Жермена заранее предвидеть возражения врагов равенства. Жермен, по мнению Бабефа, вполне удачно опровергает эти возражения, но все-таки кое-что при этом упускает. Поэтому Бабеф решил дополнить его аргументы, чтобы в них не оставалось уязвимых мест, которыми могут воспользоваться враги. Прежде всего он обращается к вопросу об «уничтожении торговли». Жермен совершенно справедливо приводит в своем письме исторические примеры, показывающие ее гибельность для общества. Но, чтобы в этом убедиться, не обязательно обращаться к Тиру и Карфагену, достаточно оглянуться вокруг себя. Защитники торговли говорят, что она должна все оживлять и доставлять пропитание всем своим агентам, начинается с рабочего, обрабатывающего сырье, и до хозяина большой мануфактуры или крупного торговца, пускающего в общественный оборот произведенный продукт. Но разве она это делает?

«Я спрашиваю себя, кто эти 99 плохо одетых людей 100, которых я встречаю как в наших деревнях, так и в наших городах? Изучив этот вопрос, я должен признать, что все они — агенты торговли»⁴⁸. Огромное большинство тех, кто выращивает лен и коноплю, делает полотна и ткани, обрабатывает кожи, строит дома, создает орудия труда, мебель или другие предметы, ходят раздетыми и разутыми, лишены самого необходимого. Если же обратиться к ничтожному меньшинству, которое ни в чем не нуждается, то окажется, что его составляют земельные собственники, просто ничего не делающие, и лица, занимающиеся всякого рода подсчетами и комбинациями и в основном посвятившие себя тому, чтобы поддерживать «заговор части против целого», т.е. такой порядок, при котором колоссальное число людей трудится, не извлекая из этого труда почти никакой пользы.

«Почему же первые агенты [торговли], те, кто занят созидательным трудом, трудом первостепенной важности, извлекают из него несравненно меньше благ, чем последние, чем торговцы, например, которые, по моему мнению, выполняют наиболее второстепенную работу, работу по распределению? О, это объясняется самым простым образом, а именно тем, что эти последние обманывают, а первые позволяют себя обманывать...»⁴⁹

Современная торговля, полагает Бабеф, — огромная сумма злоупотреблений⁵⁰, именно поэтому она и должна погибнуть. Но перестанет существовать только нынешняя форма торговли, «хищническая и человекоубийственная», исчезнут лишь те торговцы, которые не пожелают ограничиться свойственной им ролью, т.е. ролью простых агентов распределения.

«Когда все агенты производства (production et fabrication) будут работать для общественных складов и каждый из них станет посылать туда в натуральном виде продукт своего личного труда и когда агенты распределения, работающие отныне не ради собственной выгоды, а ради блага всего общества (всей коммуны — grande famille), направят каждому гражданину его равную часть всей массы продуктов, произведенных всей ассоциацией, в обмен на то, что он сделает либо для увеличения количества этих продуктов, либо для улучшения их качества, тогда, я думаю, торговля не только не будет уничтожена, а, напротив, будет усовершенствована, поскольку станет выгодной для всех»⁵¹.

Агентами такой «торговли» могут с равным правом и на равных основаниях считать себя все лица, занятые общественно полезным трудом, будь то крестьяне или рабочие, ремесленники или люди искусства, ученые или собственно агенты распределения. «Таким образом исчезнет всякая разница между промышленностью и торговлей и произойдет слияние между всеми профессиями, пользующимися одинаковым уважением в обществе; мы все производим и мы все участвуем в обмене, мы все заняты какой-то отраслью производства, будь то сельскохозяйственной, ремесленной, правительственной или торговой»⁵².

Разумеется, подчеркивает Бабеф, все вышесказанное относится лишь к внутренней торговле. Внешняя торговля, если ею можно будет заниматься без опасности для ассоциации, будет отраслью политики до тех пор, пока великий принцип равенства не распространится повсюду. Тогда народы, которых деспоты не будут более отравлять нелепыми предрассудками, запирают в произвольных границах и бросать друг на друга в войнах, губительных для их интересов и их свободы, сольются в единое человечество, без границ, таможен и скверных правительств.

Возвращаясь в другой части письма к вопросу о внешней торговле и вообще о связях с другими народами, Бабеф полностью соглашается со всем, что говорит по этому поводу Жермен⁵³. Он лишь добавляет, что ни на первых порах, ни впоследствии не должно быть и речи о торговле между странами, ибо такая торговля может возродить вкус и к торговле внутренней. Но дух братства, который воцарится между народами, позволит им обмениваться производимыми излишками «в качестве бескорыстного дара». К этой любопытной, хотя и содержащей определенные противоречия мысли мы еще вернемся.

Далее Бабеф рассматривает обвинение в «уничтожении промышленности». Из чего, собственно, можно сделать вывод, что в новом обществе промышленность погибнет? Ведь они вовсе не собираются что-либо менять в самом процессе производства — «кузнец останется кузнецом, а ткач — ткачом»; но «ассоциация постоянно будет в курсе всего, что делает каждый, чтобы он не производил ни слишком много, ни слишком мало одних и тех же предметов; именно она будет определять для каждой специальности количество граждан, которые должны будут в ней работать, и число молодых людей, которых следует ей обучать. Все будет соотнесено и приспособлено к существующим потребностям и к потребностям, которые следует предвидеть ввиду

возможного и легко поддающегося вычислению увеличения общества; все реальные потребности будут точно изучены и полностью удовлетворены благодаря быстрой передаче (предметов потребления. — Г. Ч.) во все места и на все расстояния»⁵⁴.

Промышленность не может погибнуть из-за того, что она перестанет развиваться вслепую, а будет «разумно управляться и стимулироваться для всеобщей пользы и благосостояния». Конкуренция, которую восхваляют враги равенства, не несет в себе ничего хорошего: она заставляет людей работать на истощение, губит их мораль, непроизводительно расходует общественные силы и в конечном счете приводит к монополии, чрезвычайно невыгодной для общества. В то время как в обществе с управляемой и разумно регулируемой экономикой человек может работать спокойно и свободно. Если он изобрел какое-то усовершенствование или новый механизм (machine), ему не надо бояться, что кто-нибудь похитит его изобретение, — наоборот, он сам поспешит сообщить о нем обществу, так как знает, что оно облегчит его труд и труд товарищей по профессии, оставит им больше свободного времени.

С другой стороны, никто не будет бояться, что введение новых машин приведет к безработице. Общество направит высвободившиеся рабочие руки в другую область, и никто не пострадает. Если в прошлом человек должен был обменивать свой труд на деньги, эти «обозначения ценности» (signes representatifs), которые иногда находятся на уровне, позволяющем обеспечить ежедневные потребности, а иногда далеко отстают от него (заметим в скобках — здесь сказался опыт революционных лет), то теперь он получит в обмен реальные предметы, которые ему нужны, и будет уверен, что станет получать их всегда, даже когда не сможет больше работать. Ибо общество заинтересовано в том, чтобы содержать детей, стариков и больных: в первом случае оно дает аванс, во втором — возвращает долг. «Кто будет столь безумен, чтобы гарантия того, что он никогда ни в чем не будет нуждаться и дети его никогда не будут лишены необходимого, не оказалась для него достаточным стимулом к деятельности (emulation)?»⁵⁵

Походя разделяется Бабеф и с утверждением, что новый порядок вещей «освятит лень и безделье». Оно смехотворно: ведь вполне очевидно, что именно лень и праздность будут уничтожены. Равенство в распределении общественного продукта будет базироваться на равенстве трудового вклада (размер которого будет, разумеется, определяться с учетом того, что люди неодинаково одарены от природы физическими и умственными способностями). Законодательство нового общества провозгласит самым тяжким преступлением покушение на равенство, а таким покушением, является не только стремление получить больше причитающейся доли, но и стремление получить свою долю, не заработав ее. Бабеф считает, что будет нетрудно организовать наблюдение за выполнением этого закона.

Наконец, Бабеф полностью соглашается с доводами Жермена относительно того, что сельское хозяйство не пострадает, даже если потребуется набрать множество людей в армию. Он делает несколько замечаний об избытке рабочих рук во французской деревне — замечаний, в которых чувствуется опыт бывшего февдиста, — и, кроме того, приводит следующее любопытнейшее соображение: «Люди, обладающие несколько более основательными представлениями (чем невежественные в области сельского хозяйства парижане. — Г. Ч.), знают, что вследствие употребления сельскохозяйственных машин и правильного распределения труда, так, как это практикуется в странах с крупным земельным хозяйством, где собственность сконцентрирована у небольшого числа владельцев, у нас было бы в десять раз больше рабочих рук, чем нужно для обработки земли»⁵⁶.

Таковы основные положения двух этих пространных писем⁵⁷. Они позволяют нам с полной определенностью утверждать: Бабеф выработал в тюрьме стройную концепцию, последовательно коммунистическую как в критической, так и в положительной своей части. По этим письмам мы можем составить вполне четкое представление о характере будущего общества. Оно построено на общественной собственности и прежде всего на главное средство производства — землю; в нем никто не работает для себя — все производимое отдается обществу; в нем осуществляется строжайшее регулирование и хорошо продуманное управление всеми отраслями экономики; в нем нет и не может быть праздных — «не трудящийся да не ест»; в нем нет денег и все необходимое граждане получают в натуральной форме; наконец, в нем осуществляется строжайшее равенство в распределении. Говоря словами Бабефа, это общество, «где нет ни верха, ни низа, ни первого, ни последнего», общество «совершенного равенства» (а тем самым, по мнению Бабефа, и «всеобщего счастья»).

В картине будущего общества, какой она предстает из писем, встречаются явные пробелы и даже некоторые противоречия. Трудно судить, в какой мере эти упреки можно отнести собственно к «плану»: то, что не нашло места в письмах, могло быть подробно разработано в этом документе (некоторые фразы в письмах прямо наталкивают на такое предположение). Но сами эти несовершенства нашего источника в определенном смысле оборачиваются и его достоинствами. Программные документы «равных» (как, вероятно, и утраченный «план») составлены с большой тщательностью и осторожностью, в них не попадают случайные, не до конца продуманные мысли. Благодаря этому официальные документы заговора выглядят зрелыми и цельными, но это же придает им некоторую статичность. Будущее общество, так же как и мысль его создателей, приобретает в этих документах законченный вид, как бы фиксируется в определенном состоянии. Неофициальный, «черновой», отрывочный характер нашего источника позволяет нам в какой-то мере проследить эту мысль (и это общество) в известной динамике. В этой связи нам хочется отметить несколько вопросов, может быть, не первостепенной важности, но интересных и привлекающих к себе внимание историков

Стала почти что общим местом характеристика коммунизма Бабефа как «примитивно-уравнительного» и «аскетического». В целом мы не собираемся оспаривать это мнение⁵⁸. Несомненно, что коммунизм Бабефа мог быть только детищем своего времени, в первую очередь породивших его социально-экономических условий, уровня развития производительных сил. Нет никакого сомнения и в том, что сами «равные» предвидели несколько аскетический характер своего «всеобщего благоденствия». Вероятно, не случайно Жермен считал одним из самых вредных «софизмов», направленных против плана Бабефа, заявление о том, что всеобщее равенство равнозначно всеобщей нищете. Бабеф же неоднократно подчеркивал, что удовлетворены будут только все «разумные потребности», «реальные потребности». Более того, такое ограничение Бабеф, бесспорно, считал не только необходимым, но и желательным - роскошь, всякого рода излишества, по его мнению, губительны для общества.

И все же процитированные выше письма позволяют внести в эту картину «аскетического благоденствия» существенные нюансы. Прежде всего мы можем с должным основанием высказать предположение о существовании у Бабефа зачатков исторического подхода к самому понятию «достаток» (хотя, может быть, еще не к понятию «потребность»). В самом деле, он вовсе не рассматривает материальную основу, экономическую жизнь будущего общества как нечто раз и навсегда определенное, своего рода стагнацию на уровне всеобщего скромного благосостояния. Нелепо было бы требовать от него, чтобы он предвидел промышленную революцию со всеми ее колоссальными социальными и экономическими последствиями. Однако мысль о техническом прогрессе как резерве мощного увеличения материальных ресурсов общества ему отнюдь не чужда⁵⁹.

Вспомним высказывания Бабефа о том, что устранение конкуренции будет способствовать обращению новых изобретений на благо всего общества, о том, что новые машины или механизмы будут высвобождать людям свободное время и позволят иначе спланировать употребление рабочих рук. Вспомним его слова о тех резервах, которые даст рациональному ведению сельского хозяйства применение сельскохозяйственных машин. Все это с несомненностью говорит не только о широкой начитанности Бабефа, не только о том, что он пристально следил за развитием соседних стран, но и о том, что он умел делать из прочитанного и увиденного далеко идущие выводы⁶⁰.

В русле тех же рассуждений лежит и предположение Бабефа о возможном обмене излишками в качестве «бескорыстного дара» между будущими освобожденными народами. Мысль эта не доработана и брошена вскользь; поэтому нам трудно судить, как конкретно представлял себе это Бабеф. Мы не пойдем так далеко, чтобы утверждать, что здесь содержится в зародыше идея международной кооперации труда; но, несомненно, заслуживает внимания само предположение о появлении значительных излишков в будущем обществе (с его тщательно спланированной экономикой). Конечно, все это отдельные догадки, а не целостная концепция, но само их появление

характерно и симптоматично, ибо показывает, в каком направлении работала мысль Бабефа.

В этой связи представляется уместным сказать несколько слов по поводу встречающегося в исторической литературе мнения о якобы свойственном Бабефу «экономическом пессимизме». Историки, придерживающиеся такого взгляда (в первую очередь автор специальной статьи на эту тему Ж.Дотри⁶¹), приводя ряд цитат, главным образом из агитационных произведений Бабефа, подтверждающих, что в своих представлениях об экономическом устройстве будущего общества Бабеф исходил исключительно из современного ему уровня экономики, делают на этом основании вывод, будто он не видел возможностей экономического развития общества. (Именно поэтому, по их мнению, он ограничивал свой коммунизм сферой распределения, не предполагая реорганизовать производство на общественных началах.)

Подобное мнение, как видим, возникло не случайно — оно опирается на собственные высказывания Бабефа. И все же в основе его лежит ошибочный подход к проблеме, своего рода психологическая aberrация. Чтобы разобраться в этом вопросе, надо посмотреть не только что говорил Бабеф, но и почему он говорил так, а не иначе.

Бабеф, как известно, принципиально отличался от предшествовавших ему европейских коммунистов-утопистов (в большинстве своем *осознававших* себя утопистами) тем, что впервые перешел от теории к практике, попытался осуществить свой идеал на деле. Историки, считающие Бабефа «экономическим пессимистом», теоретически признавая и даже подчеркивая эту разницу между Бабефом и его предшественниками — авторами чисто умозрительных утопий, на практике, подходят к их коммунистическим построениям с одинаковой меркой. Между тем это в корне неверно.

Дело не в том, что Бабеф *не видел* возможностей мощного развития производительных сил и иной организации общественного производства⁶². Дело в том, что было для него важно. Самым главным для него доказать, что уже сегодня, на нынешнем экономическом уровне, при нынешнем способе производства, можно и разумное общественное устройство, и справедливое распределение общественного продукта. Поэтому-то все свое внимание он и сосредоточивал именно на этом аспекте проблемы.

Бабеф был глубоко убежден в осуществимости своих теорий и хорошо понимал, сколь многое зависит от того, разделяют ли другие это его убеждение. Но он прекрасно знал, как часто придется ему сталкиваться с обвинением, что все его теории — лишь пустая мечта. С таким отношением к коммунистическим воззрениям он встречался всю свою жизнь⁶³. Поэтому если Бабеф хотел, чтобы его пропаганда принимали всерьез, он просто не мог себе позволить отрываться в своих планах от того материала, который давала ему реально существующая действительность, и строить воображаемые жёмы, основанные на будущем развитии будущего общества⁶⁴. Но в тех редких случаях, когда он, беседуя в личном письме с несомненным единомышленником-энтузиастом, позволял себе помечтать, это будущее общество, как мы

видели, вовсе не рисовалось ему ни застывшим, ни тем более «экономически ретроградным». Второй аспект «грубой уравнительности» в доктрине Бабефа видят обычно не в материальной, а в духовной сфере. Мы не собираемся в рамках этой работы ни давить, ни тем более решать очень непростую проблему: «Бабеф и культура», но укажем, что данные письма позволяют и в этом отношении кое-что взглянуть по-новому. Отметим прежде всего тот факт, что в отличие от позднейших документов Заговора Бабеф включает здесь в число лиц, трудящихся на пользу обществу, не только тех, кто непосредственно связан с материальным производством, не только — безоговорочно! — ученых, но и деятелей искусства. В письме Бабефа есть и прямое рассуждение о судьбах наук и искусств в будущем обществе⁶⁵: клеветают те, кто говорит, что они погибли. Напротив, именно тогда они расцветут, ибо, избавившись от экономического рабства и зависимости от меценатов, они получат новый мощный толчок и будут вдохновляться только великими идеями и духом общественной пользы. В этом высказывании сконцентрированы и сильные и слабые представления Бабефа об этой сфере человеческой деятельности: с одной стороны, трудно не признать справедливость его представлений о пагубности для искусства и науки материальной зависимости от власти имущих; с другой стороны, во второй части его рассуждений, при всей их принципиальной правильности, до некоторой степени сказывается свойственный Бабефу чересчур утилитарный подход к сфере духовной культуры⁶⁶.

В связи с анализом представлений Бабефа и Жермена о том, каким будет их идеальное общество, отметим еще один факт. Несомненно, что Жермен и Бабеф — единомышленники, что Жермен, приобщенный Бабефом к его «плану», рассуждает в целом совершенно в русле его идей. Но при всем уважении к Жермену — а он его безусловно заслуживает — сравнение двух «программных» писем, по нашему мнению, очень ясно показывает превосходство мысли Бабефа над мыслью Жермена. Размышления Бабефа несравненно глубже, серьезнее, и, при всей утопичности «плана» в целом, Бабеф в своих рассуждениях обеими ногами стоит на земле. Достаточно хотя бы сравнить в обоих письмах раздел о вреде торговли: длинные псевдоисторические экскурсы Жермена и серьезные, здравые социальные, которые Бабеф черпает прямо из окружающей действительности. Мы не будем здесь подробно останавливаться на этом вопросе, но считаем необходимым мимоходом его подчеркнуть, так как в дальнейшем еще вернемся к нему в другом контексте.

Мы располагаем еще одним принципиально важным документом, характеризующим воззрения Бабефа в период арасского тюремного заключения. Это — «35 пунктов» из дневника М.-А.Жюльена, обнаруженные в фонде Жюльена, хранящемся в ЦПА ИМЛ, В.М.Далиным и опубликованные им в 1964 г.⁶⁷

Марк-Антуан Жюльен — молодой робеспьерист, арестованный вскоре после переворота 9 термидора, сблизившийся с Бабефом во время недолгого пребывания последнего в парижской тюрьме Плесси в самом конце III — начале IV года (сентябре—октябре 1795 г.), но

впоследствии быстро от него отошедший. Биография и идейная эволюция Жюльена весьма подробно рассмотрены в специально посвященной ему статье В.М.Далина⁶⁸.

Обнаружив в дневнике Жюльена этот текст, самому Жюльену явно не принадлежащий (о чем говорят заметки на полях), В.М.Далин связал этот факт со сведениями, содержащимися в письме Жермена к Бабефу от 5 термидора III года. В конце этого письма Жермен сообщал Бабефу, что счел нужным разбить его «аграрный кодекс» на 35 пунктов⁶⁹. Сопоставление документа из архива Жюльена с «Манифестом плебеев», опубликованным Бабефом уже после выхода на свободу в 35-м номере «Трибуна народа», показало, что оба текста почти буквально совпадают. Эти факты позволили В.М.Далину прийти к обоснованному выводу, что данный документ был составлен Бабефом еще в Аррасе и уже там, а позднее и в парижской тюрьме Плесси исползовался им и близкими к нему людьми для коммунистической пропаганды.

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению этого документа, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Прежде всего следует отметить, что он производит впечатление конспекта какого-то более обширного текста. На такую мысль наводит уже само его начало. Первый пункт гласит: «Что такое всеобщее счастье — цель общества»; а пункт третий звучит так «Определение собственности». Оба пункта оставлены нераскрытыми. О том же свидетельствует и 35-й номер «Трибуна народа». Там говорится, что этот текст — лишь «сжатое изложение» того Манифеста, который будет впоследствии предложен «угнетенному большинству французского народа». Существовал ли этот текст? И не был ли это тот самый утраченный «план»?

Для ответа на второй вопрос важно подчеркнуть, что в письмах Жермена, помимо «плана», упоминается и еще один исходящий от Бабефа документ — Манифест. Думается, что вполне логично связать «35 пунктов» именно с Манифестом и считать их своеобразным конспектом «полного варианта» «Манифеста плебеев» — варианта, которому не суждено было увидеть свет. Но как соотносились между собой «план» и Манифест? Естественно, их должно было связывать единство идей, а в остальном были они независимы друг от друга, или Манифест — это практически тот же «план», может быть, только слегка приспособленный для нужд пропаганды? Этот вопрос приходится оставить открытым. Пока же отметим одну черту «35-ти пунктов», отличающую этот документ от двух проанализированных выше теоретических писем. Он лишен того неофициального характера, который придает этим письмам такое своеобразие. В самом деле, первоначальный текст, составленный, судя по письму Жермена, во всяком случае ранее 5 термидора, до нас, строго говоря, не дошел. Из писем того же Жермена явствует, что этот документ обсуждался, уточнялся и дополнялся. Сомнительно, чтобы такие исправления могли носить принципиальный характер, но все же с такой возможностью нельзя не считаться. Переписанный уже в Плесси рукой Жюльена текст — один из окончательных, отстоявшихся вариантов, предназначенный для пропаганды и распространения.

Содержание самого документа можно, условно говоря, разбить на две части: это, во-первых, обоснование порочности современного общественного устройства и вытекающее отсюда утверждение закономерности его уничтожения, во-вторых, это краткое изображение основных черт будущего общества.

Документ открывается утверждением, что целью общества является всеобщее счастье и положение каждого человека не должно ухудшаться из-за того, что из первобытного состояния он перешел в общественное. Земля является общим достоянием «Все, что отдельный человек накапливает сверх необходимого для его пропитания, является воровством у общества». Пресловутые права отчуждения и наследования гнусны и человекоубийственны. Не меньшим злом является «общественный пред-рассудок», в силу которого труд умственный и физический, квалифицированный и неквалифицированный оцениваются по-разному. Это дает более ловким, образованным и предприимчивым патент на безнаказанное ограбление «сочленов по обществу». Образование не должно быть исключительным достоянием лишь части общества, так как «в этом случае оно становится в руках одной группы... оружием, с помощью которого она сражается против другой группы, которой она не признает, и легко добывается того, что обманывает ее, подчиняет себе, обирает и расправляется с ней». Все существующие законы и установления только освящают эти «акты непрерывного ограбления».

Таким образом, «все, чем владеют те, кто имеет свыше полагающейся им доли в общественных благах, является результатом грабежа и узурпации». Следует логический вывод: «Поэтому справедливо это у них отнять». Причем следует не просто «отнять награбленное», надо уничтожить самый корень зла. «Нет более важной истины, чем та, которую провозгласил один философ: болтайте сколько хотите о лучшей форме правления, вы не добьетесь ничего до тех пор, пока не уничтожите основы алчности и честолубия». В самом деле, опыт показал, что добродетельные люди, которые ведут борьбу против пороков и преступлений современного общества, «не могут победить, потому что нападают не на зло в самой его основе, а применяют только паллиативы». Следовательно, «необходимо, чтобы общественные учреждения навсегда отняли у каждого надежду стать более богатым, более могущественным, превосходящим своими знаниями кого-либо из своих сограждан».

Каким же должно быть разумно организованное общество?

В нем никто не сможет «притязать на вознаграждение, превышающее удовлетворение личных потребностей». Никто не будет «испытывать недостаток в том, что природа дает всем, производится для всех; если этот недостаток является неизбежным следствием природных бедствий, то эти лишения в равной мере должны переносить все.

Произведения мастерства и умения становятся... достоянием всего общества с того момента, как изобретатели и труженики их создали, потому что они основаны на предшествующих достижениях мастерства и умения, которыми пользовались новые изобретатели и труженики при своих новых открытиях.

Поскольку приобретенные знания являются общим достоянием, они должны в одинаковой мере распределяться между всеми...

Нужно... сделать каждого члена общества независимым от удачи, от счастливого или неблагоприятного стечения обстоятельств, обеспечить для каждого человека и всего его потомства, как бы ни было оно многочисленно, достаток и ничего, кроме достатка, и навсегда уничтожить все возможности для того, чтобы кто-либо мог получить свыше положенной ему доли в произведениях природы и труда.

Единственный способ достижения этого состоит в том, чтобы установить общее управление, уничтожить частную собственность, прикрепить каждого человека соответственно его дарованию к мастерству, которое он знает, обязать сдавать в натуре все его произведения на общий склад, создать администрацию распределения, администрацию продовольствия, которая будет вести списки всех сограждан и всех изделий и станет распределять их на основе самого строгого равенства и доставлять в жилище каждого гражданина».

Таков этот явно коммунистический по своему характеру документ. При рассмотрении первой, критической его части сразу бросается в глаза, что изложенные здесь мысли и представления в основном не новы для Бабефа. Более того, можно назвать конкретный текст, где мы сталкиваемся с большинством из этих идей, хотя в не столь отчетливой и резкой форме, а также с менее развернутой аргументацией. Это не раз упоминавшееся на страницах данной работы письмо к Купе от 10 сентября 1791 г. во славу аграрного закона. Тот факт, что одинаковых по существу посылок в одном случае даются выводы в пользу аграрного закона, а в других — в пользу коммунистического общества, чрезвычайно красноречив. Думается, это полностью подтверждает сказанное выше и о том, что для людей того времени между аграрным законом и коммунистическим обществом нет принципиальной разницы⁷⁰ (одно представляется как бы усовершенствованием другого), и о том, что Бабеф в письме к Купе понимал под аграрным законом нечто большее, чем просто черный передел.

Особое значение, которое придается равенству в образовании, также весьма характерно для Бабефа и восходит еще к его переписке с Дюбуа де Фоссе, встречаясь затем и во многих других документах. В высшей степени свойственно ему и стремление «обуздать судьбу», сделать человека независимым от стечения обстоятельств следы этого можно найти в том же письме к Купе от сентября 1791 г.).

Чрезвычайно интересны также пункты 25-й и 26-й данного документа. Они гласят: «Тот, кто станет доказывать, что в состоянии благодаря своим природным способностям сделать столько же, сколько делают четверо, и потребует на этом основании вознаграждения за четверых, является заговорщиком против общества, потрясающим одним этим равновесием и уничтожающим драгоценное равенство. Мудрость властно предписывает всем участникам общества укрощать такого человека, преследовать его, как общий бич, обязывать его делать только то, что производит один, с тем, чтобы он мог требовать вознаграждения, причитающегося только одному человеку».

Сходная мысль уже встречалась у Бабефа, однако с существенным нюансом. В письме к Жермену от 10 термидора он говорил о том, что равенство в распределении будет базироваться на равенстве трудового вклада, который будет определяться с учетом того, что люди неодинаково одарены от природы. Хотя в письме об этом прямо не говорилось, но из его содержания явствовало, что Бабеф (и это очень для него характерно!) заботился прежде всего о том, чтобы оградить интересы слабых, — им нечего бояться нового порядка вещей, «трудовая норма» будет определена таким образом, что ее сможет выполнить любой честно работающий человек. Текст же Манифеста устремлен не столько к тому, чтобы успокоить слабых, сколько к обузданию сильных: именно из непомерных притязаний тех, кто щедрее других одарен природой, может произойти опасность для общества⁷¹.

Это «смещение акцентов» очень любопытно. Не исключено, что как раз 25-й и 26-й пункты показывают нам не только плоды собственных размышлений Бабефа, но и то, как именно сказывались на документах будущего Заговора во имя равенства его споры, беседы и обсуждения принципиально важных вопросов с товарищами по заключению.

Наконец, нам кажется необходимым сделать еще одно замечание по поводу данного документа, ибо одно из его положений дает повод к лжетолкованиям. Последний, 35-й пункт, в котором кратко излагаются уже знакомые нам по письмам Жермена и Бабефа основные принципы организации производства и распределения в коммунистическом обществе, завершается следующей фразой: «Осуществимость этого доказана опытом, поскольку находит применение в отношении миллиона двухсот тысяч человек в наших армиях».

Эти слова иногда понимают как свидетельство того, что Бабеф тяготел к идеалу «казарменного коммунизма». Однако такое понимание совершенно ошибочно. Чтобы понять подлинный смысл этих слов, надо обратиться к письму, которое Бабеф написал Купе еще 20 августа 1791 г. Рассуждая о том, откуда лучше всего начать введение «системы всеобщего равенства», Бабеф писал: «Меньше всего препятствий встретится в армии, ибо армия ничем не обладает и привыкла получать все только от государства»⁷². Эти слова, как и заключительная фраза наброска Манифеста, показывают нам прежде всего Бабефа-практика, Бабефа — человека действия, стремившегося не просто излагать определенные идеи, и немедленно проводить их в жизнь. Для него чрезвычайно важно не только самому убедиться в полной осуществимости, жизненной реальности своих теорий, но и убедить в этом других. Вполне естественно, что в поисках таких жизненных доказательств он обратился к единственному в то время общественному организму, всецело подчиненному центральному правительству⁷³, к единственной категории людей, получающих от государства все необходимое в обмен на услуги, которые общество признает полезными и необходимыми, — к армии.

Если Бабеф рассуждал так еще в 1791 г., то события 1793 г. должны были подтвердить подобный ход мысли. Опыт таксации и реквизиций (который был для Бабефа в определенном смысле и личным опытом — вспомним его работу в парижской продовольственной администрации),

осмысление всей социально-экономической политики якобинцев, несомненно, укрепляли Бабефа в убеждении относительно полной осуществимости новых принципов организации производства и распределения. Но сама система таксации и реквизиций была в огромной мере порождена потребностями военного времени и в значительной степени направлена на обеспечение армии. Не удивительно, что в поисках конкретных доказательств жизнеспособности своей системы, ее совершенной реальности Бабеф в первую очередь обращался именно к армии.

Однако в приведенной выше цитате из письма к Купе содержится и еще одна исключительно интересная мысль: систему Бабефа легче всего будет осуществить именно в армии, потому что «армия ничем не обладает», солдаты не имеют никакой собственности. Таким образом, обращение Бабефа в качестве примера в первую очередь к армии объясняется вовсе не тем, что он искал свой идеал в казарме, а в значительной мере тем, что для проведения в жизнь своей «системы абсолютного равенства» он смутно ощущал необходимость опереться на какую-то категорию людей, лишенных всякой собственности. Подобные высказывания, пусть даже отрывочные и случайные, свидетельствуют, что Бабеф, скорее инстинктивно, чем сознательно, иногда чрезвычайно близко подходил к постановке таких вопросов, для понимания и серьезной разработки которых не было возможностей в ту эпоху, но которым суждено было приобрести огромное значение в будущем.

* * *

Обратимся теперь к вопросу, как представляли себе оба корреспондента пути перехода к своему «обществу всеобщего счастья».

В литературе, посвященной Заговору во имя равенства, достаточно подробно говорится о том, какое место в планах заговорщиков занимал Париж. Именно там должен был совершиться переворот, который круто изменит судьбы страны. При этом историками справедливо отмечалось и большое внимание, уделяемое Бабефом работе в провинции. Но даже эта работа в немалой мере подчинялась задачам захвата власти в центре страны: одной из важных задач провинциальных «ответвлений» Заговора должно было стать формирование отрядов, которые в случае необходимости следовало направить на помощь восставшим в столице. Однако так дело обстояло далеко не с самого начала.

В первых номерах «Трибуна народа», выпущенных Бабефом после выхода из тюрьмы, мелькает выражение «плебейская Вандея»⁷⁴. Оно очень быстро приобретает чисто риторический характер и вскоре вообще исчезает со страниц газеты. Между тем письма Жермена дают основание предполагать, что первоначально это была весьма серьезная, принципиально важная идея — идея опоры на провинцию, создания там своеобразных «коммунистических очагов».

17 мессидора Жермен пишет Бабефу: «...в Париже осмеливаются думать и говорить; ты знаешь, что во всех случаях подобная дерзость была прелюдией действия; тем не менее я сомневаюсь, что это действие произойдет именно в Париже, ты, как и я, понимаешь, насколько это было бы трудно. Сказанное естественно приводит меня к тому, чтобы

заговорить с тобой о твоём плане, который я прочел, и прочел внимательно: он хорош, я охотно его поддерживаю, и, на жизнь или на смерть, я готов, черт возьми, я готов»⁷⁵. Сомневаться в смысле этих слов не приходится: Жермен не только утверждает, что революционное выступление в Париже сейчас практически невозможно, но и заявляет, что сама мысль о революционном выступлении вне Парижа автоматически вызывает у него в памяти «план» Бабефа, с которым он полностью согласен.

Наконец, сам Бабеф в письме к Жермену от 10 термидора с абсолютной четкостью сформулировал свое представление о том, как, по его мнению, должно развиваться движение. Предостерегая Жермена от стремления одержать победу одним ударом, Бабеф писал: «Согласно твоему плану, в случае успеха победа будет огромной и решительной, если же, напротив, мы потерпим поражение, оно будет непоправимым, смертельным. Несомненно, средство, которое я тебе предложил, является не таким героическим, поскольку оно состоит в том, чтобы приобщить сначала к нашим принципам только незначительную часть страны. Но оно имеет очень большое преимущество, а именно то, что оно ничего не ставит под угрозу; насколько возможно, мы постараемся утвердиться среди населения, где расположение умов в большинстве своем нам благоприятствует; укрепившись у этого очага, мы без особого труда сумеем приобщить их к благам нашей доктрины; пламенные и многочисленные прозелиты пожелают и с энтузиазмом встретят первые попытки введения наших институтов; они воодушевят их, и жители смежных территорий, увлеченные этим примером, не замедлят к ним присоединиться; так постепенно будет расширяться круг присоединений. Наша Вандея, у меня по крайней мере есть все основания на это надеяться, будет расти от одной соседней местности к другой, с той самой быстротой, которая необходима, чтобы не поставить под угрозу ни полноты, ни прочности успеха; продвигаясь вперед с постепенностью, укрепляясь по мере того, как мы будем завоевывать новые территории, мы сможем организовать без чрезмерной поспешности и со всей подобающей осмотрительностью временную администрацию, соответствующую закону равенства»⁷⁶.

Приведенные тексты в высшей степени красноречивы. Вполне очевидно, что Бабеф, отказавшись к этому времени и от тактики «мирного восстания», и от идеи достичь «всеобщего счастья» путем введения максимальной демократии, не пришел еще и к мысли о вооруженном захвате власти и насаждении правильных институтов «сверху», из центра. Он разрабатывает пока мысль о введении их «снизу», сначала в каком-то одном удаленном и хорошо подготовленном пропагандой месте, а затем — о стихийном распространении «от соседа к соседу», главным образом силой бесконечно увлекательного примера.

Идея эта, хотя и оказавшаяся в то время нежизненной, чрезвычайно оригинальна и любопытна как определенный промежуточный этап в развитии взглядов Бабефа. Возникает естественный вопрос: что вызвало к жизни это его стремление опереться на провинцию? В первую очередь приходит в голову, что, оказавшись в заключении в провинциальном

городе, действуя главным образом среди революционеров-провинциалов, Бабеф, естественно, должен был в каком-то смысле «вернуться к ним лицом». В таком ответе, вероятно, есть зерно истины. Бесспорно и то, что, придя к окончательному убеждению, что надо начинать прямо с уничтожения корня зла — частной собственности, прямо с введения совершенно новых институтов, Бабеф невольно должен был на первых порах прийти к выводу, что легче всего это будет начать вдали от власти имущих, среди людей, для которых эта система — постоянно называемая в переписке «аграризмом» — в первую очередь предназначалась (при этом он, конечно, переоценивал и сознательность народа, и притягательную силу своих учреждений).

Но мы хотим отметить и другое. Этот вопрос, по нашему мнению, тесно связан с уже упоминавшейся нами проблемой о влиянии на Бабефа жерминальских и прериальских событий. У нас нет прямых высказываний самого Бабефа, но цитированные выше слова Жермена со ссылкой на то, что Бабеф с ними вполне согласен, подтверждают, как нам кажется, это мнение. В самом деле, что могут означать сказанные 17 мессидора слова о том, что в Париже в настоящее время, несмотря на сильное брожение, невозможно революционное действие? На наш взгляд, только одно: оно невозможно после двух тяжелых поражений, которые только что понес парижский народ. Таким образом, опыт жерминаля и прериала чрезвычайно сильно сказался (особенно на первых порах) не только на эволюции политических взглядов Бабефа, но и на избранной им тактике. Идея «опоры на провинцию» не суждено было долго продержаться — после выхода Бабефа на свободу она быстро увяла, столкнувшись с действительностью. Однако она сыграла определенную роль в истории Заговора, и не только как промежуточный этап мысли Бабефа. Вполне возможно, что именно ей мы в значительной степени обязаны теми прекрасными⁷, разветвленными связями заговорщиков с провинцией, которые отмечают историки.

Но выбор места действия — это лишь одна сторона тактики заговора. Посмотрим, какова была ее другая сторона, как представляли себе в это время будущие участники Заговора собственно методы своего действия.

В одном из первых писем Жермена содержится следующее характерное и, судя по дальнейшей переписке, отнюдь не опровергнутое Бабефом рассуждение: «Надо срочно спасти Республику, пересадить на нашу почву свободу и демократию⁸. Какими способами можно провести столь прекрасное мероприятие? Опыт всех времен доказывает нам, что не бесчисленные фаланги и не лес штыков обеспечивают наиболее полный успех. Когда речь идет о том, чтобы добиться такого результата, мнение народа более сильно, более непреодолимо, чем железо, огонь и мощные укрепления. Но как сформировать его, это народное мнение? Показав народу, в чем его интерес; доказав ему самым очевидным образом, что те мелкие интересы, которые связывают его по рукам и ногам и от порабощения которыми он боится отказаться, являются в действительности самыми страшными врагами его счастья; дав ему возможность соприкоснуться с тем процветанием, которое он получит в

случае успеха»⁹. В случае же неуспеха, продолжает свое рассуждение Жермен, народу нечего терять: «Чего может он бояться более ужасного, чем то, что он испытывает сейчас»⁸⁰.

К этим рассуждениям примыкает несколько фраз, позволяющих судить о некоторых важных чертах «плана» Бабефа. Размышляя по поводу одного из второстепенных элементов «плана»⁸¹, Жермен задает Бабефу вопрос: считает ли он, что патриоты, к которым он обращается и которых зовет к пробуждению, способны выступить на освобождение отечества? «Поддержит ли их в этом местное население? Этот тайный комитет (се comite secret) — где он образуется?»⁸² Слова об «этом тайном комитете» (который ранее в письме нигде не упоминался), вне всякого сомнения, взяты из «плана» Бабефа. Продолжая свою мысль, Жермен заявляет, что теперь, когда ему открыли глаза на причины народных страданий, он не может винить народ за его пассивность: ему (народу) справедливо кажется, что он не извлек никакой пользы из революции, поэтому он сомневается, что новые усилия принесут ему какую-либо выгоду. Но пусть ему покажут настоящую цель и докажут при этом, что она достижима, и он «все исполнит, на все отважится». Видимо, в задачу «тайного комитета» и входило через более широкую и активно действующую группу патриотов указать народу эту цель и средства ее достижения, сформировать мощное «народное мнение».

Эти соображения, естественно, приводят Жермена к размышлениям о непосредственном руководителе движения: «...будет ли военным тот человек, который первым все начнет, и сыграет ли он большую роль в этом обновляющем мероприятии? Будет ли он тем, кто дисциплинирует все движение, чтобы придать ему регулярность и единство? В этом случае он должен будет получать приказы от какого-то руководителя — кто будет этот руководитель? Будет ли он человеком достаточно твердых принципов, чтобы во время своей диктатуры устоять перед блистательной приманкой абсолютной власти?»⁸³. Мы не знаем, что ответил на это Бабеф; заметим только, тревожные рассуждения Жермена должны были вызвать у него отклик: они заметно перекликаются с тем, о чем сам он писал несколько месяцев назад - об опасностях абсолютной власти.

Очень интересно по этому поводу и другое соображение Жермена. «Вы знаете, мой трибун, — писал он, — что для того, чтобы предохранить государство от превращения в аристократию, необходимо, чтобы военные ни в коем случае не совали свой нос в дела, чтобы они не вмешивались ни в законодательную, ни в административную деятельность; даже воинский устав, так же как и все, что имеет отношение к организации и управлению вооруженными силами, должен быть делом только гражданских лиц»⁸⁴. Мысль эта тем более заслуживает быть отмеченной, что сам Жермен — военный. Эти слова характеризуют его в первую очередь как разумного и прудумовательного политика, но также и как человека глубоко порядочного, не рассчитывавшего получить в ходе переворота какие-то особые привилегии для себя лично. Думается, что и это его рассуждение должно было встретить сочувственное внимание Бабефа: оно вполне

соответствовало его взглядам и настроениям.

Конечно, все это пока не более чем наброски, но кое-какие выводы они позволяют сделать. Прежде всего, как им кажется, здесь начинает сказываться несколько иной взгляд на роль народа, на соотношение между народом и активными революционерами. Народ по-прежнему признается неисчерпаемым источником потенциальной революционной энергии, его поддержка в конечном счете все решит; но его темнотой слишком часто злоупотребляли, используя его для ложных целей, и он утратил активность. Поэтому действовать должна сравнительно узкая группа беззаветно преданных народу революционеров, знающих, в чем именно залог подлинного народного благополучия; их действия, вводимые ими благотворные учреждения в сочетании с широкой пропагандой не только разбудят активность народа, но и направят ее в должное русло — и уж тогда ничто не сможет помешать победе правого дела.

Разумеется, в таком законченном виде концепция еще сложилась, но в подтверждение того, что именно в этом направлении развивалась мысль будущих заговорщиков, приведем, помимо уже процитированных, следующее рассуждение Жермена: «...санкюлоты здесь не чувствуют своей силы и апатично согнулись под ярмом своих господ... пусть же они коснеют в этом состоянии до счастливого момента, когда, вырвав их могучим ударом из состояния летаргии, мы заставим их покраснеть за свое бездействие... Достойны ли они свободы, достойны ли они самоотверженности порядочных и добродетельных людей, — это мы увидим в то время, которое, может быть, не стоит пока предвосхищать. Тем временем ты скажешь, что достоинство или недостойность не имеет никакого отношения к делу и что наша задача как раз в том и состоит, чтобы сжалиться над ними и сделать их достойными. Поскольку это так и разум запрещает нам всякое безразличие, поговорим о нашем великолепном проекте...»⁸⁵. Дух, в котором рисуются тут отношения между народом и активными революционерами, говорит сам за себя. Думается, что в этих словах достаточно ярко проявилась начинающаяся складываться концепция революционной элиты.

Пусть не поймут эти слова так, будто будущие участники Заговора начали относиться к народу несколько свысока. Они по-прежнему полны к нему глубочайшего уважения, и лучше всего это показывают размышления Жермена о роли, которую предстоит сыграть народу после революции. «Разум народа велик, — пишет Жермен, — то, что не найдем мы, найдет он; истинный путь к тому, чтобы вернуться одновременно к индивидуальной и общественной природе, чтобы вернуться к братству и никогда больше не выходить из этого состояния, несомненно, обнаружится в результате общих устремлений и общих усилий его открыть. Мы только направим движение, нам будет принадлежать только первый толчок; но наши планы будут лишь временными и неизбежно не только несовершенными, но и очень неполными. Мы составляем их, потому что надо иметь какую-то отправную точку, показать какую-то перспективу...» Когда старый мир превратится в развалины, тогда коллективный разум народа «выскажется относительно наилучшего способа новой постройки... и улучшенный таким образом первоначальный

набросок, ибо мы сможем предложить не что иное, как первоначальный набросок, станет неузнаваемым...»⁸⁶ Глубочайшее уважение к народному гению, к творческим потенциям освобожденного народа выражено здесь так ярко, что тут просто нечего добавить.

Однако невозможно не отметить и другую сторону дела. Мысль о том, что всего нельзя предусмотреть и что строить на будущее слишком детальные планы — занятие бесполезное и бессмысленное, вполне здравая мысль. Но, как нам кажется, здесь есть и несколько иной оттенок, сформулированный в известном выражении «oe s'engage et puis on voit», оттенок чересчур слепого доверия к будущему — надо начать, а дальнейшее придет само собой. К этому несколько легковесному представлению Жермена относительно перспектив будущего переворота мы еще вернемся.

Как же будут развиваться события после того, как «могучий удар» будет нанесен?

Не вызывает ни малейшего сомнения, что уже тогда «равные» предусматривали необходимость диктатуры, хотя само это слово почти никогда не произносилось. Выше уже приводились рассуждения Жермена о руководителе (chef), который получит огромную власть, и о вытекающей отсюда необходимости быть очень осмотрительными в выборе этого руководителя. Бесспорно и то, что диктатура предусматривалась не только на момент восстания, но и на более длительный срок: для обоих корреспондентов очевидно, что их попытка не может не встретить яростное сопротивление власти имущих.

«Возможно, — пишет Жермен, — что в начале нашего предприятия, имея своей задачей нанести ужасный удар множеству и множеству негодяев, заинтересованных в том, чтобы разбить и разгромить новый порядок вещей, мы будем вынуждены... противопоставить нашим врагам огромный аппарат подавления»⁸⁷. В другом письме, говоря о том, что в сердце революционера слиты воедино любовь и ненависть, Жермен заявляет, что нужно уничтожить всех тех «эгоистичных узурпаторов», которые покажут себя неисправимыми. «Да погибнет тот, кто благодаря древней или новой узурпации не хочет быть братом своим братьям по естеству. Да погибнет раса тех, кто не может отвыкнуть первенствовать и владеть по праву рождения. Наконец, пусть погибнут все те, кто попытается воспротивиться всеобщему счастью»⁸⁸.

В сочетании с рассуждениями о том, что опасен всякий, кто «отказывается быть счастливым», и что тот, кто не содействует всеобщему счастью, тем самым наносит ему ущерб (иными словами, кто не с нами, тот против нас), такие заявления могут показаться чересчур мрачными и даже жестокими. Подчеркнем, однако, что по сути дела Жермен не так «кровожаден», как может показаться. Чем быстрее осуществится переворот, заявляет он, и чем более сильными окажутся его участники, тем меньшее сопротивление они встретят, и если им будет сопротивляться лишь очень слабое и незначительное меньшинство, это не сможет поставить под вопрос их завоевания. Враги из соображений простой осторожности не посмеют вредить (за исключением, может быть, нескольких безумцев). «Тогда нам останется только простить старые

грехи и терпеть неизлечимых сумасшедших, которых результаты нашего согласия сделают бессильными. Ты видишь, что если я знаю, что такое мщение, то мне знакомо и милосердие... поскольку в случае чрезмерно спорной победы я говорю — никакой пощады, а в случае победы несомненной сохраняю жизнь даже тем, кто некогда вредил, но более вредить не в состоянии»⁸⁹.

Конечно, в этих словах нельзя видеть полный отказ от принудительных и репрессивных мероприятий. Но в них содержится идея ограничения таких мероприятий в размахе и во времени. Мысль о том, что необходимость разного рода ограничений и регламентации в жизни общества будет лишь временной, встречается во многих местах писем (в частности, в цитированном выше отрывке о связях с другими государствами: на первых порах оградимся железной стеной, а потом эти препоны станут ненужными). Иначе говоря, в этих письмах мы можем разглядеть зачаток идеи переходного периода — идеи, гораздо более отчетливо сформулированной впоследствии в документах Заговора. Понимание обоими корреспондентами сути такого «переходного периода» (сам термин, разумеется, в письмах отсутствует) сводится к тому, что это будет время, в течение которого идеи равенства навеки упрочатся в умах абсолютного, подавляющего большинства народа, что сделает излишними какие-либо дальнейшие меры принуждения. Таким образом, мы можем смело утверждать, что Бабеф был одним из создателей теории «воспитательной диктатуры»⁹⁰, которая просуществовала в разных формах весь XIX век и не утратила своего значения в XX в.⁹¹

Чрезвычайно важна и другая сторона дела. В письмах мы встречаем представление о переходном периоде как времени не только политического, но и экономического перехода к новому обществу. В подтверждение сошлемся на то место из письма Жермена от 5 термидора, где он говорит об организации сельского хозяйства в будущем обществе: сначала землю распределят во временную собственность, и только потом, когда ее владельцы убедятся в преимуществах крупного и хорошо управляемого хозяйства над мелким, эти участки сольются в общее достояние.

Жермен считает, что этот отрезок времени будет очень коротким. Ему вообще представляется, что особенных трудностей возникнуть не должно не только после переворота, но и в ходе его. Преимущество идеи равенства над всеми прочими кажется ему настолько самоочевидным, что ему трудно себе представить, чтобы эта идея не овладела мгновенно всеми умами. Это относится и к проанализированному выше письму от 5 термидора, Жермен — разумный человек и вдобавок обладает военным опытом. Он знает, что в серьезном деле нельзя все вставить на одну карту, надо предусмотреть разные возможности⁹². Поэтому он и признает, что в принципе не исключен медленный, постепенный вариант переворота именно для этого случая и потребуются, по его мнению, огромный аппарат подавления). Но гораздо лучше и правильнее, считает он, было бы, действуя через надежных агентов, осуществить переворот разом, за одну ночь, произвести буквальное, физическое уничтожение

всякой материальной основы ложных учреждений, так, чтобы утренняя заря осветила уже заново поделенную землю и по-новому устроенное общество.

Великая идея, отвечает ему Бабеф, но, к сожалению, мы должны стремиться лишь к тому, что осуществимо». Пусть Жермен реально представит себе, что произойдет, если в одну прекрасную ночь его «надежные агенты», с факелом в одной руке и манифестом «равных» в другой, примутся поджигать и разрушать все связанное с прежним строем. Он думает, люди кинутся изучать манифест, которым эти «апостолы» размахивают? Ничего подобного, они будут растеряны, напуганы и под руководством богачей кинутся вязать самих «апостолов», а документ останется непрочтенным и будет уничтожен. Не следует забывать, что всемогущее меньшинство монополизировало все источники образования; непросвещенная толпа не способна разом понять все преимущества нового строя; она пойдет за своими «обычными обманщиками». В результате не только погибнет попытка переворота, но и на долгие времена будет нанесен ущерб всему делу равенства, ибо даже память о «равных» будет проклята: их представят потомству как безумцев и гнусных разрушителей, стремящихся к уничтожению всего разумного и справедливого.

Бабеф выдвигает свой контрпроект действий. Это уже знакомый нам проект «плебейской Вандеи», причем Бабеф подчеркивает не только ограниченность территории, на которой первоначально надо действовать (против этого, вероятно, не стал бы возражать и Жермен), но и постепенность самих действий, постепенность распространения идей «равных» на более обширную территорию. Место действия надо выбирать с большой осмотрительностью — это должен быть район, где население в целом настроено благоприятно. Краеугольным же камнем всех дальнейших действий должна стать успешная пропаганда. «Главное условие успеха — быть хорошо понятыми»⁹³.

Выше отмечалось, что идея «плебейской Вандеи» — одна из очень немногих, от которых «равные» впоследствии должны были отказаться. И все-таки насколько реалистичнее и глубже, чем Жермен, представляет себе Бабеф условия переворота! Нам уже доводилось говорить о превосходстве мысли Бабефа над представлениями Жермена. В этой связи следует, хотя бы очень бегло, коснуться вопроса о роли и месте Бабефа в Заговоре во имя равенства.

Мы уже говорили, что заполненные патриотами тюрьмы того времени были своеобразными политическими дубами, центрами левой, радикальной мысли. Так, моет быть, Бабеф ничем особенно не выделялся среди товарищей по заключению, был просто человеком, наиболее удачно сформулировавшим идеи, которые и без того носились в воздухе?

Письма Жермена (и сохранившееся письмо его товарища по заключению Гуйяра) не оставляют места для сомнений: в их глазах Бабеф — автор новой, единственно правильной и единственно спасительной теории, ему же должна принадлежать руководящая идейная роль в ее осуществлении. Жермен неоднократно заявляет, что

именно Бабеф приобщил его к истине, открыл ему глаза. Его письма пестрят такими выражениями, как «твоя система», «твой план», «твой аграрный кодекс» и т.п. О том же свидетельствует и весь тон его писем: он явно смотрит на Бабефа несколько снизу вверх (еще яснее это видно в письме Гуйяра).

Здесь надо оговориться. Жермен недаром называл Бабефа «*mon egal*». Это — переписка двух товарищей, относящихся друг к другу с уважением. Бабеф называет Жермена «генерал» — это, конечно, шутовское прозвище, намекающее на специальные военные познания Жермена, но в нем чувствуется уважение. Жермен не стесняется отчитывать Бабефа, иногда довольно резко⁹⁴, и тот, судя по его единственному письму, принимает это как должное. И все-таки в письмах Жермена к Бабефу проскальзывает особый оттенок, Бабеф для него не просто равный, а, так сказать, первый среди равных.

В письме от 5 термидора, говоря о том, что все «равные» должны будут на какой-то краткий отрезок времени стать солдатами, Жермен пишет: «Вы, как новый Моисей, укажете избранному народу путь к победе, и, потрясая сотней тысяч копий, мы пойдём по нему и обеспечим Вам самый полный успех»⁹⁵. В письме от 11 термидора по поводу своего возможного освобождения:

«О, разумеется, я не уеду, не получив от тебя приказов, не приняв твоего священного благословения». И чуть ниже: «...кто может дать мне эту действительную благодать, если не Вы? Вы уничтожите во мне все, что могло еще остаться от прежнего человека, Вы просветите меня и путем вполне светского причастия сделаете из меня истинно избранного»⁹⁶. В письме от 24 термидора Жермен упоминает о «великом плане, который ты мне внушил»⁹⁷. Еще более ярко говорится о том же в письме от 10 фрюктидора: в каждом письме, отмечает Жермен, Бабеф хвалит его; он в восторге, но должен сказать, что эти комплименты надо отнести скорее к самому Бабефу, «ибо это Вы, это святая и прекрасная доктрина, которую Вы вселили в мою душу, воспламеняет мое воображение и водит моим пером»⁹⁸. Отвечая на не дошедшие до нас письма Бабефа, в которых содержались проекты их освобождения из тюрьмы, Жермен писал: «Если ты найдешь возможность (освободиться. — Г.Ч.) для себя одного, воспользуйся ей. Что касается меня, то пребывание здесь меня не смущает, и если до сего дня я не торопился ловить случай, то признаюсь тебе, что меня удерживало только то соображение, что, будучи один и не зная, что предпринять для пользы дела, потому что я здесь ни с кем не знаком, я не смогу сделать свое пребывание на свободе полезным для святого дела»⁹⁹. Соотнесение Жерменом своей роли в «святом деле» с ролью Бабефа говорит само за себя. Такого рода примеры можно было бы умножить. А чтобы не думать, что такое отношение к Бабефу было личной особенностью Жермена, сошлемся на упомянутое уже письмо Гуйяра, которое начинается с просьбы к Бабефу проявить снисходительность к Писаниям Гуйяра, далее содержит высокую оценку плана Бабефа и полную готовность послужить претворению этого плана в жизнь, а кончается словами: «Посылаю тебе свое братское объятие, и, только получив в ответ твое, я сочту себя действительно посвященным в

рыцари»¹⁰⁰. Таким образом, уже в период Арраса Бабеф становится душой, главой и идеологом постепенно созревающего Заговора во имя равенства.

Но сама идея заговора, иными словами, отказ от представлений о прямом народном действии и переход к мысли о действии сравнительно узкой группы людей (которая послужит как бы застрельщиком мощного народного движения) ставили перед Бабефом вопрос о подборе кадров для этой группы. Эта забота занимает огромное место в многогранной деятельности, развернутой им в аррасской тюрьме.

Естественно, что прежде всего он ищет будущих сподвижников рядом с собой, в Аррасе. Он пытается (в то время неудачно) наладить контакт с заключенным вместе с ним Лебуа¹⁰¹. Он ищет и находит сторонников в ближайшем окружении Ж.Лебона. Наконец, он обретает Единомышленника и друга в лице Жермена. (А Жермен, в свою очередь приобщает к идеям «аграризма» некоторых своих товарищей по заключению, в частности будущего деятельного участника заговора Гилема.)

Но Бабеф не ограничивался Аррасом. У него, разумеется, сохранились связи с Парижем. Два дошедших до нас письма гражданки Шометт свидетельствуют о том, какой активный характер они носили. Сохранились и другие свидетельства, хотя и обрывочные. 1 прериала Бабеф обратился с письмом к отцу своего товарища по заключению, депутату Лесажу-Сено¹⁰². Из письма явствует, что Бабеф пытался, выражаясь современным языком, распропагандировать этого депутата. Расхвалив сначала его патриотизм и патриотизм его сына, Бабеф сообщает затем Лесажу-Сено, что послал ему некий «проект» с обзором «нашего нынешнего плачевного положения», из которого вытекало, что пора патриотам начать действовать. «Не имея возможности обращаться одновременно ко всей Франции, чтобы говорить ей о ее недугах и о способах их исцеления, я выбираю свою аудиторию, и пусть она малочисленна, но по крайней мере я уверен в добрых намерениях тех, кто ее составляет»¹⁰³. Бабеф призывает адресата обсудить с ним содержащиеся в «проекте» вопросы. Конец письма посвящен описанию актов белого террора в Лионе и опасениям, что тоже может случиться в тюрьмах Арраса. (Возможно, в какой-то мере Бабеф старался здесь сыграть на отцовских чувствах Лесажа-Сёно: если он будет бездействовать в Париже, сына могут убить в Аррасе.) В сходном духе выдержано еще одно сохранившееся письмо Бабефа к Лесажу-Сено от 23 прериала¹⁰⁴.

12-м и 16-м фрюктидора датируются два письма к Бабефу Данеля, находящегося в заключении в одной из парижских тюрем¹⁰⁵. Как и мадам Шометт, Данель уделяет в этих письмах много места обзору политического положения, которое считает довольно мрачным, обращая особое внимание на акты белого террора, на начавшийся в неблагоприятной обстановке процесс Лебона и на пассивность народа (по отношению к последнему в письмах проскальзывает некоторая горечь). Но все же Данель надеется, что этот «спящий лев» еще раз проснется и обратит в прах всех своих врагов. Во всяком случае сам Данель и люди, подобные ему, скорее погибнут, чем откажутся от дела,

которому они себя посвятили. В этой связи Данель сообщает, что он находится в одной камере с Легрэ (бывшим председателем Электорального клуба), предпринимающим все возможное, «дабы вырваться из когтей тирании, не ради того, чтобы спать, но чтобы действовать так, как всегда будут действовать те, кто поклялся сохранить независимость или умереть». (16 фрюктидора Данель уже сообщает об освобождении Легрэ.)

Отметим еще один интересный факт: Данель знает о переписке Бабефа с Жерменом, о котором очень высоко отзывается (он был его соседом по камере в Плесси). Вполне возможно, что он имел какое-то представление о характере переписки: судя по всему, он был как раз и человеком, которого Бабеф должен был стремиться вербовать.

Таким образом, связи Бабефа с Парижем не только не порвались, но и расширились. Такие же связи были, видимо, кое у кого из его новых друзей¹⁰⁶. Но особенно активно искал он связей в провинции¹⁰⁷. В этом ему помогали действия термидорианцев, довольно часто «тасовавших» состав заключенных, переводивших их из одного города в другой. Распропагандированные им или единомышленниками (тем же Жерменом) товарищи по заключению становились своеобразными «агентами на местах».

Большое место в переписке занимает Лилль. В Лилль вносит короткий визит сидевший вместе с Жерменом Эмери. Вернувшись в Аррас, он приходит к Жермену с рассказом о положении в этом городе¹⁰⁸, а затем уезжает Париж, откуда регулярно пишет Жермену¹⁰⁹. В Лилль управляет Бабеф свой «план», и Жермен засыпает его вопросами: получил ли ты ответ от «твоих славных лилльцев»? можно ли на них рассчитывать?¹¹⁰ По поводу проектов освобождения Бабефа Жермен замечает, что надо действовать «в Лилле и в других местах» с целью помочь Бабефу. «Не будем терять времени... — продолжает он. — Поспешим как можно быстрее возобновить цепочку связи (la chaîne des communications; выделено нами. — Г.Ч.)». Далее Жермен интересуется, не Таффуро ли тот человек, который находится сейчас в заключении в Лилле, а недавно был в Боде (т.е. в той же тюрьме, что и Бабеф). Если это он, то Жермен знает способ устранить трудности в переписке при помощи надежного человека, знакомого Гуйяра, живущего в Лилле, который может быть полезен и в других отношениях¹¹¹. На следующий день он сообщает Бабефу, что Гуйяр написал в Лилль. Весьма возможно, что Лилль приобрел такое значение в глазах обоих корреспондентов, так как именно там оказался особенно активный или удачно действующий агент (не исключено, что это Таффуро, познакомившийся с Бабефом в тюрьме Боде).

Однако внимание «равных» обращено и на другие районы страны. Гуйяра переводят из Арраса в Бетюн, откуда он родом. Прекрасно комментирует это событие Жермен, у него там большие связи, и он сможет там многое сделать, гораздо больше, чем здесь¹¹². До Жермена доходит слух о восстании патриотов на юге — он приходит в большое волнение, обсуждает перспективы этого движения и заявляет; «...тысяча попыток, сразу же потерпевших поражение в этой несчастной стране, за-

ставляет меня предсказывать тысяча первую»¹¹³. «Патриот из Сент-Омера отбыл вчера с группой своих товарищей, которых я наставлял, как мог; чтобы быть еще более уверенным в том, что они не сойдут с правильного пути, я вчера весь день занимался составлением нескольких небольших работ, которые я им передал; они поклялись мне исполнить свой долг»¹¹⁴.

Таких примеров много; упоминания о людях, к которым следует внимательно присмотреться (и которые часто являются подателями данных писем), то и дело встречаются в переписке. Отметим лишь одно такое упоминание, косвенное, но интересное благодаря личности человека, о котором идет речь. Жермен узнал, что на свободу вышел Варле. Это очень его обрадовало, и он спешил поделиться новостью с Бабефом¹¹⁵; тут же он характеризует Варле как человека, способного на большую самоотверженность, хотя чрезмерно горячего экзальтированного. Мы знаем, что это упоминание получило продолжение в истории бабувизма: хотя Варле не принял участия в Заговоре, «равные» рассчитывали на его поддержку после переворота.

Все это свидетельствует о постоянном интересе к вербовке кадров для будущей революционной организации. Следует отметить также ту сторону этой деятельности, которая была бы невозможна вне этой идеи «действий узкой группы революционеров», «заговора меньшинства», вне всех горьких уроков революции. В письмах Жермена (и Бабефа) настойчиво звучит тема, прежде у Бабефа почти не встречавшаяся, — тема осторожности. Надо проявлять величайшую осторожность во всей деятельности, а в вербовке союзников — особенно, это гарантирует великий замысел от провала, в кроме того, гарантирует самих заговорщиков от проникновения в их среду людей случайных, недостойных или просто не стоящих на уровне поставленных перед ними высоких задач.

Мы говорили о ряде случаев, когда Жермен рекомендует Бабефу того или иного человека. Едва ли не столь же случаев, когда он его предостерегает против кого-либо из заключенных (или бывших заключенных)¹¹⁶. Даже с людьми, которые в общем кажутся симпатичными и сочувствующими, нужна сугубая осторожность: им можно доверять, только хорошо их изучив и проверив на деле. «...Меня, возможно, даже несколько труднее убедить, чем покойного апостола Фому: в прошлом [мы] так часто бывали обмануты... что сейчас следует действовать с двойной оглядкой»¹¹⁷.

Жермен неоднократно предостерегал Бабефа против некоего Гонора, человека сомнительного и легкомысленного. Он оказался прав: обедая у Бабефа, Гонор, выпив вина, болтал лишнее в присутствии совершенно неподходящих лиц, и Бабефу пришлось срочно предпринять ряд шагов, чтобы нейтрализовать возможные последствия этой опасной болтовни. По этому поводу Жермен пишет Бабефу; «Заклинаю Вас, соблюдайте осмотрительность, как говорится, не раскрывайте душу каждому встречному и поперечному: пусть избыток искренности, избыток доверия не заставляет вас говорить то, что Вы должны открывать только людям проверенным и надежным»¹¹⁸.

20 фрюктидора Жермен сообщает Бабефу, что им, может быть, удастся свидеться, но при свидании будут присутствовать два человека, пользующиеся репутацией санкюлотов, однако прибывшие в тюрьму недавно и недостаточно известные. «Я думаю, что осторожность требует особенно себя не выдавать... Все, кто нам не очень хорошо известен, должны рассматриваться как посторонние, а все посторонние могут быть приобщены к священным тайнам пропаганды только после испытания»¹¹⁹. Одним словом, «недоверие — мать безопасности»¹²⁰. Весьма показательна в этом отношении история с Гуйяром.

Впервые Гуйяр упоминается в письме от 3 термидора (письмо это и написано Гуйяром под диктовку Жермена, так как у последнего болела рука) как человек, достойный самого полного доверия. Этот лестный отзыв подтверждается в дальнейшем в других письмах, к которым Гуйяр уже не имел никакого отношения. 11 термидора Жермен сообщает Бабефу, что приобщил Гуйяра к «священным тайнам аграрной системы», которую Гуйяр находит великолепной. Жермен не преминул добавить, что Гуйяр пользуется большим влиянием у себя на родине, неподалеку от Арраса (имеется в виду Бетюн), где он знает многих, кому эта система придется по вкусу. Казалось бы, вопрос с Гуйяром исчерпан: он «приобщен к тайнам», его влиянием собираются воспользоваться, он вошел в число «своих». Оказывается, все не так просто. 27 термидора Жермен советуется с Бабефом, следует ли информировать Гуйяра обо всем. Если Бабеф сочтет это возможным, Жермен охотно это сделает. Не то чтобы Жермен сомневался в Гуйяре, «но нужна иерархия в степени посвященности... этого требует осторожность»¹²¹. И на следующий день сообщает: «Я исполнил твой приказ, мой трибун, Гуйяр — рыцарь ордена равных»¹²².

В этом эпизоде особое внимание привлекает даже не от факт, что Гуйяр, так сказать, «креатура» самого Жермена. Чрезвычайно интересна здесь мысль об «иерархии степеней посвящения», — мысль, может быть ярче всех других свидетельствующая о том, как далеко ушли будущие «равные» от идеи массового народного действия. Этой мысли суждено было найти воплощение не только в истории Заговора во имя равенства, но и позднее, в деятельности одного из виднейших бабувистов — Ф.Буонарроти¹²³.

Остается выяснить, как относился к идее осторожности в подборе кадров сам Бабеф. У нас есть всего два его высказывания по данному вопросу, но они достаточно красноречивы. Жермен несколько раз предостерегал Бабефа против некоего Найе. Единственное сохранившееся письмо Бабефа к Жермену кончается словами «...ты говоришь мне о бездельнике по имени Найе, с первого взгляда я понял, что он собой представляет санкюлот, если угодно, но я сблизюсь и вступаю в дружеские связи только с людьми нравственными и обладающими здравым смыслом»¹²⁴.

Еще более убедительно второе свидетельство. Упомянутый выше Гонор, узнав, что встревоженный его поведением Бабеф предпринял ряд шагов, чтобы от него «отмежеваться», написал ему оскорбительное письмо. Смысл его сводился к тому, что он, Гонор, является активным

участником революции и проливал за народ свою кровь, чем Бабеф отнюдь похвастаться не может. Все это сопровождалось намеками на то, что Бабеф — человек «с двойным дном», который думает одно, а пишет другое. На этом письме Бабеф сделал следующую приписку: «Я не собираюсь отвечать на оскорбления Гонора. Его нескромное поведение, его неразборчивость в знакомствах, методы, которыми он пользуется для осуществления внешне хороших намерений, — все это оправдывает мое поведение по отношению к нему. Я отнюдь не оспариваю его революционные заслуги, я также не ставлю под вопрос его намерения, но я говорю, что он неосторожен в поступках и недостаточно сдержан. Он не считает, что позавчера кого бы то ни было скомпрометировал; я же полагаю, что он рисковал скомпрометировать нечто большее, чем безопасность отдельных лиц. Мне жаль, что он, как кажется, не расположен последовать братским советам и увидеть в истинном свете мотивы и намерения тех, *кто действует* (выделено нами. — Г.Ч.). Быть может, в этом был бы для него единственный способ не полностью утратить их доверие»¹²⁵.

Таким образом, мы можем утверждать, что принцип осторожности в подборе кадров полностью разделялся Бабефом. Опыт революции не прошел для него даром. Отныне человеку недостаточно иметь революционные заслуги и добрые намерения или пользоваться репутацией санкюлота для того, чтобы Бабеф стал поддерживать с ним отношения. Людей типа Фуше в его окружении больше не будет¹²⁶.

И Бабеф, и Жермен — люди чрезвычайно активные, неудивительно, что их сжигает жажда деятельности, прямых, непосредственных действий. Письма Жермена пестрят выражениями вроде «скажи только слово — я готов», изъявлениями досады, что нельзя начать действовать немедленно¹²⁷. Такие же настроения были, видимо, свойственны и Бабефу. Жермену приходилось даже несколько его сдерживать. Судя по началу письма Жермена от 5 термидора, Бабеф жаловался ему на то, что они теряют время в бесплодных разговорах. Нет, эти разговоры не бесплодны, отвечает Жермен, чем глубже мы предварительно обсудим наши планы, тем легче претворим их впоследствии в жизнь. Бабеф в своем письме от 10 термидора полностью соглашается с Жерменом, его слова в предыдущем письме, видимо, продиктованы естественным человеческим нетерпением.

Это естественное нетерпение, свойственное людям действия, многократно возрастало оттого, что и Жермен Бабеф прошли такую школу непосредственного претворения политических планов в жизнь, какую дала революция. Но оно связано с опытом революции и еще одной стороной. Мы уже отмечали, что именно этот опыт вызвал крах всех иллюзий Бабефа относительно возможных путей к желанному «всеобщему счастью». Он привел Бабефа к глубокому убеждению, что осуществление его идеала возможно только путем уничтожения «корня зла» — частной собственности, только путем введения равенства на деле». Вот это глубочайшее убеждение том, что они знают единственно правильный путь и их долг перед народом — повести его по этому пути, чрезвычайно сильно проступает в письмах.

«Только введя твою систему, провозгласив истинную свободу, дав народу возможность пользоваться истинным равенством, мы установим среди нас счастье, изобилие и добродетель. Таким образом, следует обратиться исключительно к этой системе, и мы должны внимательно изучить все, что революция показывает нам в области движения и контрдвижения, чтобы извлечь из этого пользу. До сих пор ее путь был только колебанием то вперед, то назад»¹²⁸. Та же мысль содержится в письме от 5 термидора, в рассуждении о том, что в результате будущего переворота «один эгоизм не должен смениться другим», как это было в ходе всех предшествовавших революций. Еще более ярко об этом говорится в письме от 16 фрюктидора: «каждый раз народ надеется и ничего не получает», происходит лишь перераспределение благ, «положение изменяется только для отдельных лиц, а масса все так же обречена на прежнее невежество и прежнюю нищету. Существует политика, приводящая только к разочарованию, и это такая политика, согласно которой все считается сделанным, если введены новые формы, при том, что основы остаются неизменными. Впрочем, сейчас мы знаем, что все способы — лишь паллиативы... равенство, разумно организованное абсолютное равенство... — вот радикальное средство»¹²⁹. По мнению Жермена, народ все более разочаровывается в тех «метафизических фикциях», с помощью которых его стараются уверить, «будто ему оставляют все то, что у него отнимают». «Он знает, что король создает не титул, а аристократию не кусок пергамента, он знает, что есть господа и рабы повсюду, где есть богатые и бедные; он еще восстанет... но уже не для того, чтобы деспотизм и угнетение перешли в другие руки, не для того, чтобы возникли новые богачи и новые тираны. Только твоя революция, мой трибун, сможет его удовлетворить, после нее равенство не будет больше эфемерным... Итак, серьезнейшим образом подумаем о том, как нам приняться за дело спасения, за дело полного удовлетворения чаяний народа. Время приближается, может быть, оно уже наступило»¹³⁰. Поспешим — осчастливим этим человечество — вот характернейший мотив всех этих размышлений¹³¹.

Эта жажда действий, увеличивавшая естественное желание как можно скорее выйти на свободу, это стремление определить, «не настало ли время», заставляли и без того горячо интересовавшихся политической жизнью Жермена и Бабефа особенно пристально следить за обстановкой и событиями в стране¹³². Почти нет письма, в котором так или иначе не затрагивался бы этот вопрос. Оба корреспондента проявляют к нему жгучий интерес. Жермен, находившийся на более свободном режиме, чем Бабеф, то и дело посылает ему, по его просьбе, полученные им газеты или пересказывает содержание последних новостей, интересуется мнением Бабефа. Естественно, что оба предпочитают черпать информацию из демократической прессы (особенно часто упоминается газета Ш.Дюваля «Journal des hommes libres de tous les pays»), но не пренебрегают и газетами из враждебного лагеря. Дополнительным источником сведений становились новые заключенные, а также друзья, навещавшие узников или писавшие им письма.

Первое, что хотелось бы отметить, — это хорошую ин-

формированность обоих корреспондентов (прежде всего мы можем говорить, конечно, о Жермене, ибо суждения Бабефа отражались в переписке лишь косвенно). Это было совсем не так просто, как может показаться на первый взгляд: в тюрьмах циркулировало большое количество странных, иногда совершенно фантастических слухов¹³³, и человеку, находившемуся в заключении, было не всегда легко отличить правду от вымысла.

Такого рода сомнительные сведения очень редко попадают в письма Жермена, а уж если попадают, то обычно сопровождаются изрядной долей здорового скептицизма. В качестве примера сошлемся на единственный случай, когда неверные данные касаются действительно важного вопроса — оценки событий 1 прериала. 23 мессидора Жермен пересылает Бабефу письмо с человеком, которого горячо рекомендует. В письме говорится: этот человек «рассказывал мне о journee 1 прериала вещи, которые меня удивили. Это движение, эти крики «хлеба», «конституции 1793 года», «да здравствуют якобинцы» — представь себе, он уверяет, что все это было делом рук роялистов... О! как обмануты были санкюлоты, если это действительно правда!»¹³⁴ Оттенок недоверия в этих словах совершенно несомненен, и версия о роялистском происхождении 1 прериала более нигде не повторяется. Тот же факт, что Жермен считает такую возможность неисключенной, ничуть его не компрометирует: эта версия имела широкое хождение среди современников, как «правых», так и «левых», а впоследствии и среди историков. Наличие определенных элементов провокации в событиях 1 прериала не отрицают и многие современные историки. Таким образом, информатор Жермена вовсе не легкомысленный человек, передающий случайную сплетню. Весьма возможно, что высокий отзыв о нем Жермена вполне заслужен.

Хорошая информированность, помноженная на ясный и точный ум, позволяла Жермену (как и Бабефу) не только отличать правду от вымысла, но и с большой трезвостью разбираться в политической обстановке и — что еще важнее и труднее — в основных тенденциях политической жизни. Во многих письмах Жермена рассматривается вопрос об опасности роялизма: политика термидорианцев, считает он, в огромной степени увеличила силу этой партии. Но напрасно! нынешние правители надеются опереться на роялистов в борьбе против левых: когда роялисты почувствуют себя достаточно сильными, они постараются смести не только «террористов», но и своих теперешних покровителей. В самой этой мрачной перспективе содержится некоторая доля надежды: «чем хуже, тем лучше», «равные» сумеют воспользоваться данной ситуацией. (Может быть, роялистская угроза пробудит народ, а может быть, правительство осознает, что в патриотах — единственное спасение от роялизма, и выпустит их на свободу, а уж они сообразят, как следует ею распорядиться¹³⁵.)

Если рассматривать каждое высказывание Жермена по этому вопросу в отдельности, некоторые из них могут показаться не вполне точными, преувеличенными или несколько наивными. Но в целом он с удивительной ясностью разобрался в политической ситуации и очень точно предсказал грядущие события. Менее чем через три месяца

произошел роялистский мятеж, а вслед за тем «политические качели» качнулись влево, что принесло свободу многим арестованным патриотам, в том числе и будущим бабувистам.

То же самое можно сказать и об оценке Жерменом конституции 1795 г. — вопросе, занимавшем немалое место в его письмах. Конституция, считает он, выгодна только банде богачей; народ она низводит к политическому небытию. Но, уничтожая все надежды демократов, конституция одновременно расстраивает и планы роялистов: если она будет принята, «Лежандры, Фрероны, Луве станут их (роялистом. — Г.Ч.) господами, а они не хотят их видеть даже своими слугами»¹³⁶. Трудно не согласиться с этой справедливой оценкой. Правда, из всего этого Жермен делает вывод, что конституция нежизненна и «не утвердится» (*ne s'établira pas*), — это он повторяет из письма в письмо. Если понимать его слова буквально (а сам он именно так их и понимал), то он, конечно, ошибался: термидорианцы сумели провести свою конституцию через народные собрания. Но в определенном смысле Жермен и здесь оказался пророком: конституция действительно была нежизненной и, как мы знаем, продержалась недолго.

Мы отметили здесь лишь два из многих сложных политических вопросов, затрагивающихся в переписке: ведь письма изобилуют еще и множеством небольших, но чрезвычайно ярких и метких высказываний и характеристик: то это восторженный гимн Робеспьеру¹³⁷, то уничтожающий отзыв о некоторых термидорианских деятелях, этих «двуличных людях», которые «телом находятся в одном лагере, а душой в другом»¹³⁸, и многие прочие.

Разумеется, вся эта напряженная, почти ежедневная переписка не могла вестись в одном тоне. У Жермена (как и у Бабефа) бывали минуты тоски, пессимизма, усталости. Изредка это сказывалось и на оценке политического положения. Не поздно ли? Способен ли еще народ на взрыв энергии? А высказывания вроде: «сомневаться (в успехе их дела. — Г.Ч.) — значит отказаться от него, и я не сомневаюсь»¹³⁹ — говорят скорее о попытках отогнать сомнения, чем о твердой уверенности. Но энергия, вера в народ, оптимизм в огромной степени преобладают в настроениях обоих корреспондентов. Жадно сообщаются друг другу сведения о ропоте в Париже, о «борьбе афиш», о волнениях на юге или в окрестностях Арраса и т.п.¹⁴⁰ Если народ временно пассивен, то лишь потому, что глубоко разочарован результатами революции. Надо показать ему правильную цель, дать первый толчок, и он воспрянет. Но, для того чтобы сделать это, необходимо очутиться на свободе.

Стремление как можно скорее выйти на свободу более или менее явно видно почти во всех «политических обзорах» Жермена. Многие политические события он обсуждает, помимо всего прочего, и с той точки зрения, не будут ли они способствовать освобождению патриотов¹⁴¹. Большие надежды возлагал Жермен и на хлопоты друзей. Нетерпение его тем более усиливалось, что с конца термидора — начала фрюктидора освобождение было ему уже обещано и откладывалось со дня на день. По письмам Жермена видно, что Бабеф разделял это нетерпение, строил планы освобождения — лично своего и совместного — и предпринимал с

этой целью разного рода шаги. Об одной из таких попыток у нас сохранились прямые документальные свидетельства — два письма Бабефа. Одно из них адресовано его бывшему издателю, правому термидорианцу Гюффруа, второе — другу и единомышленнику Бабефа, знакомому ему еще по работе в парижской продовольственной администрации, Тибодо¹⁴².

Прежде чем перейти к анализу этих писем, скажем несколько слов о датировке первого из них. Оно опубликовано Этьеном Шаравэ в журнале «*Revolution française*» за 1885 г. (том VIII) и в этой публикации датировано 9 флореаля. Эта датировка представляется ошибочной. Письмо тематически, несомненно, примыкает к нескольким однотипным письмам, написанным Бабефом, по его словам, другим видным термидорианцам два месяца спустя и либо не дошедшим до нас, либо неопубликованным. Сопоставление этого письма с письмом жены Бабефа к мужу от 21 термидора (в котором она сообщает Бабефу, что пошла с его письмом к Гюффруа, но была им очень плохо принята)¹⁴³, заставляет датировать письмо Бабефа к Гюффруа термидором III года.

Итак, в конце термидора — начале фрюктидора Бабеф пишет видным деятелям термидорианского режима ряд писем, относительно которых у нас есть его собственное свидетельство, что они выдержаны в том же духе, что и его письмо к Гюффруа. Каково же содержание этого последнего письма?

Бабеф напоминает своему бывшему издателю об их разрыве и даже высказывает подозрение, что Гюффруа приложил руку к его аресту. Однако тут же он заявляет, что, по его мнению, в их разрыве есть некоторая доля и его вины. У республиканцев, пишет Бабеф, есть скверная привычка биться друг с другом насмерть при малейших разногласиях. Не пора ли от нее отказаться — это пойдет на пользу общему делу. В свое время Бабеф и Гюффруа разошлись главным образом по вопросу о конституции 1793 года: Бабеф был ее сторонником, а своего издателя считал ее врагом. Сейчас ему кажется, что их позиции сближаются. В этом его убеждают последние выступления Камбасерса по поводу проекта новой конституции. Бабеф сообщает, что пишет сейчас работу об этом проекте и надеется опубликовать ее с помощью Гюффруа. Тот, вероятно, еще не забыл, каким влиянием на народ пользовался Бабеф, а так как правительство, по-видимому, избирает отныне правильный путь, это влияние может быть ему небесполезно¹⁴⁴.

Опубликовавший данное письмо Шаравэ принимает все сказанное за чистую монету: он считает, что Бабеф действительно был «поражен сходством» своих идей с идеями Камбасерса. Это, разумеется, совсем не так. А имеющееся в нашем распоряжении письмо Бабефа к Тибодо от 7 фрюктидора III года, которого не знал Шаравэ, не оставляет и тени сомнений: перед нами — политический маневр.

Бабеф пишет другу, что не согласен с его советом «терпеть и молчать»: таким путем он ничего не добьется. Тибодо смущает намерение Бабефа обратиться с письмами к таким людям, как Гюффруа, Тальен, Фрерон, Изабо и др. Бабефу и самому неприятно очутиться в положении униженного просителя перед людьми, которых он ненавидит и презирает.

Тем не менее это его не остановит. Опыт прошлого показывает, что когда революционеры чересчур заботились о незапятнанности своей репутации, это приводило их только к быстрой гибели, которая вопреки их надеждам не производила никакого впечатления на народ, иными словами, была практически бесполезной. Между тем если бы они избрали менее прямой и откровенный путь, научились бы лукавить с мерзавцами, находящимися у власти, то сохранили бы и жизнь, и свободу, и смогли бы принести много пользы делу народа, делу революции. Эти соображения, этот «макиавелизм правого дела» должны, по мнению Бабефа, оправдать и в глазах современников, и в глазах потомков те его поступки, которые на первый взгляд могут показаться трусостью и изменой принципам¹⁴⁵. Он боится не ложного истолкования своих поступков, а только одного: «Будут ли эти люди настолько добры, чтобы позволить мне обвести их вокруг пальца?»¹⁴⁶.

Данные письма показывают нам Бабефа — политического деятеля с той стороны, которую не всегда признают за ним историки. В литературе бытует представление о некоторой «наивности» Бабефа. Это суждение не лишено оснований: Бабеф был человеком увлекающимся. Но тщательное изучение его биографии показывает, что ему были свойственны и совершенно иные качества: умение трезво оценивать обстановку, решительно противостоять общему мнению, наконец, способность, когда это необходимо, прибегать к определенному политическому лавированию. Последнее из этих качеств, проявляемое им и раньше, нигде, однако, не сказалось так ярко, как в этих письмах.

Но современный человек, прочтя все эти рассуждения Бабефа, может сказать: умение лавировать, конечно, ценное качество в политике, и все-таки Бабеф проповедует скользкую, опасную мораль. Однако не будем торопиться с выводами.

Прежде всего следует сказать, что хотя Бабеф ссылается на опыт своих предшественников, настоящих предшественников у него почти не было!¹⁴⁷ Своеобразный моральный кодекс, определяющий сегодня в наших глазах мужественное и достойное поведение революционера в тюрьме, тогда еще не существовал. Он едва начинал складываться на опыте, ошибках и гибели бесчисленных поколений революционеров. И если мы знаем сегодня то, чего не мог знать Бабеф, — что его «макиавелизм правого дела» — опасное, обоюдоострое оружие и может далеко завести, то знаем мы это лишь потому, что люди, подобные Бабефу, выстрадали для нас эту истину.

К этому надо добавить, что Бабеф был совершенно искренен, когда говорил, что добивается свободы только ради того, чтобы принести пользу народу. Мы уже отмечали: он был глубоко убежден, что знает единственный путь к спасению. При этом ему был не чужд своеобразный историзм: в отличие, например, от Фурье он понимал, что его систему можно провести в жизнь вовсе не в любую минуту, момент можно и упустить. Сочетание двух этих убеждений, помноженное на активность его натуры, и привело его к идее «свободы любой ценой». В том же, что он не лукавил ни перед другими, ни перед самим собой, не прикрывал высокими побуждениями естественное стремление поскорее выйти из

тюрьмы, убеждает нас вся его дальнейшая недолгая жизнь.

Как отнесся к этим попыткам Бабефа Жермен? Он их не одобрил, но не с моральной¹⁴⁸, а с чисто практической точки зрения: он считал их бесполезными. Выражаясь словами Бабефа, Жермен был уверен, что «эти люди не будут настолько добры, чтобы дать обвести себя вокруг пальца». «Друг мой, не ожидай свободы ни от какого из тех средств, о которых идет речь в письмах, отрывки из которых ты мне сообщил», — писал Жермен. Он и сам склонялся некогда к подобным шагам, но убедился, что «они вызывают только смех у наших угнетателей». Надейся лучше на друзей, советует Жермен Бабефу, в частности на Гуйяра, который, несомненно, сделает все возможное, «чтобы доставить тебе то, чего ты напрасно льстишь себя надеждой добиться от правительства»¹⁴⁹.

Бабеф и Жермен жаждали активных и непосредственных действий. Но путь на свободу был им пока заказан. Поэтому они попытались принять прямое (насколько это было возможно) участие в политической жизни Арраса. Они сумели установить тесные связи с аррасскими санкюлотами и активно участвовали в развернувшейся в Аррасе летом 1795 г. борьбе вокруг утверждения конституции 1795 года.

Кампания эта неожиданно переплелась с трагикомическим эпизодом, связанным с именем некоего Бетюна. Этот молодой человек, сын погибшего на гильотине графа Бетюна, был вождем местной «золотой молодежи», которая в Аррасе, как и повсюду после 9 термидора, терроризировала патриотов и террористов и устраивала шумные демонстрации в общественных местах. В середине термидора они учинили очередной скандал в театре, закончившийся дракой между мюскаденами и патриотами. Потому ли, что вина мюскаденов как зачинщиков драки была слишком очевидной, потому ли, что политическая обстановка была для них неблагоприятной¹⁵⁰, или по обоим этим причинам, вместе взятым, но выхода мюскаденов на этот раз не осталась безнаказанной. Несколько человек, в том числе и сам Бетюн, были ненадолго препровождены в тюрьму Бодэ.

По выходе оттуда один из них — Санлюк — написал брошюру, в которой поливал грязью аррасских санкюлотов и выставлял их зачинщиками беспорядков, мюскаденов же изображал невинными жертвами, которые вдобавок еще и пострадали, оказавшись в тюрьме, причем в обществе таких бандитов, как Бабеф. «Бандит» не оставил эти нападки без ответа и написал свою контрброшюру¹⁵¹, датированную 15 фрюктидора III года. Бабеф начинает ее с того, что самозванные «порядочные граждане» уже давно под покровом громких слов подавляют и убивают истинных патриотов, которых называют террористами. Пусть же истина будет восстановлена хотя бы в одном, данном случае. Далее в преувеличенно памфлетных тонах он описывает «злключения» аррасских мюскаденов; заканчивает он брошюру обращением к патриотам: скоро состоится первичные собрания, пусть же они воспользуются этим случаем, чтобы закрепить свою победу над мюскаденами и теми, кого они представляют, — «миллионом почтенных граждан».

К этому времени у Бабефа и особенно у Жермена были уже прочные связи среди местных санкюлотов¹⁵². 16 фрюктидора Жермен, которому Бабеф, вероятно, переслал рукопись своего памфлета, восторженно этот памфлет одобряет. Мало того, он считает, что Бабеф обязан его напечатать, так как клевета Санлюка чернит не только Бабефа, но и всех аррасских патриотов, а брошюра — достойный ответ от их имени. У него был сегодня один санкюлот, которому он осторожно намекнул на этот памфлет, и тот ответил: пусть только нам дадут подобный текст, а уж мы найдем средства, чтобы его немедленно напечатать. Жермен пошлет его к Бабефу, а сам поговорит об этом еще и с другими людьми, но пусть Бабеф поторопится принять решение; «Нельзя терять ни минуты, первичные собрания должны состояться через четыре дня»¹⁵³. Таким образом, брошюра Бабефа должна была сыграть определенную роль в предстоящей борьбе.

Но это не единственный документ, с которым выступил в это время Бабеф. 17—18 фрюктидора он пишет обращение «Трибун народа — inferнальной армии»¹⁵⁴. Оно состоит из двух частей. В первой он касается эпизода с Бетюном и благодарит *infernaux* за то, что они выступили в защиту заключенных против «подлой когорты Иисуса»; теперь, когда защитили отдельных личностей, надо защитить и общее дело. Во второй части он анализирует «монумент тирании, который вам предлагают под бесстыдно лживым названием республиканской конституции». Согласно этому документу, в Законодательном корпусе смогут заседать только вельможи, ибо вводимый ею имущественный ценз даже выше, чем в конституции 1791 года. Стоило ли совершать 10 августа! Народ отрекается на невежество, так как не будет более учителей, оплачиваемых Нацией, и, следовательно, бедняки не смогут учить своих детей. Вместо одного короля будет пять, избираемых не народом, а Законодательным корпусом. У каждого из них по очереди будет диктаторская власть со всеми ее внешними атрибутами. Нынешний сенат становится несменяемым, так как переизбираться будет только одна его треть раз в два года, причём эту треть можно снова избрать. А ведь все знают, к чему ведет длительное пребывание у власти одних и тех же лиц! Конституция вводит две палаты — верхнюю и нижнюю, так сказать, палату лордов и палату общин, и отныне уже не народ будет санкционировать законы: право вето получит верхняя палата. Почему бы тогда не оставить его за Советом Людовика XVI? И это Голько некоторые из «народоубийственных» свойств новой конституции. Чтобы перечислить их все, пришлось бы предпринять специальную работу. Но и перечисленных довольно, чтобы сделать единственно правильный вывод; и Бабеф призывает *infernaux* отвергнуть проект конституции.

Словесными призывами дело не ограничилось. 17 фрюктидора в половине одиннадцатого вечера (это отмечено на письме) Жермен сообщает Бабефу, что санкюлот, о котором шла речь накануне¹⁵⁵, побывал у Жермена и скоро будет у Бабефа, — пусть Бабеф передаст ему то, что напишет. «Он получил инструкции; надо, чтобы он выучил наизусть или привык читать очень бегло, как если бы это было написано им самим, несколько небольших сочинений, которые он обещал мне

огласить с трибуны первичного собрания, на котором он будет присутствовать. Несколько других славных парней сделают то же самое в других местах. ...Это нужно, чтобы расшевелить санкюлотов и заставить "порядочных людей" поднять перчатку. Тогда завяжется борьба, и да поможет нам бог»¹⁵⁶. На следующий день Жермен сообщает: «Я передам моряку¹⁵⁷ копию моей речи к народу и несколько других вещей: он обещал мне с чувством прочесть мою прозу на народных собраниях...»¹⁵⁸. Значение этих свидетельств трудно переоценить. Бабеф и Жермен по сути дела лично участвуют в народных собраниях, составляя для некоторых из участников тексты выступлений, которые те потом выучивают наизусть и произносят от своего имени!

Какой размах приобрела эта их пропаганда, показывает письмо от 19 фрюктидора¹⁵⁹. «Хромой вестник» и другие санкюлоты, пишет Жермен, присутствовали при вскрытии пакета, который Бабеф отправил ему вчера вечером. Жермен прочел има содержащиеся в нем бумаги, дал необходимые объяснения, после чего они отправились провозгласить агнее *infernale* и всем санкюлотам поразительные истины, которые ты им объявляешь. Я жду от этого самого большого успеха»¹⁶⁰. Более того, не позднее чем завтра утром будут готовы и печатные тексты, «которые поступят в распоряжение славных людей, взявшихся их распространять»¹⁶¹.

Не довольствуясь этим, Жермен отправляет Гуйяру некоторые агитационные материалы, составленные Бабефом: «...смею надеяться, что он успешно ими воспользуется, учитывая, что у него еще больше возможностей для их распространения, чем у нас, и что класс санкюлотов в его краю гораздо более пылок, чем здесь»¹⁶². Жермен сообщает также, что ему принесли полный текст конституции 1795 года и он по примеру Бабефа предпринял анализ ее «свободоубийственных» черт и собирается передать эту свою работу кому-нибудь из санкюлотов, дабы на завтрашних собраниях они могли мотивировать свой отказ ее одобрить¹⁶³. 20 фрюктидора Жермен по просьбе Бабефа пересказывает ему содержание своей речи к народу¹⁶⁴ (той самой, о которой он писал 18-го), подчеркивая, что в ней он многое заимствовал из обращения Бабефа к *infernaux*. Речь завершается призывом отвергнуть новую конституцию, и Жермен выражает надежду, что многие первичные собрания именно так и поступят¹⁶⁵.

Может показаться, что Жермен и Бабеф чрезмерно обольщаются относительно результатов своих усилий. Отчасти это верно, но только отчасти, ибо за этими оптимистическими словами Жермена следует такое характерное рассуждение: «Ты не слишком рассчитываешь на то, что этот день станет днем искупительной жертвы, со своей стороны я добавлю, что не только никогда не рассчитывал на то, что он сможет стать таким днем, но я не думал, что именно в этом районе мы сможем попытаться ввести наши святые учреждения: но я надеюсь, на нашем луке — не одна тетива, и сегодняшний неуспех не предопределяет неудачи наших дальнейших попыток»¹⁶⁶.

Эти сведения о личном и в высшей степени активном участии Бабефа и Жермена в политической борьбе в Аррасе чрезвычайно интересны. Они очень ярко подтверждают то, что мы уже говорили выше об огромной политической активности Бабефа, его стремлении к прямому, непосредственному действию. Но здесь проявилась и еще одна его характерная черта — отсутствие доктринерства, фанатизма, умение считаться с требованиями момента, умение правильно оценивать политическую обстановку и приноравливаться к ней. В самом деле, человек, стремящийся к коммунистическому преобразованию общества, видящий в нем единственный способ избавить народ от бедствий и угнетения, казалось, мог бы рассуждать так: не все ли равно, какая конституция будет у республики, если нам в любом случае предстоит ее опрокинуть и заменить новой? Бабеф очень отчетливо и ясно понимал — не все равно. Какой бы ни была его конечная цель, он всегда считал необходимым бороться за сохранение всех тех политических и социальных завоеваний, которых народ добился в ходе революции¹⁶⁷. Он будет бороться против цензовой конституции 1795 г. Он до самого конца будет чрезвычайно высоко ценить демократическую конституцию 1793 г., хотя она во многих отношениях и не совпадала с его идеалом. Несколько ниже мы увидим, что, когда против ненавистного ему термидорианского Конвента был поднят роялистский мятеж, Бабеф проявил полную готовность с оружием в руках защищать правительство, которое сам собирался свергнуть. Он понимал, что каким бы скверным оно ни было, это все же республиканское правительство, вышедшее из революции и в какой-то мере связанное с ней, и коль скоро надо было выбирать между ним и роялистами, Бабеф не знал колебаний.

Но не было ли и других соображений у Бабефа, когда он ввязывался в политическую борьбу в Аррасе? Не надеялся ли он, что борьба вокруг утверждения конституции разбудит активность народа, даст толчок иной борьбе, возможно, поможет начать «плебейскую Вандею»? Только что процитированный отрывок из второго письма Жермена от 20 фрюктидора показывает, что такие предположения не лишены определенных оснований; но одновременно он показывает и то, что оба корреспондента не тешили себя в этом отношении особыми иллюзиями. В эту борьбу они вступили не ради своих отдаленных, конечных целей. Но цели эти они никогда не теряли из виду, и, если бы удобный случай им все-таки представился, они бы, конечно, его не упустили.

Участие Бабефа и Жермена в политической жизни Арраса на этом закончилось. Последнее письмо Жермена датировано 23 фрюктидора. В нем сообщается, что, по его сведениям, завтра их обоих отправят в Париж. Это сообщение соответствовало действительности. 24 фрюктидора III года Жермен и Бабеф, теперь уже вместе, были переведены в парижскую тюрьму Плесси.

О недолгом пребывании Бабефа в Плесси, где он встретился и близко сошелся с некоторыми из будущих видных участников Заговора, в первую очередь с Буонарроти, сохранилось мало сведений. Было бы известно еще меньше, если бы В.М.Далину не посчастливилось найти несколько касающихся Бабефа документов в том же архиве М.-

А.Жюльена, где он обнаружил «35 пунктов». Сами эти «35 пунктов» тоже отчасти связаны с Плесси, и уже одно их нахождение в бумагах Жюльена того периода позволяет заключить, что и в Плесси Бабеф продолжал свою деятельность по вербовке единомышленников.

Но особый интерес представляют документы, проливающие свет на поведение Бабефа в связи с роялистским мятежом 13 вандемьера. Документы эти¹⁶⁸, так же как и обстоятельства, связанные с их созданием, в высшей степени тщательно и детально изучены в статье В.М.Далина о М.-А.Жюльене. Чтобы не повторять ее, изложим здесь лишь самое главное.

Смысл этих материалов — обращений заключенных к начальнику тюрьмы и к Конвенту, а также письма в Комитет общественной безопасности, составленного от имени начальника тюрьмы, сводится к тому, что Бабеф предлагает Конвенту воспользоваться услугами находящихся в тюрьмах республиканцев для защиты от роялистов. Он подчеркивает, что заключенные патриоты, оторванные от происходящего, испытывают страшную тревогу за судьбу Республики, которой они, невзирая на существующие политические разногласия, преданы всей душой и которую готовы защищать до последней капли крови. В статье В.М.Далина совершенно справедливо подчеркивается основное и главное, что характеризует эти письма: умение Бабефа правильно сориентироваться в политической ситуации и в случае необходимости «перестроиться». Несомненно, что стремление Бабефа встать на защиту Конвента искренне: против роялистов он стал бы защищать даже такой Конвент. Но мы хотим отметить еще одну сторону этих документов, хотя и находящуюся на втором плане.

Нельзя не заметить, как ловко, с каким умом составлены эти письма. Проявив незаурядное политическое чутье, Бабеф приводит здесь именно те аргументы, которые независимо от того, как повернутся события, должны были сильно воздействовать на умы членов правительственных комитетов, подтолкнуть их к освобождению патриотов. Стремление воспользоваться сложной политической ситуацией, чтобы выйти на свободу, бесспорно присутствовало у Бабефа, когда он писал эти письма¹⁶⁹.

Пусть не поймут нас ложно: мы еще раз повторяем, что Бабеф искренне стремился защитить Республику от роялистской угрозы и что это в тот момент было для него главным. Он не лицемерил, когда обещал, что заключенные-патриоты, выпущенные из тюрьмы, в случае необходимости создадут вокруг национального представительства баррикаду из своих тел¹⁷⁰. Но в составленных им документах содержится и другое обещание: добровольно вернуться в тюрьму после победы¹⁷¹. Думаемся, мы не ошибемся, если скажем, что это обещание Бабеф выполнял не собираясь.

События 13 вандемьера, как известно, вызвали резкое движение «политических качелей» влево. 4 брюмера была провозглашена широкая амнистия, освободившая из заключения многих республиканцев. Но практически правительство начало освобождение патриотов уже с 20-х чисел вандемьера. Случайно это или тут сыграли свою роль наряду с

некоторыми другими обстоятельствами¹⁷² упомянутые выше письма, но в число патриотов, освобожденных еще до амнистии, попал и Бабеф. Приказ о его освобождении был подписан 26 вандемьера. Начался последний, короткий, но решающий этап в жизни Бабефа.

* * *

Изученные нами источники со всей очевидностью показывают, какое большое значение имел период аррасского заключения в жизни Бабефа. Прежде всего именно в это время завершился решительный поворот в его политических взглядах, начавшийся незадолго до этого. Несколько утрируя, можно сказать, что в тюрьму Бабеф вошел убежденным защитником максимальной политической демократии, а вышел из нее убежденным сторонником насильственных действий и временной диктатуры¹⁷³. Перепирика с Жерменом показывает также, что именно в это время конкретизировался, обрел зримые черты коммунистический идеал Бабефа. Наконец, эти документы убеждают, что в период аррасского заключения сложились главные идеи, которые в недалеком будущем легли в основу Заговора во имя равенства. Конечно, «план» Бабефа, насколько мы можем о нем судить, был лишь предварительным документом. Он уточнялся, дорабатывался, конкретизировался даже в период Арраса, в ходе обсуждения его с Жерменом, а возможно, и с другими единомышленниками. Ему предстояла еще более кардинальная доработка после выхода Бабефа на свободу: во многом он был дополнен, кое в чем уточнен, наконец, как мы видели, от некоторых его идей жизнь заставила отказаться. И все-таки можно утверждать, что практически все основные и ряд второстепенных идей, нашедших отражение в документах Заговора во имя равенства, а впоследствии и переживших этот Заговор в деятельности Буонарроти и его сподвижников, были обдуманы и в первоначальном виде сформулированы Бабефом еще в Аррасе. К моменту освобождения Бабефа (и даже еще раньше — к моменту то перевода в Плесси) Заговор во имя равенства как идея уже созрел. Теперь ему предстояло теоретически и организационно оформиться.

1 Этим мы обязаны автору первой серьезной монографии о Бабефе Виктору Адвиелю, чрезвычайно много сделавшему для сбора и публикации документов, касающихся Бабефа. Адвиель имел доступ к ценной коллекции Поше-Дероша. (Об этой коллекции см. вводную статью О.К.Сенекиной к первому тому Сочинений Гракха Бабефа) Именно в этой коллекции находились письма Жермена, которые Адвиель частично использовал в своей монографии. Впоследствии эти письма были утрачены. К счастью, оказалось, что В.Адвиель, со свойственной ему тщательностью, снял с них копии, и эти копии много лет спустя удалось обнаружить и приобрести Морису Домманже. Следует отметить, что обладатель этой ценнейшей коллекции Морис Домманже после многих десятков лет снова ввел частично письма Жермена в научный оборот, использовав их в своей интересной статье «Неизвестный бабувистский лидер: Шарль Жермен» (см.: Dommange M. Sur Babeuf et la conjuration des egaux. Paris, 1970, p.303—323). В этой статье, в частности, опубликованы значительные выдержки из письма Жермена от 5 термидора. Однако ограниченный объем статьи позволил ее автору лишь в самых общих чертах охарактеризовать большую часть этих исключительно содержательных документов.

2 Фотокопии этих документов были присланы Морисом Домманже В.М.Далину, который и предоставил нам возможность ими воспользоваться. Письмо Бабефа Жермену от 10 термидора III года хранится также в ЦПА ИМЛ (ф.223, оп.1, д.307). Оно почти полностью опубликовано М.Домманже в книге *Pages choisies de Babeuf*. Paris, 1935, p.207—221. Недавно оно появилось и на русском языке, см.: Бабеф Г. Соч. М., 1977, т.3, с.401—408. Этот текст несколько более сокращенный по сравнению с тем, который дошел до нас в копии Адвиеля (о причинах этого см.: Бабеф Г. Соч., т.3, с.560), поэтому нами использован текст из коллекции М.Домманже.

3 См.: *Revolution francaise* t.82. janv.-dec., 1929 (публикация А.Олара).

4 О чем свидетельствует, в частности, одно из первых его обращений к Электоральному клубу (см.: ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.1, Д.441).

5 См.: *Moniteur*, 1795, 31 janv. (12 pluviöse an III). Помимо Тальена, с нападками на Бабефа выступили в Конвенте в ближайшие дни Матье, Тибодо и А.Дюмон.

6 См.: *Ibid*.

7 См.: *Aulard A. Paris pendant la reaction themidorienne et sous le Directoire*. Paris, 1898, t.1, p.475.

8 П.П.Щеголев, изучавший в парижском Национальном архиве рукописную газету, которую Манье «издавал» в тюрьме, указывает, что в одном из ее номеров Манье прямо ссылался на Бабефа: «Я скажу, как Бабеф, что настало время восстать, потому что правительство нарушало права народа» (Щеголев П.П. После термидора: Очерки по истории термидорианской реакции. Л., 1930, с.172). На несомненную связь между планом восстания, составленным Манье, и пропагандой Бабефа указывает и Бергман. См.: *Berg-tapp. K.-H. Babeuf. Gleich und Ungleich*, Koln; Opiaden, 1965, s.215—216.

9 См., например: *Aulard A. Op.cit.*, t.I, p.527, 555, 557 и др.

10 Судя по письму к Фуше, это «Письмо Трибуна» должно было выйти в свет в качестве 33-го номера «Трибуна народа». Текст «Письма Трибуна» до нас не дошел. Упомянутый отрывок, взятый из картотеки Шаравэ, процитирован в кн.: *Daline V., Saitta A., Soboi1 A. Inventaire des manuscrits et imprimés de Babeuf*. Paris, 1966, p.109.

11 Точнее сказать, этим днем датируется первое из дошедших до нас писем Жермена.

12 Эти слова могут вызвать улыбку у людей, знакомых с дальнейшей карьерой Фуше. Но не забудем, что Фуше был известен в свое время как левый якобинец, и далеко не все могли предчувствовать в нем будущего наполеоновского министра полиции.

13 См.: ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.2, д.302.

14 См.: Там же.

15 Они подписываются- «два бывших конных стрелка 10-го полка».

16 См.: ЦПА ИМЛ. ф.223, оп.2, д.304.

17 *Annales historiques de la Revolution francaise*, 1934, № 63 (публикация Л.Жакоба).

18 См.: Там же. В связи с этим интересно вспомнить, что еще недавно Ж.Лебон в числе других «террористов» подвергался ожесточенным нападкам Бабефа. См.: *Journal de la liberte de la presse*, N 11, 13.

19 На эту чрезвычайно характерную для него черту совершенно справедливо обратил внимание М. Домманже в своей интересной статье *Temperament et formation de Babeuf*. См.: *Dommange M. Sur Ba-beuf la Conjuration des egaux*. Paris, 1970, p.22—59.

20 Документ этот, судя по письмам, дополнялся и уточнялся, но так как принципиально важных изменений в него, насколько мы можем судить, не вносилось, мы повсюду в тексте рассматриваем его как единое целое, подразумеваемая под словом «план» не столько даже этот конкретный документ, сколько комплекс идей Бабефа, каким он встает из писем. В письмах встречается упоминание и о другом «плане» Бабефа — плане освобождения. Чтобы не возникло путаницы, мы нигде его так не называем.

21 Сохранилось даже одно «зашифрованное» письмо Жермена, в котором он сообщает, что в связи с «ужасным заговором», якобы раскрытым в городе, в тюрьме возросли строгости и им лучше на время прервать переписку (она действительно была прервана на девять дней). Письмо наполнено изъяснениями преданности Конвенту, проклятиями Робеспьеру и т.п. В конце его Жермен неожиданно пишет, что все это написано специально для глаз тюремщика (о чем Бабеф, по его мнению, конечно, догадался бы), но в последнюю минуту ему представилась возможность отправить письмо через верного человека и он поспешил сделать эту приписку.

22 Посредники время от времени менялись. К примеру, Коше пишет Бабефу 1 мессидора, что после своего перевода на новое место счел нужным осведомиться, не переменялся ли адрес и у Бабефа, и оказалось, что поступил правильно. Но к 1 мессидора Бабеф находился все в той же аррасской тюрьме Боде. Видимо, у него появился другой посредник. (Коше и для себя нашел такого надежного посредника, которого указывает Бабефу.) Кстати сказать, в упомянутом письме гражданки Шометт также идет речь о посреднике Бабефа, на этот раз парижском. Она сообщает, что он, кажется, оказался не вполне надежным человеком и, пока они точно все не разузнают, лучше Бабефу посылать свои письма просто по почте.

23 См.: Бабеф Г. Соч., т.3, с.381—385.

24 См.: Там же, с.385—392 Следует добавить, что оба эти текста, которые Бабеф, судя по всему, собирался напечатать, были перехвачены тюремным начальством и до адресатов не дошли.

25 Она очень хорошо прослеживается и по всей его переписке аррасского периода. В адресованных ему письмах чисто политического или идеологического характера часто встречаются упоминания, что заодно автор письма хлопочет и об освобождении Бабефа (явно по его просьбе).

26 Бабеф подчеркивал, что это запрещение относится только к немодному. Впоследствии, уже в Аррасе, он снова жаловался, что его ограничивают в правах сильнее, чем других заключенных. Дмается, это косвенное подтверждение того, что говорилось выше о его популярности и влиянии, — видимо, его считали человеком особо опасным.

27 Сведения о поведении Бабефа в тюрьме дез Орти содержатся в брошюре Р. Леграна «Les prisons de Babeuf». 28 См.: Бабеф Г. Соч., т.3, с.393—394, 397—398, 408—409. 29 См.: ЦПА ИМП, ф.223, оп.2, л.316.

30 См.: Там же, д.3081.

31 В упоминавшемся письме гражданки Шометт от 5 флореаля сообщается, что жена Бабефа воздержалась от передачи Фуше адресованного ему Бабефом письма, так как их предупредили, что Фуше «вступил в сделку с кликой» («transige avec une faction»).

32 Интересно ее объяснение, почему это произведение должно быть коротким: если оно будет длинным, то соответственно будет стоить дороже, и бедняки не смогут его покупать.

33 См.: ЦПА ИМП, ф.223, оп.2, д.303.

34 См.: Там же.

35 Там же, д.462. 36 См.: Там же, д.309.

37 См.: Там же, д.311.

38 См.: Там же, д. 312.

39 «Мы образуем между собой некое братство вольных каменщиков (un corps de franc-maçonnerie)», — писал Данель Бабефу, в свою очередь благодарившему его, — и, следовательно, взаимопомощь «вполне естественна» (см. там же, д.313).

40 Напомним лишний раз, что Бабеф всегда понимал формулу «равенство» в триедином лозунге революции как равенство на деле — *egalite en fait*, т. е. равенство имущественное.

41 Мы говорим «второе письмо», ибо из текста его явствует, что в этот день Бабеф уже писал Жермену. Это первое письмо, как и все остальные, до нас не дошло. Счастливый факт, что интереснейшее второе письмо уцелело, объясняется тем, что Бабеф придавал некоторым сформулированным в нем идеям большое значение и попросил Жермена вернуть ему это письмо по прочтении, чтобы использовать его для составления манифеста. В архиве Бабефа оно и сохранилось.

42 Collection privée de M.Dommanget. (Далее: CPD). Ch.Germain a G.Babeuf, 5 thermidor an III (следует указать, что в соответствии с завещанием недавно скончавшегося М.Домманже его коллекция передана сейчас во французский Институт социальной истории).

43 Далее идут интересные рассуждения о состоянии французской армии и отношении большинства солдат к правительству. Мы не считаем возможным приводить их здесь, отметим только мнение Жермена, что 1 прериала армия была настроена чрезвычайно благоприятно по отношению к повстанцам, но последние не сумели это использовать.

44 Впрочем, вероятно, не совсем воображаемых. Нам кажется, что Жермен явно резюмирует те возражения, с которыми сталкивался в действительности.

45 См., к примеру, его письмо к Купе от 10 сентября 1791 г. (Бабеф Г. Соч. М, 1976, т.2, с.276).

46 Жермен развивает и собственную аргументацию: излишества, в которых купаются богачи, сокращают их жизнь и губят их способности едва ли не сильнее, чем нищета губит бедняков. В новом обществе, где не будет ни нищеты, ни излишеств, все в равной мере смогут развивать свои способности. К этой идее примыкает и несколько раз встречающаяся в письмах Жермена мысль о том, что современное общество — мать многих пороков и те, кто при нынешнем его состоянии являются преступниками, станут полезными членами общества. См., например, письмо Жермена к Бабефу от 3 фрюктидора III года, где он пишет об уголовниках как жертвах общества.

47 С этим выводом тесно связан и другой - борьба за это общество, скорее всего, будет короткой. Но об этом мы подробнее будем говорить ниже.

48 G. Babeuf a Ch Germain, 10 thermidor an III (CPD).

49 Ibid.

50 Злоупотребления эти доходят до того, с возмущением пишет Бабеф, что торговцы иногда уничтожают часть необходимых товаров, чтобы сохранить на них высокие цены.

51 G.Babeuf a Ch.Germain, 10 thermidor an III (CPD).

52 Ibid.

53 О необходимости строго изолироваться вначале и о том, что потом нужно будет отказаться от изоляции, чтобы другие народы могли брать с них пример.

54 G.Babeuf a Ch.Gemain, 10 thermidor an III (CPD).

55 G.Babeuf a Ch.Gemain, 10 thermidor an III (CPD).

56 G.Babeuf a Ch.Gemain, 10 thermidor an III (CPD).

57 Подчеркнем, что мы отобрали здесь только то, что относится к представлениям обоих корреспондентов о социально-экономическом устройстве будущего общества. Между тем в этих письмах освещены и некоторые другие вопросы, которые будут рассмотрены ниже.

58 Хотя, по нашему мнению, мысль о принципиальной равноценности для общества любого общественно полезного труда, которую обычно и считают грубо уравнилельной, совсем не так «примитивна», как может показаться на первый взгляд.

59 Следует подчеркнуть, что появление подобных мыслей у Бабефа не было чем-то случайным и мимолетным. Ему и раньше (даже до революции) случалось говорить о том, что со временем развитие наук избавит человечество от тяжелого физического труда или от тягот, связанных с возможным перенаселением. См., например: ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.1, д.12.

60 Свидетельством того, какие глубокие выводы мог делать Бабеф из своих наблюдений, как тонко умел он подмечать в окружающем мире тенденции, практически неразличимые для современника, служит хотя бы процитированная выше филиппика против конкуренции. Представление о том, что конкуренция может в чем-то сковывать развитие производительных сил и приводить к их нерациональному расходованию (из чего следовал вывод, что введение разумного, на научной основе управления производством вызовет экономический подъем), само по себе уже отнюдь не было общим Местом в то время. Наблюдение же, что конкуренция приводит в онечном счете к монополии, поистине делает честь уму и проницательности Бабефа. Здесь он по-настоящему опережает свое время.

61 Dautry J. Le pessimisme économique de Babeuf et l'histoire des utopies. — АНRF, 1961, N 164. Такие же взгляды излагает в своей монографии, посвященной Бабефу, К.Мазорик. Такие возможности он видел еще до революции, о чем свидетельствует ряд мест из его переписки с Дюбуа де Фоссе (в первую очередь большое июньское письмо 1786 г.).

62 Свидетельств тому много, начиная от писем 1786—1787 г., в которых Дюбуа де Фоссе высмеивал коммунистический проект Коливьона, и кончая предсмертным письмом самого Бабефа, где он заверил о большой важности того, «что развращенные современники называют моими мечтаниями». Для периода его тюремного заключения в III году Республики мы также располагаем красноречивыми в этом отношении фактами. Вот один из них: казалось бы близкий к нему в то время М.-А.Жюльен (о нем пойдет речь чуть ниже), переписав себе пропагандистский документ Бабефа, сопроводил его на полях комментариями, из которых явствует, что Дюбуа считал планы Бабефа нереальными.

63 Не следует также забывать, что Бабеф в отличие от многих коммунистов-утопистов считал составленные им планы не окончательной схемой будущего общества, а лишь «первым наброском», который будет усовершенствоваться после переворота (см. об этом там же, с.162—163).

65 О том, что Бабеф придавал этому вопросу немалое значение, свидетельствует тот факт, что он выделил его в своем письме в отдельное «возражение» (у Жермена этого не было).

66 Впрочем, подход этот был свойствен не одному Бабефу. Мысль о

самоценности искусства была чужда большинству его современников и широкое распространение получила много позже.

67 См.: Далин В.М. К истории «Манифеста плебеев». Бабеф в аррасской тюрьме. — В кн.: История социалистических учений. М., 1964 (полный текст «35 пунктов» помещен на с.478—481).

68 См.: Далин В.М. М.-А.Жюльен после 9 термидора. — В кн.: Французский ежегодник 1959. М., 1961 (опубл. также в кн.: Далин В.М. Люди и идеи. Из истории революционного и социалистического движения во Франции. М., 1970).

69 Морис Домманже прочел: «33 пункта», — но это, по всей вероятности, ошибка.

70 Бесспорно коммунистические «35 пунктов» Жермен называет «аграрным кодексом», а Жюльен — «заметками, которые можно назвать аграрными».

71 Хотя такое насильственное уравнивание выглядит не слишком привлекательно, необходимо пояснить, что саму неравную одаренность Бабеф, как явствует из этого же документа, считал в огромной мере фактором не биологическим, а социальным. Когда все дети станут получать абсолютно равное образование и развитие, они по мнению Бабефа, окажутся примерно равными по способностям.

72 На эту сторону дела справедливо обращает внимание в своих комментариях к данному документу К.Мазорик.

73 Babeuf. Textes choisis. Paris, 1965, p.143.

74 О «плебейской Вандее» вскользь упоминает в своем труде и Буонарроти.

75 Ch.Gemain a G.Babeuf, 17 messidor an III (CPD).

76 G.Babeuf a Ch. Germain, 10 themidor an III (CPD).

80 Ibid.

81 Речь идет о необходимости для революционера обладать «devoie-ment» — самоотверженной преданностью делу народа, доходящей до абсолютной готовности пожертвовать жизнью ради его победы. Судя по письмам, эта мысль Бабефа встретила у Жермена самый горячий отклик.

82 Ch.Gemain a G.Babeuf, 16 messidor an III (CPD).

83 Ibid.

85 Ch.Gemain a G.Babeuf, 27 thermidor and III

84 Ch.Gemain a G.Babeuf. 5 thermidor an III (CPD).

86 Ch.Gemain a G.Babeuf, 5 thermidor an III (CPD). Заметим попутно, что такие представления о роли, которую предстоит сыграть творческой активности народа после переворота, хотя и не имеют прямого отношения к проблемам экономики, все же плохо вяжутся с теорией «экономического пессимизма».

87 Ch.Gemain a G.Babeuf, 5 thermidor an III (CPD).

88 Ch.Cemain a G.Babeuf, 23 fructidor an III (CPD).

89 Ibid

90 Термин «воспитательная диктатура» принадлежит Дж.Берти, применившему его при анализе сходных концепций эпохи Рисорджименто. См.: Берти Дж. Демократы и социалисты в Италии в период Рисорджименто М, 1965

91 См об этом подробнее. Гордон А.В. Проблемы национально-освободительной борьбы в творчестве Франца Фанона. М., 1977, с.151—152.

92 Там же А.В.Гордон весьма удачно определяет суть этой идеи как стремление к установлению своеобразной опеки над народом во имя спасения его от его же собственного невежества «На нашем луке должна быть не одна тетива», — несколько раз говорит он в своих письмах.

93 G.Babeuf a Ch.Gemain, 10 thermidor an III (CPD).

94 См., например: Ch.Gemain a G.Babeuf, 28 messidor an III (CPD).

95 Ch.Gemmain a G.Babeuf, 10 thermidor an III (CPD). 96 Ch.Gemmain a G.Babeuf, 11 thermidor an III (CPD). Характерно это «вы», время от времени мелькающее в письмах Жермена, хотя обычно он называл Бабефа, в полном соответствии с республиканской традицией, на «ты». Его «вы» прорывается только в самые торжественные моменты и является показателем самого высокого уважения в отличие от единственного, по-видимому, случая, когда так же обратился к нему Бабеф. Жермен тогда обиделся и ответил резким письмом, справедливо усмотрев в этом обращении желание рассердившегося на него Бабефа придать письму сухой и официальный характер.

97 Ch.Gemmain a G.Babeuf, 24 thermidor an III (CPD).

98 Ch.Gemmain a G.Babeuf, 10 fructidor an III (CPD). 99 Ch.Gemmain a G.Babeuf, 3 fructidor an III (CPD).

100 AHRF, 1934, N63, p.253—259.

101 Лебуа был издателем известной газеты Шаля «Друг народа». Незадолго до ареста он стал и ее редактором.

102 В третьем томе Сочинений Г.Бабефа оно опубликовано как «письмо неизвестному лицу». Совсем недавно Р.Леграну удалось установить имя адресата.

103 Бабеф Г. Соч., т.3, с.399.

104 Отрывок из него опубликован в AHRF, N 187, janv.-mars 1967, p.112

105 См.: ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.2, д.312, 313. Судя по некоторым фразам, содержащимся в этих письмах, Данель был аррасским якобинцем, арестованным после 9 термидора и отправленным в Париж.

106 См., например, письма Жермена к Бабефу от 18 и 28 мессидора, 24 термидора III года Республики. Это, безусловно, связано с идеей «плебейской Вандеи».

108 «Он сказал мне, что в Лилле патриоты находятся в полнейшем замешательстве; что роялисты и всякого рода злодеи восторжествовали; что народ там громко ропщет и что в своем отчаянии он примет сторону кого угодно, чтобы добиться более мягкой или хотя бы менее суровой участи». См.: Ch.Gemmain a G.Babeuf, 20 messidor an III (CPD).

109 См., например: Ch.Gemmain a G.Babeuf, 28 messidor an III (CPD) и др. Вскоре Эмери пришлось покинуть Францию, чтобы избежать нового ареста. (Жермен не одобрял этого его решения, считая, что лучше бы ему скрываться до недалекого уже коммунистического переворота.)

110 Ch.Gemmain a G.Babeuf, 27 thermidor an III (CPD).

111 Ch.Gemmain a G.Babeuf, 3 fructidor an III (CPD).

112 Ch.Gemmain a G.Babeuf, 13 et 14 fructidor an III (CPD).

113 Ch.Gemmain a G.Babeuf, 12 fructidor an III (CPD).

114 Ch.Gemmain a G.Babeuf, 19 fructidor an III (CPD). «Патриотом из Сент-Омера» мог оказаться Коше или же близкий некогда к Ж. Лебону Тулот. Его имя не встречается в Письмах, но, по данным Р.Леграна, Жермен был с ним в это время тесно связан (Таффуро тоже был родом из Сент-Омера, но если он действительно был в это время в Лилле, то речь, конечно, идет не о нем.) Из того же Сент-Омера пришло Бабефу письмо от некоего Ложье, находившегося какое-то время в заключении вместе с Бабефом. В письме он благодарит Бабефа за то, что он «нам» пишет (это «мы» повторяется в письме — Ложье явно представляет группу людей, связанных с Бабефом), обещает по мере сил содействовать освобождению Бабефа, а пока просит его продолжать переписку. См.: ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.2, д.306.

116 Там же. Данель в письме от 16 фрюктидора, сообщая Бабефу сведения о Варле, называет последнего близким другом Жермена. По-видимому, они познакомились в тюрьме Плесси.

117 Мы не будем здесь цитировать множество писем, где Жермен призывает: не доверяй такому-то — он «негодяй», или «интриган», или связан с мяскаденами, или просто человек легкомысленный. Приведем лишь один пример, показавшийся нам очень любопытным. 19 фрюктидора Жермен пишет Бабефу, что узнал о его переписке с Ле Бланом из Гравийе (секции?). Жермен знает этого человека, они вместе провели два месяца в тюрьме Плесси. Уже там Жермен вместе с группой других революционеров попытался его «прощупать», и кое-что показалось ему сомнительным. Окончательно же определил их мнение о Ле Блане тот факт, что в документе, составленном Ле Бланом по просьбе заключенных для отправки в Комитет общественной безопасности, он, без особой необходимости, ругал Робеспьера и якобинцев. После этого все истинные революционеры от него отвернулись. Далее следует интереснейшее рассуждение: «Впрочем, Ле Блан не аристократ, я даже не думаю, что он термидорианец, но это один из тех характеров, лишенных силы и твердости, которые позволяют ложной жалости взволновать себя и которые видят лишь плохое во всем, что задевает их упрямое заблуждение». И тут же Жермен добавляет: «В Плесси его считали одним из самых умных людей во всей тюрьме». Слова эти заслуживают самого большого внимания. Они означают, что, по мнению Жермена, к участию в Заговоре нельзя допускать не только людей недостойных, но и честных, порядочных, умных, придерживающихся более или менее подходящих принципов, но слишком мягкосердечных, чтобы уметь в случае необходимости проявить беспощадность самим или одобрить это качество в других. 117 Ch.Gemmain a G.Babeuf, 29 messidor an III (CPD).

118 Ch.Gemmain a G.Babeuf, 14 fructidor an III (CPD). Справедливость требует добавить, что хотя Жермен явно не отличался «избытком доверия» по отношению к Гонору, неосмотрительность проявил он сам. Из письма явствует, что именно Жермену принадлежало единственное неосторожное замечание, которое могло заставить Гонора кое-что заподозрить относительно характера связей между Жерменом и Бабефом.

119 Ch.Gemmain a G.Babeuf, 20 fructidor an III (CPD).

120 Ch.Gemmain a G.Babeuf, 9 fructidor an III (CPD).

121 Ch.Gemmain a G.Babeuf, 27 thermidor an III (CPD).

122 Ch.Gemmain a G.Babeuf, 28 thermidor an III (CPD).

123 Мы имеем в виду прежде всего созданное им в Италии «Общество высокодостоящих мастеров».

124 G.Babeuf a Ch.Gemmain, 10 thermidor an III (CPD).

125 AHRF, 1934, N 63, p.253—259. Что же касается обвинений Гонора, добавляет Бабеф, то я не считаю нужным даже обращать на них внимание: я готов перед судом самого строгого патриотизма отвечать за каждый из моих поступков с первого дня революции

126 Провокатор Гризель — особый случай. От такого рода несчастий не застрахована ни одна революционная организация. См., например: Ch.Gemmain a G.Babeuf, 29 messidor et 16 fructidor an III (CPD) Эта жажда действий принимала иногда даже несколько комические формы. До Жермена дошел слух, что правительство собирается выслать всех террористов на Сан-До-минго. Ну что же, заявляет он, может быть, там мы смогли бы насадить «нашу благотворительную систему» См.: Ch.Gemmain a G.Babeuf, 26 thermidor an III (CPD).

128 Ch.Gemmain a G.Babeuf, 4 thermidor an III (CPD).

129 Ch.Gemain a G.Babeuf, 16 fructidor an III (CPD) — первое письмо.

130 Ibid.

131 См., например: Ch.Gemain a G.Babeuf, 2 fructidor an III (CPD).

132 В свою очередь эти события зачастую обостряли их жажду действий.

133 Примером могут служить письмо Робена и Брибона со сведениями о казни Фуше, некоторые места из письма Данеля от 16 фрюктидора и т.п.

134 Ch.Gemain a G.Babeuf, 23 messidor an III (CPD).

135 См., например Ch.Gemain a G.Babeuf 13, 14, 16, 17, 22 messidor, 9 et 12 fructidor an III (CPD).

136 См. Ch.Gemain a G.Babeuf, 14 et 16 messidor an III (CPD).

137 см., например Ch.Gemain a G.Babeuf, 29 messidor et 13 fructidor an III (CPD).

138 Ch.Gemain a G.Babeuf, 17 messidor an III (CPD) В дальнейшем Жермен скажет однажды, что такие люди — «прогнившие ветки», на которые честный республиканец не может безопасно опираться, даже если та они, испугавшись ответственности за содеянное, начнут заигрывать с патриотами. См.: Ch.Gemain a G.Babeuf, 24 thermidor an III (CPD). Как тут не вспомнить Барраса, заигрывавшего впоследствии с бабувистами (и с тем же Жерменом)!

139 См : Ch.Gemain a G.Babeuf, 28 thermidor an III (CPD).

140 См. например Ch.Gemain a G.Babeuf, 25 messidor, 15 thermidor. 12 fructidor et autres (CPD).

141 Впрочем, на первых порах он еще рассуждал об условиях освобождения: ходят слухи о самой широкой амнистии — не возмутительно ли, что вандейцев и республиканцев ставят на одну доску (17 мессидора); с одобрением сообщает Жермен о том, что республиканцы, находящиеся в тюрьмах Парижа, заявили: мы хотим не помилования, а справедливого суда (21 мессидора). Через не которое время эти мотивы исчезают из его писем. Главное - это получить свободу.

142 Его не следует путать с депутатом Антуаном Тибодо.

143 См.: ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.1, д.464.

144 Revolution francaise, 1885, t.VIII, p.733—736.

145 Сдержал ли Бабеф обещание, данное Гюффруа, написать работу в защиту конституции 1795 года? Это не исключено, ибо в письме к Тибодо он сообщает, что в своем «макиавелизме» доходит до того, что, «терзая свое воображение», излагает «идеи, которые по видимости (выделено нами. — Г.Ч.) оправдывают современную политическую систему». О том же есть косвенное свидетельство в упомянутом выше оскорбительном письме Гонора, заканчивающемся ядовитым намеком на то, что он, Гонор (подразумевается — в отличие от Бабефа), никогда ничего не писал против конституции 1793 года ради того, чтобы выйти на свободу.

146 Письмо опубликовано нами во «Французском ежегоднике 1970» (М., 1972) и воспроизведено в третьем томе Сочинений Г.Бабефа. Оригинал хранится в ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.1, д.465.

147 Бабеф, безусловно, был одним из первых, к кому (может быть, с некоторой натяжкой) можно отнести определение «профессиональный революционер».

148 Напомним, что к тому времени он уже давно отказался от обсуждения условий освобождения; более того, он сам был уже близок к идее освобождения любой ценой (см. его письма от 14 и 1? фрюктидора).

149 Ch.Gemain a G.Babeuf, 19 fructidor an III (CPD).

150 Это было вскоре после разгрома роялистского десанта на Кибероне, не вызвавшего серьезных изменений в политической жизни страны, но все же заставившего правительственные круги слегка и ненадолго качнуться влево.

151 Les Terroristes aux Furroristes d'Arras, en Reponse a l'ecrit signe — Senluq, intitule: Affaire du 19 thermidor, ou Relation exacte des Vexations qu'on fait eprouver aux Patriotes d'Arras. — ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.1, ед.хр.459 (опубликовано также в книге Адвиеля; на русском языке см.: Бабеф Г. Соч., т.3, с.413—417).

152 См., например, письмо от 9 фрюктидора, где Жермен рассказывает о том, что местные санкюлоты предостерегают его против Гонора, который в кабаках слишком громко болтает о Бабефе, Жермене и их связях, а также другие письма.

153 Ch. Gemain a G. Babeuf, 16 fructidor an III (CPD).

154 Le Tribune du Peuple a l'Armee Infernale. — ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.1, ед.хр.467 (опубликовано на русском языке: Бабеф Г. Со. 3, с.418-420).

155 Жермен называет его «наш хромой вестник».

156 Ch.Gemain a G.Babeuf, 17 fructidor an III (CPD).

157 В документах Заговора во имя равенства фигурирует некто Филипп, моряк; но у нас нет никаких данных для предположения; что речь идет именно о нем; кроме того, marin может быть и фамилией.

158 Ch.Gemain a G.Babeuf, 18 fructidor an III (CPD).

159 В копии с документа оно датировано «13 или 19 фрюктидора»; нам кажется, что как его содержание, так и упоминание в нем некоторых фактов (письма Бабефа к армии infernale, написанного 17—18 фрюктидора, получения письма от Гюйяра, уехавшего 14 фрюктидора) исключают датировку 13 фрюктидора. Ссылаясь на это письмо выше, мы всюду датировали его 19 фрюктидора.

160 Ch.Gemain a G.Babeuf, 19 fructidor an III (CPD).

161 Ibid.

162 Ibid.

163 Ibid.

164 Он подчеркивает, в частности, что сначала эта речь была адресована жителям города Арраса, а потом он счел нужным переадресовать ее «всем французам».

165 Ch.Gemain a G.Babeuf, 20 fructidor an III (CPD — второе письмо).

166 Ibid.

167 Мы видели, что рассуждения типа «чем хуже, тем лучше» не чужды ни Бабефу, ни Жермену. Но до определенного предела. Этот предел — как раз основные социальные и политические завоевания революции, которые должны остаться незабываемыми.

168 Journal commence au Plessis le 20 fructidor an 3, termine hors de prison le 20 brumaire an 4 (это дневник Жюльена, а не Бабефа). — ЦПА ИМЛ, ф.317, оп.1, д.767; «Заклученные-республиканцы гражданину Али, начальнику тюрьмы Плесси», «Начальник тюрьмы Плесси — гражданам представителям народа, членам Комитета общественной безопасности», «Заклученные-республиканцы к Национальному Конвенту» — три эти документа, также хранящиеся в ЦПА ИМЛ, опубликованы на русском языке в тексте упомянутой статьи В.М.Далина и воспроизведены в третьем томе Сочинений Г.Бабефа (обращение «к гражданину Али» опубликовано также в «Борьбе классов», 1935, № 5). Он был к этому в определенном смысле морально готов. Вспомним, что ситуация, которая может возникнуть в случае роялистского мятежа, возможность использовать ее в интересах истинных патриотов неоднократно обсуждались между ним и Жерменом.

170 См.: Заклученные-республиканцы гражданину Али...

171 См.: Заклученные-республиканцы к Национальному Конвенту.

172 Подробнее о направленной на освобождение патриотов деятельности Бабефа и близких к нему лиц сразу после 13 вандемьера см.: Далин В.М. М.-А.Жюльен после 9 термидора.

173 Это не значит, конечно, что он отказался от демократии, но изменилось его понимание соотношения между целями и средствами борьбы. Если раньше для него максимальная демократия — путь к «всеобщему счастью», то теперь установление общества подлинного равенства, «всеобщего счастья» в конечном счете обеспечит и максимальную демократию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Такова, в кратких словах, история того решительного поворота в политических взглядах, а следовательно, и в тактике Бабефа, в результате которого к концу рассматриваемого нами периода и сложились основные идеи, ставшие фундаментом Заговора во имя равенства. Поворот этот не означал, что менее чем за год Бабеф стал «другим человеком»: эволюция его политических взглядов обусловлена глубинной основой его мировоззрения, присущей ему на протяжении всего этого времени, страстным стремлением ко «всеобщему счастью», или, говоря современным языком, наличием у него коммунистического идеала.

Выше уже отмечалось, что в период пылкой веры Бабефа в спасительность максимальной демократии его позиция была по сути своей противоречива: он пытался сочетать несочетаемое — демократическое управление обществом с мероприятиями, которые, особенно в тех условиях, могла осуществить только диктатура. Это внутреннее противоречие порождало противоречия внешние — в своей конкретной программе Бабефу случалось выдвигать несовместимые, взаимоисключающие требования. Сам Бабеф не замечал противоречивого характера этих требований, ибо для него они были связаны внутренней логикой. Но это не всегда ускользало от внимания сторонних наблюдателей (вспомним упрек Гюффруа, что Бабеф одновременно «отвергает и одобряет» революционное правительство). Таким образом, еще в период глубочайшей убежденности в том, что немедленное осуществление максимальной демократии, прямого народоправства — наиболее короткий и быстрый путь ко всеобщему счастью, Бабеф, незаметно для себя, сталкивался с противоречиями предлагаемого им решения проблемы.

Исчезла ли эта противоречивость его позиции к концу изучаемого нами периода? Внешне исчезла, ибо на первый взгляд кажется, что в рамках диктатуры все «проклятые вопросы» решить значительно проще, чем в рамках демократии. Но это обманчивая простота: диктаторской системе свойственны свои проблемы и противоречия, ничуть не менее сложные. С ними, опять-таки безотчетно и неосознанно, столкнулся и Бабеф. И это сказилось не только в том, что, признав необходимость диктаторских мероприятий, Бабеф так и не примирился с самим словом «диктатура» и старался его избегать; и даже не в том, что диктатура, само собой разумеется, для него не цель, а средство, и он подчеркивает

ее своеобразный и недолговечный характер.

После того как Бабеф пришел к мысли о неизбежности временной диктатуры для осуществления своих идеалов, его взгляды сложились в стройную и логичную систему. Из этой системы исчезли те явные противоречия, которые бросались в глаза не только историкам, но даже ряду его современников. Однако в ней с неизбежностью сохранились противоречия скрытые, внутренние, которые парадоксальным образом проявлялись теперь не столько в высказываниях, сколько в умолчаниях.

Наиболее показателен в этом отношении следующий факт. В период яростной кампании против якобинцев Бабеф развернул многостороннюю антидиктаторскую аргументацию, особенно стараясь подчеркнуть принципиальную порочность и ошибочность попыток искать решение сложных общественных проблем на путях диктатуры. Естественно было бы ожидать, что теперь он прежде всего найдет контрдоводы, направленные на опровержение этих аргументов. Действительно, придя к новым взглядам, Бабеф будет очень логично и убедительно их защищать и при этом впрямую отречется от некоторых из прежних своих заявлений. Однако только от некоторых. О других же он как бы забывает. А между тем речь идет не о пустяках, не о полемических преувеличениях Бабефа-«антитеррориста», а о серьезных опасностях и противоречиях, с которыми столкнулась, в частности, и якобинская диктатура². Чем же это объясняется?

Если бы Бабеф не «отмахнулся» внутренне от некоторых из «проклятых вопросов», не принял бы как аксиому, что они сами собой решатся в его «обществе всеобщего счастья», он не смог бы действовать: ему пришлось бы признать, что, пытаясь осуществить свой идеал на практике, он решает в принципе неразрешимую на той стадии общественного развития проблему.

История показывает, что многие политические деятели, искренне стремящиеся, подобно Бабефу, к социальной и политической справедливости, к всеобщему счастью, в условиях, когда общественное производство не достигло уровня, обеспечивающего всеобщее изобилие, неизбежно сталкиваются с противоречием: справедливое распределение продуктов производства оказывается не совместимым с демократическим устройством общества (а именно к такому совмещению в идеале обычно и стремятся). Поэтому в конечном счете приходится делать выбор между политической демократией и демократией, так сказать, экономической. Причем интересно, что субъективно это обычно не осознается как выбор, как отказ от одного из принципов: либо экономическая демократия представляется наиболее верным путем к политической, либо политическая демократия кажется обеспечивающей — сразу или в развитии — демократию экономическую. Бабеф, чрезвычайно рано пришедший к мысли о необходимости именно социального, экономического равенства, неизбежно должен был в конечном счете сделать выбор в пользу демократии экономической — как наиболее верного пути ко «всеобщему счастью». На деле же эта система на том уровне развития производительных сил не могла быть не чем иным, как утопией.

Система Бабефа была утопичной — и в этом объяснение многих ее противоречий и слабостей, пробелов и недостатков (будь то в области теории, идеологии или тактики). Более того, возникнув в таких исторических условиях, когда полностью отсутствовали какие бы то ни было предпосылки для преобразования общества на основе общественной собственности³, и будучи первой попыткой создания принципиально новой идеологии, с одной стороны, действенной и конкретной, а с другой — практически полностью лишенной какой бы то ни было мифологической основы и окраски и потому впервые по-настоящему заслуживающей названия коммунистической, система Бабефа неизбежно была утопией ранней, незрелой⁴. Но при всех этих неизбежных слабостях и несовершенствах бабувизм все же вобрал в себя все лучшие стороны Великой Французской революции. В связи с этим логическим встает вопрос о месте Бабефа в истории революции и в истории Заговора во имя равенства.

Множество источников, в том числе и разобранные в третьей главе письма Жермена, свидетельствуют, что Бабеф отнюдь не случайно встал во главе «равных» — это объясняется, в частности, целым рядом качеств, присущих ему как идеологу, политику и, наконец, просто как человеку. Но было и еще одно обстоятельство, во многом предопределившее ту особую роль, которую ему суждено было сыграть.

Как известно, Бабеф еще до революции проявил способность мыслить вполне оригинально, а в годы революции ни организационно, ни идеологически не примкнул ни к одной из существовавших тогда группировок. Эта его независимость сказалась во время якобинской диктатуры: он не присоединился ни к робеспьеристам, ни к «крайне левой» (будь то «бешеные» или эбертисты). Сказалась она и сразу после термидорианского переворота. При несомненной близости его взглядов ко взглядам деятелей «крайне левого» Электорального клуба их позиции все же, как было показано в первой главе, полностью не совпадали. По некоторым чрезвычайно важным вопросам Бабеф стоял значительно ближе к тем, кого считал одно время своими противниками, — к якобинцам. Это своеобразие программы Бабефа имело первостепенное значение.

Многие историки, касаясь событий первых месяцев термидора, подчеркивают как чрезвычайно прискорбное явление, способствовавшее упрочению термидорианского режима, раскол левых сил (предопределенный тем разгромом, которому подверглись крайне левые группировки со стороны Робеспьера и его сподвижников весной 1794 г.). Для преодоления этого раскола мало было того, чтобы представители обоих лагерей демократии увидели, что главная опасность — справа, и на этой почве объединились. Именно таким центром механического объединения стал на некоторое время Электоральный клуб после разгона якобинцев. Именно к такому объединению звал позднее, в декабре, осознавший опасность Бабеф. Такое объединение оказалось непрочным и потерпело окончательный крах в прерииале III года.

Чтобы объединение получило прочную основу, необходимо было не механическое соединение некоторых черт эбертизма и робеспьеризма, а

выведение некоей составляющей, синтез всего наиболее перспективного, что содержалось в обоих течениях, помноженный на колоссальный опыт революции, в первую очередь на опыт якобинской диктатуры и ее крушения. Именно особая позиция, как бы промежуточная между крайне левой и робеспьеризмом, занимаемая в это время Бабефом, в значительной степени предопределила (наряду со многими другими факторами) то, что как раз Бабеф стал человеком, осуществившим этот синтез, и в этом смысле, не прямом и плоском, а гораздо более высоком, сделавшимся наследником всего лучшего в революции, и в первую очередь якобинизма⁵. Именно поэтому ему и было суждено впоследствии преодолеть раскол в лагере демократии, объединив вокруг принципиально новой, но диалектически связанной со всем лучшим и радикальным в революции программы и уцелевших якобинцев, и остатки разгромленной ими «крайне левой», фактически, для непосредственной истории революции, то объединение было совершено слишком поздно. Но стратегически оно имело огромное значение: Заговор во имя равенства показал путь и перспективу всем тем, кто не считал революцию законченной, не был удовлетворен ее результатами. Таким образом, он оказался у истоков всего дальнейшего развития европейского революционного движения.

1 Наиболее ярким примером служит, пожалуй, уже упоминавшийся факт: горячую защиту прав народных обществ, которые, с его точки зрения, абсолютно независимы от правительства и в определенном смысле стоят выше него, Бабеф сочетает с призывом к тому же правительству закрыть Якобинский клуб.

2 Невнимание к некоторым из этих проблем можно в какой-то мере объяснить иллюзиями, так сказать, личного свойства. К примеру, Бабеф в свое время справедливо рассуждал об опасностях, связанных с абсолютной властью и ее развращающим влиянием. Но такого рода соображения всегда кажутся справедливыми по отношению к другим. Субъективная уверенность в чистоте собственных принципов и намерений мешает обычно распространить эти опасения на самого себя. Однако такое объяснение, хотя, возможно, и отражающее какую-то часть истины, нельзя назвать ни исчерпывающим, ни принципиальным.

3 Вспомним, что во Франции еще только начинался промышленный переворот.

4 Повторим, что эта незрелость носила объективный и неизбежный характер. Именно поэтому, когда мы говорим о тех идеях Бабефа, которые не выдержали испытания временем, лучше избегать встречающегося у некоторых историков слова «ошибки», особенно когда это касается вопросов теории. Слово это невольно наводит на мысль, что в ту эпоху могли существовать и иные, более «правильные» взгляды. Вероятно, следует говорить скорее об особенностях мировоззрения и духовного склада людей того времени.

5 К.Маркс и Ф.Энгельс подчеркивали, что коммунизм Бабефа — закономерное следствие «демократии 1793 г» См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.2, с.132, 589

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство или Критика критической критики.— Соч. 2-е изд., т. 2.
Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.— Соч. 2-е изд., т. 4.
Энгельс Ф. Успехи движения за социальное преобразование на континенте.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1.
Энгельс Ф. Празднество наций в Лондоне.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2.
Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19.
Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20.
Энгельс Ф. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20.
Энгельс Ф. Юридический социализм.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21.
Ленин В. И. Революционный авантюризм.— Полн. собр. соч., т. 6.
Ленин В. И. Государство и революция.— Полн. собр. соч., т. 33.
Ленин В. И. Конспект книги Маркса и Энгельса «Святое семейство».— Полн. собр. соч., т. 29.

ИСТОЧНИКИ

Рукописные:

- Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 223 (личный архив Гракха Бабефа).
ЦПА ИМЛ, ф. 317 (личный архив М.-А. Жюльена).
Collection privée de M. Dommanget: lettres de Ch. Germain à G. Babeuf (21 prairial — 23 fructidor an III); lettre de G. Babeuf à Ch. Germain, 10 thermidor an III.

Печатные:

- Journal de la liberté de la presse, an III (1794).
Le Tribun du Peuple ou le Défenseur des Droits de l'Homme, an III— an IV (1794—1795).
Gazette nationale ou Moniteur Universel, 1794—1795.
[Babeuf G.]. On veut sauver Carrier. On veut faire le procès au Tribunal Révolutionnaire. Peuple, prend garde à toi. S. l. n. d. [Paris, 1794].
[Babeuf G.]. Les Battus payent l'amende ou les Jacobins Jeannots. Paris, s. d. [1794].

- [Babeuf G.]. Voyage des Jacobins dans les quatre parties du monde. Avec la Constitution mise à l'ordre du jour par Audoin et Barrère. Paris, s. d. [1794].
[Babeuf G.]. Du système de dépopulation ou la vie et les crimes de Carrier, député de Cantal. Son procès et celui du Comité révolutionnaire de Nantes. Par Gracchus Babeuf. A Paris, An III de la République.
[Félhemesi (Méhée le fils)]. La queue de Robespierre ou les dangers de la liberté de la presse. Paris, an II de la République.
[Vilate J.]. Causes secrètes de la révolution du 9 au 10 thermidor. Par Vilate. Paris, [1794].

- Advielle V. Ch. Germain disciple de babouvistes.— La Révolution française, t. VIII, jan.—juin 1885.
Aulard A. Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire, t. 1. Paris, 1898.
Aulard A. Babeuf et son imprimeur Guffroy.— La Révolution française, t. 82, jan.—déc., 1929.
Autour de Babeuf.— Annales historiques de la Révolution française, 1963, N 171.
[Buonarroti Ph.]. Conspiration pour l'Égalité dite de Babeuf suivie du procès auquel elle donna lieu, et des pièces justificatives etc. etc. Par Ph. Buonarroti. Bruxelles, 1828. Vol. 1, 2. (Réimpression par G. Lefebvre: Paris, 1957. (Рус. пер.: Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа. М.; Л., 1948. Т. 1, 2; 2-е изд. М., 1963).
Bourgin G. Quelques inédits sur Babeuf et ses amis.— Annales historiques de la Révolution française, 1959, N 156—157.
Charavay E. Gracchus Babeuf. Lettre de Babeuf à Guffroy du 9 floreal an III.— La Révolution française, t. VIII, jan.—juin 1885.
Daline V., Sailla A., Soboul A. Inventaire des manuscrits et imprimés de Babeuf. Paris, 1966.
[Daline V., Sailla A., Soboul A.]. Oeuvres de Babeuf. T. 1 — Babeuf avant la Révolution. Paris, 1977.
Deville G. Notes inédites de Babeuf sur lui-même.— La Révolution française, t. XLIX, 1905.
[Dommanget M.]. Pages choisies de Babeuf, recueillies, commentées, annotées avec une Introduction et une bibliographie critique par Maurice Dommanget. Paris, 1935.
Jacob I. Correspondance avec Babeuf. Annales historiques de la Révolution française, 1934, N 63.
Lecocq G. Un manifeste de Gracchus Babeuf. Paris, 1885.
Legrand R. Les manuscrits de Babeuf conservés à la bibliothèque historique de la ville de Paris.— Annales historiques de la Révolution française, 1973, N 214.
[Mazauric C.]. Babeuf. Textes choisis. Introduction et notes par Claude Mazauric. Paris, 1965.
[Reinhard M.]. Correspondance de Babeuf avec l'Académie d'Arras. Paris, 1961.
[Willard G. et Cl.]. Babeuf. Textes choisis. Préface, commentaires et notes explicatives par G. et Cl. Willard. Paris, 1951.
Письмо членам Законодательного комитета 23 флореаля II года.— Французский ежегодник, 1959. М., 1960.

- Неопубликованные письма Г. Бабефа.— Нов. и новейш. ист., 1960, № 5.
- Неопубликованные письма Бабефа.— Французский ежегодник, 1960, М., 1961.
- Новые документы Гракха Бабефа.— Вопр. ист., 1961, № 2.
- Бернстайн С. Из истории «Постоянного кадастра».— Французский ежегодник, 1961, М., 1962.
- Письмо Г. Бабефа к Тибодо из аррасской тюрьмы.— Французский ежегодник, 1970, М., 1972.
- Бабеф Гракх. Соч.: В 4-х т. М., 1975—1977. Т. 1—3.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров В. Из истории Французской революции XVIII века.— Борьба классов, 1935, № 5.
- Волгин В. П. Движение «равных» и их социальные идеи.— В кн.: Буонаротти Ф. Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа. М., 1948. Т. 1.
- Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1958 (2-е изд. М., 1977).
- Волгин В. П. Французский утопический коммунизм. М., 1960.
- Волгин В. П. Место бабувизма в истории социальных идей.— Французский ежегодник, 1960, М., 1961.
- Далин В. М. Гракх Бабеф накануне и во время Великой французской революции. М., 1963. Фр. пер.: *Daline V. Gracchus Babeuf à la veille et pendant la grande Révolution française (1785—1794)*. Moscou, 1977.
- Далин В. М. Бабеф и Марат в 1789—1790 гг.— Вопр. ист., 1956, № 9. (Опубликовано и на фр. яз.: *Daline V. M. Babeuf et Marat en 1789—90. — Annales historiques de la Révolution française, 1958, N 150*).
- Далин В. М. Робеспьер и Бабеф.— Нов. и новейш. ист., 1958, № 6. (Перепечатано в кн.: *Далин В. М. Люди и идеи*, М., 1970).
- Далин В. М. Неизвестная рукопись Бабефа.— Французский ежегодник, 1958, М., 1959.
- Далин В. М. Новые документы об отношении Бабефа к Дантону.— Вопр. ист., 1959, № 4.
- Далин В. М. Первый отзыв Бабефа о Робеспьере.— Нов. и новейш. ист., 1960, № 3.
- Далин В. М. Социальные идеи Бабефа накануне революции.— Нов. и новейш. ист., 1961, № 1. (Опубликовано и на фр. яз.: *Daline V. M. Les idées sociales de Babeuf à la veille de la Révolution. — Colloque international de Stockholm, Babeuf et les problèmes du babouvisme*, Paris, 1963).
- Далин В. М. Начало политической деятельности Бабефа.— Французский ежегодник, 1960, М., 1961.
- Далин В. М. К истории «Манифеста плебеев». Бабеф в аррасской тюрьме.— В кн.: История социалистических учений. М., 1964.
- Далин В. М. Марк-Антуан Жюльен после 9 термидора.— Французский ежегодник, 1959, М., 1961. (Перепечатано в кн.: *Далин В. М. Люди и идеи*, М., 1970).
- Далин В. М. Новейшая зарубежная литература о Бабефе.— Вопр. ист., 1972, № 3.
- Далин В. М. Руссо в оценке Бабефа.— В кн.: Век Просвещения.

- Москва; Париж, 1970. Фр. пер.: *Daline V. M. Babeuf et les idées de Rousseau. — Au siècle des Lumières*, Paris; Moscou, 1970.
- Деборин А. М. Социально-политическая доктрина Бабефа.— В кн.: Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957.
- Добролюбовский К. П. Термидорианская реакция. Общественное настроение в Париже во время термидорианской реакции по наблюдениям пемцев очевидцев.— Историк-марксист, 1926, № 1.
- Добролюбовский К. П. Экономическая политика термидорианской реакции. М., 1930.
- Добролюбовский К. П. Гракх Бабеф и термидорианская реакция.— В кн.: Сборник работ исторического факультета Одесского государственного университета. Одесса, 1947.
- Добролюбовский К. П. Термидор: Очерки по истории классовой борьбы во Франции в 1794—1795 гг. Одесса, 1949.
- Зайдель Г. С. Бабувизм и марксизм.— Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930. Т. 2.
- Займель В. Гракх Бабеф. М., 1928.
- Захер Я. М. Бабеф и «бешеные».— Французский ежегодник, 1960, М., 1961.
- Иоаннисян А. Р. Из истории идей утопического коммунизма во Франции в период Директории.— Вопр. ист., 1957, № 6.
- Иоаннисян А. Р. Коммунистические идеи в годы Великой Французской революции. М., 1966.
- Иоаннисян А. Р. Робер Франсуа Дебон.— Нов. и новейш. ист., 1970, № 4.
- Лукин Н. М. Избр. труды. М., 1960. Т. 1.
- Пригожин А. Гракх Бабеф. М., 1925.
- Тарле Е. В. Жерминаль и прериналь.— В кн.: Тарле Е. В. Соч. М., 1959. Т. VI.
- Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов, т. 2. М., 1930. Т. 2 (см. прения по докладом К. П. Добролюбовского, Г. С. Зайделя, П. П. Щеголева).
- Французский ежегодник 1960, М., 1961. (К двухсотлетию Гракха Бабефа).
- Черткова Г. С. Гракх Бабеф после 9 термидора (август 1794 — март 1795).— Французский ежегодник, 1971, М., 1973.
- Черткова Г. С. Гракх Бабеф в аррасской тюрьме.— Французский ежегодник, 1977, М., 1979.
- Щеголев П. П. Заговор Бабефа. Л., 1927.
- Щеголев П. П. После термидора. Л., 1930.
- Щеголев П. П. Гракх Бабеф. М., 1933.
- Щеголев П. П. Буонаротти и его книга «Заговор равных».— Учен. зап. ЛГУ. Серия исторических наук. Л., 1940, вып. 6.
- Advielle V. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme, d'après de nombreux documents inédits. Paris, 1884, Vol. 1, 2.
- Advielle V. Charles Germain disciple des babouvistes.— La Révolution française, t. VIII, janv. — juin 1885.
- Babeuf — Buonarroti. Recueil publié par la Société des Etudes robespierristes. Paris, 1961.
- Bux E. V. The last episode of the French Revolution. London, 1911.
- Bernstein S. Buonarroti. Paris, 1949.
- Bernstein S. Babeuf's conspiracy viewed by the press of the United States.— International Review of Social History, vol. XX (1975).

- Birembaut A.* Deux autographes de Babeuf.—Annales historiques de la Révolution française, 1967, N 187.
- Bouis R.* Manifestation du tempérament de Babeuf pendant sa détention à Vendôme. Annales historiques de la Révolution française, 1967, N 187.
- Bouis R.* Le patriote Pierre Nicolas Hésine.—Bulletin de la Société archéologique, scientifique et littéraire du vendomois. Blois, 1969, 1970, 1971.
- Bouis R.* Une lettre du 30 floréal an IV. Abbeville, 1975.
- Boulay M.* Babeuf et le mouvement babouviste. Vendôme, 1931.—
- Bouloiseau M.* Lettres de Babeuf à l'«Observateur» de Feydel.—Annales historiques de la Révolution française, 1963, p. 175—176.
- Bourgin G.* Babeuf et le babouisme.—Cahiers de la Révolution française, 1900, t. 57.
- Bruhat J.* Gracchus Babeuf et les égaux ou «le Premier Parti communiste agissant». Paris, 1978.
- Bergmann K.-H.* Babeuf. Gleich und Ungleich. Köln; Opladen, 1965.
- Cobb R., Rudé G.* Le dernier mouvement populaire de la révolution à Paris. Les journées de germinal et de prairial an III.—Revue historique, 1955, t. 214.
- Coë R. N. C.* La théorie morellienne et la pratique babouviste.—Annales historiques de la Révolution française, 1958, N 150.
- Colloque international de Stockholm. Babeuf et les problèmes du babouisme. Paris, 1963.
- Dallne V.* Robespierre et Danton vus par Babeuf.—Annales historiques de la Révolution française, 1960, N 162.
- Daline V.* Babeuf-Studien. Eingeleitet und herausgegeben von W. Markov. Berlin, 1961.
- Dautry J.* Le pessimisme économique de Babeuf et l'histoire des utopies.—Annales historiques de la Révolution française, 1961, N 164.
- Dautry J.* Le bonheur commun pouvait-il être une formule vide? Annales historiques de la Révolution française, 1967, p. 133—134.
- Dautry J., Saitta A., Coë R. N. C.* Colloque sur Morelly.—Annales historiques de la Révolution française, 1958, N 150.
- Deville G.* Gracchus Babeuf und die Verschwörung der Gleichen. Höttingen; Zürich, 1887.
- Deville G.* Thermidore et Directoire (1794—1799). Paris, 1904.
- Dommanget M.* Babeuf et la conjuration des Égaux. Paris, 1922. Pyc. пер.: Домманже М. Бабёф и заговор равных. Л., 1925.
- Dommanget M.* Les grands socialistes et l'éducation: de Platon à Lénine. Paris, 1970.
- Eisenstein E. L.* The first professional revolutionist. Filippo Michele Buonarroti (1761—1837). Cambridge (Mass.), 1959.
- Foucart J.* Le rôle du juge dans le faux de Babeuf.—Bulletin Trimestriel de la société des antiquaires de Picardie. Amiens, 1976.
- Galante Garrone A.* Buonarroti e Babeuf. Turin, 1948.
- Guerin D.* La lutte des classes sous la Première République. Bourgeois et «bras nus», 1793—1797. Paris, 1946, Vol. 1, 2.
- Jacob L.* Joseph Le Bon. 1765—1795. La terreur à la frontière (Nord et Pas-de-Calais). Paris, 1934. Vol. 1, 2.
- Jaures J.* Histoire socialiste de la Révolution française (édition revue par A. Mathiez). Paris, 1920—1924. (Réédition par A. Soboul: Paris, 1969—1973).
- Kuscinski.* Dictionnaire des conventionnels. Paris, s. d.
- Latzko H.* Babeuf und die Verschwörung der Gleichen. Tübingen, 1914.
- Laski H.* The socialist tradition in the French Revolution. London, 1930.
- Le Bon E.* Joseph Le Bon dans sa vie privée et dans sa carrière politique. Paris, 1861.
- Lefebvre G.* Les thermidorien. Paris, 1937.
- Lefebvre G.* Les origines du communisme de Babeuf.—In: Etudes sur la Révolution française. Paris, 1954.
- Lefebvre G.* La France sous le Directoire (1795—1799). Paris, 1977.
- Legrand R.* Babeuf, ses idées, sa vie en Picardie. Abbeville, 1961.
- Legrand R.* Babeuf et André Dumont. Abbeville, 1968.
- Legrand R.* Babeuf et le conventionnel Goujon. Abbeville, 1975.
- Legrand R.* Babeuf précepteur de son fils aîné. Abbeville, 1976.
- Legrand R.* Les prisons de Babeuf. Abbeville, 1977.
- Lépine J.* Babeuf. Paris, 1949.
- Leroy M.* Histoire des idées sociales en France, t. 2 (de Babeuf à Tocqueville). Paris, 1950.
- Lévi-Strauss C.* Gracchus Babeuf et le communisme. Bruxelles, 1926.
- Lichtenberger A.* Le socialisme au XVIII siècle. Paris, 1895.
- Lichtenberger A.* Le socialisme et la Révolution française. Paris, 1899.
- Mathiez A.* Babeuf et Robespierre.—In: Etudes sur Robespierre. Paris, 1958.
- Mathiez A.* La réaction thermidorienne. Paris, 1929. Pyc. пер.: Матвез А. Термидорианская реакция. М., Л., 1931.
- Mathiez A.* L'affaire Legray.—Annales historiques de la Révolution française, 1927, t. IV.
- Mathiez A.* La terreur blanche de l'an III.—Annales historiques de la Révolution française, 1928, t. V.
- May F.* Die Verschwörung des Gracchus Babeuf. Berlin, 1952.
- Mazauric C.* Babeuf et la Conspiration pour l'Égalité. Paris, 1962.
- Mazauric C.* Le rousseauisme de Babeuf.—Annales historiques de la Révolution française, 1962, N 170.
- Mazauric C.* Babouisme et conscience de classe.—In: Mazauric C. Sur la Révolution française. Paris, 1970.
- Montgrenier R.* Gracchus Babeuf. Paris, 1937.
- Pelletier A.* Babeuf feudiste.—Annales historiques de la Révolution française, 1965, N 179.
- Robiquet P.* Babeuf et Barras.—La Revue de Paris, 1896.
- Rose R. B.* Babeuf, Dictatorship and Democracy.—Historical studies, apr. 1972, N 58.
- Rose R. B.* Jacques at Davenescourt in 1791.—Tasmanian Historical Research Association. Papers and Proceedings, vol. 20, march 1973.
- Rose R. B.* Babeuf in Picardy: The Making of Revolutionary.—Tasmanian Historical Research Association. Papers and Proceedings, vol. 22, june 1975.
- Rose R. B.* Gracchus Babeuf. The First Revolutionary Communist. London, 1978.
- Rudé G.* Les sans-culottes parisiens et les journées de vendémiaire an IV.—Annales historiques de la Révolution française, 1959, N 158.
- Prudhommeaux J.* Babeuf jugé par un communiste de 1840.—La Révolution française, 1908, t. 55.
- Saitta A.* Discussion sur le communisme en 1796.—Annales historiques de la Révolution française, 1960, N 162.

- Soboul A.* Personnel sectionnaire et personnel babouviste.— Annales historiques de la Révolution française, 1960, N 162. (Опубликовано также в кн.: Colloque international... Paris, 1963).
- Soboul A.* Les sans-culottes parisiens en l'an II. Paris, 1962. Рус. пер.: *Собуль А.* Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966.
- Talmon J. L.* The origine of totalitarian democracy. London, 1955.
- Thomas A.* La pensée socialiste de Babeuf avant la conspiration des Égaux.— Revue socialiste, t. 40 (1904); t. 41 (1905).
- Thomson D.* The Babeuf Plot. The making of a republican Legend. London, 1947.
- Tønnesson K. D.* La defaite des sans-culottes. Mouvement populaire et réaction bourgeoise en l'an III Oslo; Paris, 1959.
- Tønnesson K. D.* L'an III dans la formation du babouvisme.— Annales historiques de la Révolution française, 1960, N 162.
- Tønnesson K. D.* The Babouvism From utopian to practical socialisme.— Past and Present, 1962, N 22
- Velasque.* Le procès de Carrier et le comité révolutionnaire de Nantes.— Annales historiques de la Révolution française, 1924, t. 1.
- Walter G.* Babeuf et la conspiration des Égaux. Paris, 1937.
- Zacker J.* Variet pendant la réaction thermidorienne.— Annales historiques de la Révolution française, 1961, N 163.
- Zivy H.* Le treize vendemiaire an IV. Paris, 1898.

ПИСЬМО Г.БАБЕФА К ТИБОДО ИЗ АРРАССКОЙ ТЮРЬМЫ

Публикация *Г.С.Чертковой*

Французский ежегодник, 1970. В разделе «Сообщения и публикации». С.219-221

Люди, занимающиеся историей Великой французской революции, говоря о Гракхе Бабефе, высказывают иногда мнение о некоторой его «наивности». Это суждение не лишено определенных оснований — Бабеф был человеком увлекающимся. И все же тщательное изучение его биографии показывает, что ему были свойственны и совершенно иные качества: не только умение в ряде случаев совершенно трезво оценить обстановку или решительно противостоять общему мнению, но и способность к определенному политическому лавированию. Одно из доказательств тому — публикуемое ниже письмо¹. Оно адресовано другу и единомышленнику Бабефа Тибодо, знакомому ему еще по работе в парижской продовольственной администрации; написано оно в Аррасской тюрьме, куда Бабеф попал в вантозе III года (марте 1795 г.) в результате развернутой им в газете «Трибун народа» антиправительственной кампании. Мы не будем комментировать содержание этого письма — оно говорит само за себя. Подчеркнем только, что, излагая принципы, которые сам он называет «маккиавелизмом правого дела», Бабеф совершенно искренен. Говоря о мотивах, которые побуждают его добиваться освобождения любой ценой, он не лукавит ни перед другими, ни перед самим собой, не прикрывает, сознательно или бессознательно свое стремление поскорее вырваться на свободу. И это лучше всего подтверждают дальнейшие события его жизни. Выйдя из тюрьмы после событий 13 вандемьера (не в результате своей «маккиавелистической» политики, а по амнистии), Бабеф, в отличие от многих других деятелей революции, которых преследования заставили навсегда сойти с политической арены, развил бурную деятельность, завершившуюся организацией «Заговора во имя равенства», в результате которой он потерял столь желанную свободу менее, чем через семь месяцев после того, как ее обрел. Из этой своей последней тюрьмы он вышел только на эшафот.

Бабеф осуществил свой план — он обратился с письмами к нескольким деятелям термидорианской реакции. Одно из них было адресовано Гюффруа, бывшему издателю «Газеты свободы печати» и первых номеров «Трибуна народа», с которым Бабеф решительно порвал осенью 1794 г. Это письмо было опубликовано в 1885 г. Шаравэ в журнале «La Revolution francaise» (t.VIII, p.733—736). В это же время Бабеф обратился с письмом к Дюбуа де Фоссе, бывшему президенту Аррасской академии, с которым он прекратил переписку в 1788 г. Письмо это сохранилось в архиве Дюбуа де Фоссе, но наследники до сих пор не дали возможности его опубликовать.

«Тибодо, 7 фрюктидора.

То, что ты говоришь мне о моих врагах и об их постоянном озлоблении, отнюдь меня не удивляет и почти все это я знал еще до твоего письма. Чтобы получить об этом достаточно ясное представление, надо только подумать обо всех обстоятельствах дела, вспомнить, какие люди были сильнее всего задеты моими ударами, посмотреть, какие посты они занимают сейчас у кормила государственной власти, и взвесить затем силу воздействия личных страстей на людей, для которых эгоизм является практически единственным философским принципом.

Ты мне советуешь молчать: этот совет не кажется мне достаточно разумным. Он диаметрально противоположен советам моей жены и детей, заклинающих меня написать такому-то и такому-то — тем самым людям, которых уязвили высказанные мною слишком резкие истины, — чтобы попытаться смягчить их неприязнь. Люди, ничуть не более добродетельные, чем я, с отвращением отказались бы от подобного шага, сочтя его унижительным и повергающим справедливость к ногам преступления. Но я придерживаюсь иных принципов, и эти соображения меня отнюдь не остановят. Уроки прошлого достаточно ясно показали нам, что роль непоколебимой добродетели, взятая на себя героями революции, ее Сиднеями², привела лишь к тому, что ускорила их гибель на эшафоте. С гордостью пронеся этот ничем не запятанный героизм до своего рокового конца, они, несомненно, считали себя великими людьми и питали уверенность, которую я не могу оспаривать, что беспристрастная история, воздав должное уважение их памяти, вознаградит их тем самым за все несправедливости их современников. Но только это утешение они и могли почерпнуть в своей тщеславной добродетели. Напрасно старались они предстать перед окружающими в виде праведников и людей, совесть которых вполне чиста — на массы это не произвело никакого впечатления; их почитателями было лишь небольшое число мудрецов, а также людей, обладающих не только честностью, но и проницательностью. Но этот противовес не был достаточно мощным, чтобы смутить негодяев, которые их убивали. Наглость этих последних только возросла от этого, что и ускорило их гибель, и энергия, мудрость, все драгоценные качества этих достойных уважения жертв были погребены вместе с ними и навсегда потеряны для человечества. Если бы они избрали менее ясный и откровенный образ действий, они могли бы отсрочить свою смерть или даже вовсе избежать ее и оказать еще много услуг своим согражданам. Когда у власти находятся мерзавцы, сама добродетель должна скрывать свое лицо; ее наиболее верные последователи должны хитрить с лицемерами и жуликами; иначе первые никогда не смогли бы ничего противопоставить торжеству преступления и оно постоянно одерживало бы верх над добродетелью. Эти принципы, или, если угодно, этот маккиавелизм правого дела, объясняют в мою пользу все то, что могло бы, на первый взгляд, показаться трусостью в поведении философа, который выдавал себя за человека очень строгих правил. Они показывают, что именно должны думать обо мне все порядочные люди, даже если они увидят

меня распростертым у ног самой гнусной подлости. Во все времена они оправдают некоторые мои поступки вопреки ложным или злостным истолкованиям.

Совет, данный мне женой и сыном, продиктован супружеской, материнской и сыновней любовью, продиктован их положением; вполне естественно, что они советуют мне то, что отвечает их самому горячему желанию, т.е. то, что может дать им надежду вскоре увидеть меня. Из всего вышесказанного ты видишь, что я отнюдь не закрываю глаза на одну из главных трудностей — необходимость оказаться в положении униженного просителя перед людьми, которых я презираю и ненавижу. В моем письме к Гюффруа, вслед за которым я послал к нему свою жену, письмо, которое я почти буквально воспроизведу в набросках писем к Фрерону, Тальену, Изабо...³ (сначала я покажу их тебе); в этом письме, повторяю, я не только изображаю себя смиренным просителем, но и прикидываюсь человеком, отрекшимся от своих идеалов, и дохожу даже до того, что, терзая свое воображение, излагаю, быть может даже несколько по-новому, идеи, которые по видимости оправдывают современную политическую систему. Ты это увидишь и, несомненно, втихомолку над этим посмеешься. Но вот какой вопрос я себе задаю: будут ли эти люди настолько добры, чтобы позволить мне обвести их вокруг пальца? Не показал ли я себя человеком слишком добродетельным, чтобы они поверили в мою испорченность? Прием, который встретила моя жена у Ружиффа⁴, подтверждает мои печальные предположения, хотя причиной его может быть и то, что Ружифф слишком занят самим собой, чтобы думать о других.

Ты советуешь мне молчать, но до каких пор должен я буду хранить молчание? Как ты вероятно догадываешься, мне уже очень надоела жизнь взаперти. Когда я задаю тебе этот вопрос: до каких пор следует хранить молчание? я знаю, что ты, как и я, не можешь на него ответить. И я вспоминаю твое письмо, в котором ты сам писал: кто может трезво разобраться в подобном хаосе, в этом нагромождении мерзостей? у кого хватит дерзости судить о его результатах?

Но я хочу сказать, что в этой туманной неопределенности, в этой робкой неуверенности, которые, в первую очередь позволяют предположить, что власть надолго сохранится в руках тех же людей...⁵ и при этой глубокой усталости и глубокой степени истощения и порабощения народа; при прочности, а также поистине изощренной и запутанной сложности последнего здания тирании; при острой нехватке людей, достаточно отважных, достаточно превосходящих остальных величиим своего характера и силой воображения, чтобы осмелиться выступить против огромного колосса угнетения, которому удалось возвыситься вопреки всем препятствиям и который утвердился против воли, мужества, просвещения и всех великих добродетелей, которые принесла с собой революция...⁵ я хочу сказать, что в этом отчаянном положении я почти ничего не выигрываю благодаря терпению, и вот почему я чувствую сильный соблазн рискнуть и отправить сейчас мой «курс двуличия» монархам, которые нами управляют».

¹ Черновик этого письма находится в ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.1, ед.хр.465. Пользуемся случаем поблагодарить Н.И.Непомнящую, любезно предоставившую свою помощь в прочтении этого документа.

² Имеется в виду, вероятно, Олджернон Сидней (Сидни), видный английский политический деятель, участник английской революции, казненный в годы реставрации Стюартов. Он был известен в значительной степени благодаря посмертно опубликованному трактату «Рассуждения о правительстве». Упоминание его имени лишний раз свидетельствует о незаурядной начитанности самоучки Бабефа, так же как и о его стремлении изучить и осмыслить опыт предшествовавших революций.

³ Одно имя прочесть не удалось.

⁴ Речь идет об уже упоминавшемся выше правом термидорианце Гюффруа, одно время издававшим газету под названием «Ружифф» (Ружифф — анаграмма его фамилии).

⁵ Обрыв в тексте.